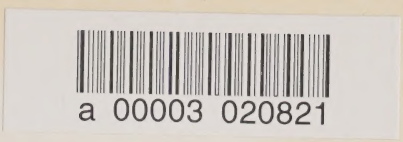
DK32
.G68
1926

IZ EPOKHI KREPOSTNOGO KHOZIAISTVA
XVIII i XIXvv

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK32
.G68
1926


a 00003 020821

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
JUN 17 1999			
	JUN 30 1999		

Form No. 513,
Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/izpokhikrepostno00gosu

XVIII–XIX

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
МОСКВА

Отпечатано в типографии
Государственного Из-ва
„Красн. Пролетарий".
Пименовская, 16,
в кол. 1100 эк.
Главлит
63.605.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

DK32
.G68
1926

ИЗ ЭПОХИ КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА

XVIII и XIX вв.

СТАТЬИ и ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО ВЫСТАВКЕ

под редакцией
проф. Ю. В. ГОТЬЕ
и Н. Б. БАКЛАНОВА

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

IZ EPOKHI
KREPOSTNOGO
KHOZIAĬSTVA
XVIII i XIX vv.

МОСКВА
1926

Печатано по постановлению Правления Г. И. М.

И. о. ученого секретаря Н. Бакланов.

«ИЗ ЭПОХИ КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА»

ГОРОД, ДЕРЕВНЯ, ДВОР

ВЫСТАВКА

конца XVIII — начала XIX века.

Под таким названием Государственный Исторический Музей устроил выставку части своих коллекций.

Первые годы революционной жизни Музею пришлось целиком употребить, с одной стороны, на приемку и охрану всего того исторического имущества, которое в силу тех или иных причин оказалось бесхозяйным, с другой — на пересмотр, регистрацию и определение своих коллекций, превысивших, благодаря постоянному пополнению, миллионный счет. До разборки всего своего музейного имущества, до выяснения состава и полноты отдельных групп никакой экспозиции коллекций, понятно, нельзя было устроить. Теперь, когда хотя еще и не все, но все же большая и главная часть учтена, Музей приступает понемногу к выполнению основной своей задачи: плановой экспозиции своих коллекций. В виду того, что наиболее древняя часть коллекций уже была экспонирована

давно, новая экспозиция продолжает хронологически уже начатое, но в то же время затрагивает и другой конец истории, с тем, чтобы, двигаясь ретроспективно, сомкнуть весь цикл экспозиционных зал.

Недостаток места, заставивший превратить экспозиционные залы в переполненные кладовые и рабочие кабинеты, не позволяет Музею открыть залы ближайших к нам периодов истории в том об'еме, как это предположено основным планом Музея. Да и устройство, организация экспозиции этих периодов настолько еще не проработана, настолько трудна, что во всех отношениях удобнее устроить предварительные опыты экспозиции в виде отдельных тематических выставок.

Непременным условием для всех устраиваемых Музеем выставок является подлинность и современность эпохе выставленных предметов. Портреты, бытовые сцены, виды, т.-е. вся так называемая бытовая иконография, сопровождающая предметы, также привлекается по возможности современная. Копии предметов позднейшей работы не допускаются вовсе, за исключением редчайших случаев, когда подлинник не может быть выставлен (архитектурная модель или утраченный, важный по значению, памятник).

Фотографические и иные репродукции совершенно не допускаются и лишь необходимые для иллюстрации тех или иных тем, затронутых выставкой, графики, карты, диаграммы, изготовленные вновь, экспонируются, но и то отдельно от подлинных исторических предметов. Эта строгость экспозиции, разумеется, весьма затрудняет выполнение задачи Музея, поскольку дело касается выполнения определенной темы, когда для характеристики последней не оказывается должного подбора предметов среди коллекций Музея. В таких случаях или приходится отказываться от темы, или, если обстоятельства позволяют, пополнить обна-

руженный пробел, путем обменов, приобретений, поисков недостающего с помощью специальных экспедиций на места.

Основная задача открывшейся выставки Музея: иллюстрация путем подбора иконографии и предметов быта всех слоев общества в наиболее яркий и интенсивный период эпохи крепостного хозяйства, указанный хронологически в подзаголовке выставки. К этой основной задаче присоединяется попутно характеристика отдельных исторических моментов этого периода: восстание Е. Пугачева, война 1812—14 годов, восстание декабристов; характеристика общественных настроений этого периода под влиянием Великой Французской Революции, литературная жизнь, масонские общества, отдельные вспышки оппозиционных движений среди дворянства, наконец, выявление постепенного развития фабрично-заводской промышленности.

Уже характеристика отдельных исторических тем, путем исключительного подбора отдельных предметов, бытовавших в то время, трудна сама по себе; тем труднее является характеристика целой эпохи, очень сложной по своему разнообразию, путем сопоставления только памятников материальной культуры. На помощь экспозиции необходимо было призвать составленные специально для этого, к сожалению по очень скудным данным, статистические графики, диаграммы, карты. Наконец, путеводитель по выставке в своих руководящих статьях стремится об'единить отдельные пункты выставки одной общей идеей.

Как устроители выставки в лице двух комиссий, одной, под председательством завед. отделом XVIII века проф. Ю. В. Готье, разрабатывавшей идеологически задачи выставки, другой, под председательством завед. отделом архитектуры Н. Б. Бакланова, осуществлявшей экспозицию, так и Конференция Музейных деятелей Московской области, обсуждавшая в 1925 году доклад о предполагаемой

выставке, не скрыли от себя, что задача выполнения подобной выставки чрезвычайно трудна, и что опыт вряд ли увенчается полным успехом, но тем не менее опыт этот является настолько ценным, что его необходимо осуществить, не взирая на все трудности и затраты.

Усадьба, деревня и крепостная фабрика

Крепостное право в средине XVIII в. достигло в своем росте той окончательной формы, которая характеризуется неограниченным господством поместного класса над трудом и личностью крепостных; дворянство с этого времени начинает безраздельно господствовать во всех областях общественной и государственной жизни. Екатерина II, получив престол путем дворцового переворота при содействии дворянской гвардии, была послушным орудием осуществления всех главнейших требований господствующего класса: автор либерального «Наказа» скромно стушевался, когда окружавшие трон вельможи вымарывали все им не понравившиеся намеки на ненормальность крепостного права. В комиссии для составления проекта нового уложения 1767 года очень ярко обозначались крепостнические взгляды дворянства, считавшего его неприкосновенным и незыблемым устоем всех дворянских прав и преимуществ. Дворянам возражали представители других сословий — купцов, промышленников, духовных и домовитых казаков, но не в смысле ненормальности самого крепостного порядка, а в смысле желательности получения и для этих групп населения права приобретать крестьян.

Преимущества дворянского класса в крепостническом государстве манили к себе и другие сословия.

В действительности, хозяйственный под'ем дворянства в это время был очень силен: несмотря на развитие торгового капитала в предшествующие два столетия, буржуазия в России конца XVIII в. была относительно малочисленна и слабосильна и вполне естественно, что помещик, будучи владельцем своих крепостных, занимавшихся промыслами и торговлей, поощряя их предприимчивость, брал с них хороший оброк. Хозяйственно-крепкие слои оброчного крестьянства были настолько мощны в некоторых районах

империи по своей численности сравнительно с купечеством, что невольно заслоняли отчасти последнее от глаз иностранного наблюдателя.

Так Жан Бенуа Шерер, выпустивший в 1788 году интересную книгу о русской торговле, это свое впечатление выразил в очень определенной форме: «там (в России), пишет он, нет ни буржуазии, ни третьего сословия, ни купечества в собственном смысле слова; исключая духовенства, дворянства и военного сословия, всюду — мужик, в сущности говоря — раб». В 1762 г. купечество лишается права приобретать под фабрики населенные имения, владеть которыми с этого момента получают право только члены «благородного сословия». Организуя фабрики, на которых работали крепостные, и оттесняя на задний план в промышленности фабрикантов «неблагородного» происхождения, дворяне-помещики делались обладателями большой экономической и социальной силы, которая фактически давала им в руки распоряжение всеми отраслями народного хозяйства и полное господство в направлении внутренней и внешней политики.

С конца XVIII в. и в начале XIX в. помещичья усадьба с тянувшими к ней землями начинает превращаться все больше и больше в хозяйство такого типа, которое может характеризоваться развитием сельскохозяйственного предпринимательства. Это развитие сельскохозяйственного предпринимательства в крепостном хозяйстве санкционируется целым рядом законодательных актов: крайне выгодное производство в сельском хозяйстве — винокурение делается исключительной привилегией дворянства с 1765 года, вместе с тем около этого же времени дворяне получили преимущественное право снабжать войска провиантом и фуражом, что было очень выгодно в смысле наличия у помещиков постоянного сбыта их сельскохозяйственных продуктов. Сбыт последних для помещиков был также вполне обеспечен отменой внутренних таможенных пошлин в 1754 году и провозглашением свободы хлебной торговли в 1762 году; эта свобода постоянно подтверждалась позднейшими указами.

В первой четверти XIX в. этот процесс усиления предпринимательского элемента в крепостном хозяйстве еще более резко обозначился. Вся вторая половина XVIII в. может быть названа эпохой сильнейшего французского влияния, захватывавшего все стороны быта русского дворянства и налагавшего свою своеобразную печать на всю

усадебную культуру. Но уже в это время во внешней торговле России Англия играла главную роль, и большинство французских товаров перевозилось на английских судах.

С эпохой же промышленного переворота в Англии с конца XVIII в. и с усилением ввоза изделий английского производства в Россию особенно развивается мода на все английское, доходящая порой до настоящей англомании. Типы дворян англоманов того времени дали в своих произведениях и Грибоедов и Пушкин (князь Григорий в «Горе от ума» и Муромский в «Барышне-крестьянке»).

Богатое дворянство во второй половине XVIII в. почти не жило в своих усадьбах. Продолжительное пребывание в деревне того или другого вельможи об'яснялось добровольным или вынужденным удалением от двора (напр., ссылка А. Б. Куракина в его имение Надеждино, жизнь удалившегося от двора престарелого К. Г. Разумовского в Батурине и др.). Обычно знать проживала постоянно либо в Петербурге, либо в Москве, в зависимости от того, в каких она была отношениях ко двору. Широкие слои екатерининского дворянства, составлявшие основную толщу обитателей усадеб, живя без всяких претензий на роскошь, располагали, однако, хорошим достатком и пользовались полным комфортом в своем усадебном быту: современник публицист-писатель кн. М. М. Щербатов, описывая жизнь таких дворян, дает такое изображение обстановки их усадебной жизни: «дом весьма небольшой, но довольно покойный для его семьи, с некоторыми особливыми домиками для гостей. Нигде тут ни золота, ни серебра не блестит, но стены или подмазаны штукатуркою, или подписаны. Штофов и парчей нигде тут не видать, но либо домашнее тканье или набойка, или полуситцы». (Соч. кн. Щербатова, т. II., стр. 405 — 413.)

С укреплением французского влияния среди столичного дворянства, отдельные его элементы попытками придать фасаду усадебных построек тот или иной стиль и притоком новых предметов бытовой обстановки, несомненно, несколько меняли весь бытовой облик усадьбы провинциального дворянства, сообщая ему некоторые черты европейской культуры. Процесс европеизации усадебного быта делается еще более определенным в первой четверти XIX в. В смысле способов ведения своего хозяйства помещики были очень консервативны и держались традиционных старинных приемов в практике сельского хозяйства: такие помещики,

как А. Т. Болотов (1738 1833 гг.), интересовавшиеся заграничными новостями в агрономии и стремившиеся их пересадить на русскую почву, были, сравнительно, исключениями, особенно для второй половины XVIII в. В общем, русская усадьба эпохи крепостнического государства в своей массе была культурной, главным образом, по внешности; только усадьбы богатых вельмож и выдающихся «западников» носили на себе сильные следы того процесса европеизации русского общества (конечно, господствующего класса по преимуществу), который совершался главным образом в столицах.

Внешнее заимствование европейской культуры широкими слоями русского дворянства во вторую половину XVIII в. очень ярко изображено Сумароковыми в комедии «Чудовище» в известном типе «петиметра». Главным содержанием жизни этого светского кавалера было «научиться, как одеться, как надеть шляпу, как табакерку открыть, как табак нюхать» — это, по мнению «петиметра», «стоит целого веку».

Во второй половине XVIII в. окончательно созревает тот общественно-политический порядок, в рамках которого складывается весь бытовой уклад крепостного права. Во второй половине XVIII в. вся крестьянская масса Российской Империи распадалась на две большие группы: крестьян государственных и помещичьих. По 4-й ревизии (1783 г.) помещичьи крестьяне составляли 52% всего населения, а государственные — 42%. С усилением процесса закрепощения процент помещичьих крепостных крестьян по отношению ко всему населению в 1811 г. дошел до 55%, выразившись в абсолютной цифре 10.500.000 душ мужского пола. Государственные крестьяне распадались на целый ряд групп, но юридическое их положение было приблизительно одинаково: они платили подушную подать так же, как помещичьи крестьяне или мещане, несли натуральные земские повинности и давали рекрутов. Часть государственных крестьян, приписанных к царским имениям и принадлежавших отдельным членам императорской фамилии, была выделена в 1797 г. в особую группу удельных крестьян, число которых около этого времени доходило до 470.000 душ мужского пола.

Положение помещичьих крепостных крестьян характеризовалось полным их юридическим и бытовым бесправием. Все они были обложены различными повинностями в

пользу помещиков; кроме того помещики, на которых государство налагало обязанность следить за правильностью несения крестьянами государственных повинностей, вмешивались с чисто полицейскими приемами во все стороны их внутренней жизни. Главной натуральной повинностью помещичьих крестьян была барщина — работа на господских полях. В барщинных имениях, по большей части, половина земли была занята запашкой помещика, другая половина отходила под крестьянские поля и угодья. Кроме работы на помещичьей земле крестьяне должны были вывозить барский хлеб и другие продукты сельского хозяйства на рынок — очень часто за 300 — 500 верст; вместе с тем помещик заставлял своих крестьян делать все те работы, которые были необходимы для удовлетворения повседневных нужд его хозяйства. Крестьяне обязаны были доставлять своим господам различные припасы и продукты своего домашнего хозяйства: свиней, баранов, поросят, домашнюю птицу, грибы, ягоды, нитки, пряжу, часто полотна и сукна; при этом каждая взрослая крестьянка облагалась определенным количеством этой продукции своей домашней работы, что доводило ее у наиболее жадных помещиков иногда до полного изнурения. За неправильное, по мнению помещика, исполнение этой работы женщины с такой же жестокостью наказывались, как и мужчины. Зачастую, несмотря на пожелание закона 1797 г. о введении трехдневной барщины, крестьяне работали по шести дней в неделю на своих «господ». При Екатерине II многие помещики заставляли своих крестьян работать даже в праздничные и воскресные дни. В тех имениях, где помещики не жили сами и не вели своего земледельческого хозяйства, они всю свою землю со всеми угодьями отдавали в пользование крестьян за определенный оброк, который во второй половине XVIII в. крестьянами уплачивался, главным образом, натурой, а с начала XIX в., преимущественно, деньгами.

Произвол помещичьей власти приводил к тому, что обычно оброк бывал так велик, что крестьяне могли его выплачивать полностью, только напрягая все свои рабочие силы и еле удовлетворяя свои самые элементарные потребности. Облагались также оброком в барщинных имениях те крестьяне, которые отпускались на какие-либо промыслы. В таких случаях обложение оброком зависело от доходности промысла и почти всегда было очень высоким. В тех барщинных имениях, где земли было мало, часть крестьян тоже

отпускалась на сторону и облагалась оброком. Барщинная система ведения помещичьего хозяйства была в ходу в тех губерниях, где занятие земледелием приносило доход и где мало были развиты неземледельческие промыслы (черноземные и западные губернии).

В северных нечерноземных губерниях, особенно в тех, которые были близко расположены к столицам и к главным торговым путям, была распространена оброчная система. В конце XVIII в. ревизская душа платила около 5 рублей оброка в среднем (ок. 80 р. на наши деньги) при размере от 5 до 6 десятин пахотной и сенокосной земли на тягло ($2^1/_2$ души). Помещики, привыкнув с развитием крепостного права смотреть на крестьянина как на свою вещь, стали расценивать имения по количеству имевшихся в них душ. Средняя цена имения в конце XVIII в. определялась из расчета около 100 руб. за душу. В розничной продаже без земли крепостной, годный в рекруты, стоил около того же времени до 400 руб.

Особенно тяжело было положение дворовых, не имевших своего хозяйства и бывших настоящими рабами, с которыми помещики могли по произволу делать все, что угодно. Жестоким расправам помещиков со своими крестьянами способствовали сенатские указы: указ 1765 г. разрешал помещикам отдавать своих людей в каторжную работу, по вышедшему через 2 года другому указу окончательно запрещалось крестьянам жаловаться на своих помещиков под страхом наказания кнутом и ссылки в каторжную работу в Нерчинск. Путешествовавший в 1772 г. по Сибири академик Паллас нашел только в одной Тобольской губернии около 20.000 крестьян обоего пола, сосланных туда на поселение их помещиками. Телесные наказания в самых разнообразных видах (батоги, розги и др.) были в руках помещиков теми страшными орудиями наказания, с помощью которых они на «деле получают возможность казнить крестьян смертью», как верно заметил один из иностранцев, посетивший Россию в 1761 г. (Шапп). Кроме двух известных истязателей своих крестьян во второй половине XVIII в., Салтыковой, замучившей на смерть при истязаниях до 70 человек, и орловского помещика Шеншина, устроившего в своем имении настоящий пыточный застенок, в галлерее помещичьих типов того времени можно найти немало примеров жестокости, проявлявшейся образованными и отнюдь не считавшимися жестокими людьми. Так

богатый и культурный пензенский помещик Н. Е. Струйский, бывший одно время владимирским губернатором, сделавшийся известным в свое время как литератор-стихотворец и владелец одной из лучших типографий того времени, любил сам судить своих крестьян и при этом по всем правилам европейской юриспруденции: сам читал обвинительные акты и произносил защитительные речи. Но эти барские юридические затеи сопровождались далеко не гуманным отношением к крестьянам: в подвалах дома Струйского находился целый набор необходимых орудий, с помощью которых он пытал своих подсудимых. Даже такой помещик, как Анд. Тимоф. Болотов, представлявший из себя на общем сером фоне провинциального дворянства положительную фигуру и бывший совсем не жестоким человеком, с невозмутимым благодушием рассказывает в своих мемуарах о том, как он пытал дворового, подозреваемого им в краже, посадив его в чулан на одну селедку.

Положение крепостных крестьян в первой четверти XIX в. нисколько не изменилось к лучшему: осколки гуманных идей, засевшие на короткое время в головах молодого Александра I и его друзей-сверстников (П. А. Строганова, Кочубея и др.) после кратковременного пребывания их в руках воспитателей французов-демократов, не получили дальнейшего развития, и вся попытка к «преобразованию» при Александре I свелась только к усилению централизации крепостного режима и росту неограниченной самодержавной власти.

Крепостное право было отменено по желанию самого дворянства только в Прибалтийском крае в 1816 — 1819 гг., при чем и здесь крестьяне остались в полной фактической зависимости от помещиков, так как они были освобождены без земли. Закон 1803 г. о свободных хлебопашцах с робостью говорил о том, что «буде помещик пожелает», то может отпустить на волю своих крестьян, наделяя их землей с выкупом или без выкупа по своему усмотрению. Поднявшие бурю в связи с выходом в свет этого закона помещики скоро успокоились, увидев, что новый закон нисколько не покушается на их права: до конца царствования Александра I было отпущено и зачислено в состояние «вольных хлебопашцев» около 50 тысяч ревизских душ. Последние годы царствования Александра I характеризуются мрачной атмосферой «аракчеевщины» с ее военными поселениями, которые

для крестьян были хуже каторги. Как известно, сам организатор военных поселений гр. А. А. Аракчеев был один из жесточайших крепостников.

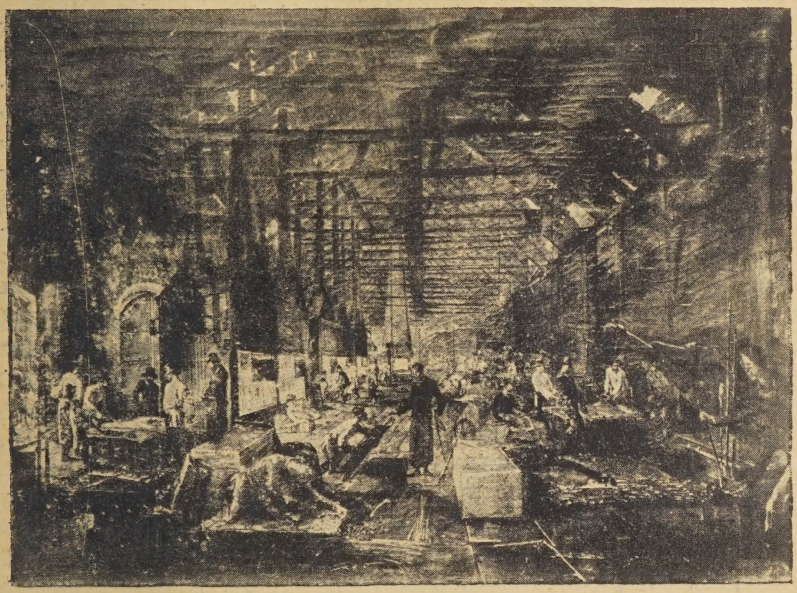
Мрачная действительность крепостного права приводила к полному истощению народных сил и отупляющим образом действовала на народ. Материальная скудость крепостного крестьянства была так велика, что очень трудно составить себе представление о размерах имущества крестьянина, о внутренней обстановке его жилища и утвари, до того все это было немногочисленно и убого.

Рабочий класс в эпоху крепостного труда распадался на две части: на горнозаводских рабочих и фабричных, занятых в обрабатывающей промышленности. Горнозаводское рабочее население состояло, главным образом, из государственных крестьян, которые приписывались правительством к заводам казенным или частным. Общее число приписных крестьян в конце XVIII века доходило до 312.000 душ мужского пола, из них к казенным заводам было приписано 241.000 душ мужского пола и к частным — 71.000 душ муж. пола. Наибольшая часть этих крестьян была приписана к заводам Уральского хребта, где тогда сосредоточилась почти вся горнозаводская промышленность. Главная беда для приписных крестьян состояла в том, что они приписывались к тем заводам, которые нередко отстояли от их деревень на несколько сотен верст: напр., крестьяне, приписанные к Авзяно-Петровскому заводу Демидова, должны были проходить от 400 до 600 верст и более. По закону трудовая повинность приписных крестьян заключалась в отработке подушного налога, но зато им приходилось во все время их путешествия до завода продовольствоваться на свой счет.

Постепенно приписные крестьяне за дальностью расстояния стали проводить почти весь год на заводе, имея не больше $1^1/_2$ месяцев в год отпуска для сельских работ на своих хозяйствах. Все это в результате разоряло приписных крестьян и вносило полное расстройство в их хозяйство, но делалось это исключительно ради коммерческих выгод казенных и частных предприятий.

В обрабатывающей промышленности в 1769 году числилось 46.000 рабочих, в начале XIX в. (1804 г.) уже 92.000 рабочих, из них крепостных 49.500 (52%) и в 1825 году общее число возросло до 210.500 человек, из которых крепостных было 96.000 человек (45%).

Принудительный труд занимал преобладающее место в суконной, писчебумажной и металло-обрабатывающей промышленности. Крепостные рабочие делились на два разряда: вотчинные, принадлежавшие на праве полной собственности владельцам фабрик, и поссесионные, закрепленные, в сущности, за фабрикой, а не за самим владельцем. Последний разряд рабочих характерен для фабрик, принадлежавших купцам, которые не имели права приобретать



Кричный цех Нижне-Тагильского завода (№ 143).

крепостных. Так как купцам было запрещено приобретать крестьян к фабрикам и заводам при Екатерине и с ростом техники в нач. XIX в. вольнонаемный труд сделался выгоднее, то к концу первой четверти количество поссесионных рабочих сделалось невелико (29.328 чел. на 66.725 человек крепостных) в сравнении с крепостными. В силу этих же условий падал в XIX в. в обрабатывающей промышленности вообще $^0/_0$ крепостных рабочих. В составе вольнонаемных рабочих совершенно свободных рабочих из государственных крестьян или мещан и посадских обывателей было немного, большая же часть состояла из кре-

постных крестьян, уходивших на фабрику на заработки и плативших своим помещикам оброк. Заработная плата того времени была очень низка: на Фряновской шелковой фабрике (Дмитровского уезда Московск. губ.) заработная плата ткачей была: в 1802 г. — 5 р. 06 к. в месяц, в 1820 г. — 15 р. 50 к., мотальщицы и тростильщицы до 15 лет получали: в 1802 г. — 1 р. 08 к., в 1820 г. — 3 р. 53 к. Абсолютный рост заработной платы за это время ни в коем случае не характеризовал улучшения материального положения рабочих: падение ценности рубля и вздорожание жизни, наоборот, еще более ухудшили положение рабочего класса по сравнению со второй половиной XVIII в.

Бытовые условия жизни рабочего населения были очень плохи. Официальный обследователь по поручению Николая I условий жизни рабочих в Петербурге — граф Бюксгевден нашел, что «во многих заводах мастеровые помещаются весьма тесно в душных подвалах или в квартирах сырых, холодных и неопрятных; спят где попало: ткачи на станках, пирожники, калашники и пряничники на столах, где катают тесто». При осмотре помещений была обнаружена такая теснота, что «в одной комнате найдено до 50 человек разного пола и возраста». В силу этих тяжелых условий быт рабочего класса был еще более примитивен и неприглядан, чем быт большей части крепостного крестьянства: убогая деревянная утварь и худое платье, ничем не отличавшиеся от крестьянского, характерны для материального быта рабочего класса того времени. Иногда в виде «поощрения» владельцы заводов награждали рабочих за долголетнюю службу особыми жалованными суконными кафтанами с позументами.

Юридическое положение рабочего класса характеризовалось полным бесправием: крепостные рабочие были в полной зависимости от произвола своих владельцев, приписные крестьяне страдали от самоуправств заводчиков и их управляющих, ничем не были защищены и права вольнонаемных рабочих. До каких чудовищных размеров доходили самоуправства заводской администрации, — лучше всего показывает история следствия над Григор. Зотовым, управляющим Верх-Исетским заводом (около Екатеринбурга) в 20-х гг. XIX в. Следствие графа А. Строганова установило, что «нет следов христианского попечения о людях, которых можно сравнить с каторжниками и неграми». Никакие расследования долгое время не приводили ни к чему, так

как «большая часть ревизоров обращались только к угощению и к экстраординарной сумме приказчиков».

За малейшую провинность рабочих штрафовали, подвергали телесным наказаниям. На одном из заводов Урала был даже найден железный ошейник с рогами, к которым привешивались бубенцы: надетый на шею ошейник стеснял движение головы рабочего, от чего звенели бубенчики: так фантастически переплетались элементы палачества и шутовства.

Такое неимоверно тяжелое материальное и правовое положение крестьянской и рабочей массы создавало атмосферу острого раздражения, которое по тем или иным поводам всегда могло легко разразиться в целое массовое социальное движение различного размаха в зависимости от местных условий. Чаще всего волнения происходили в той наиболее значительной части рабочего населения, состоявшей из приписных крестьян, для которых был слишком резким быстрый переход от более или менее свободного состояния государственных крестьян к фактическому закабалению на заводской работе.

В 1762 г. вспыхнули крупные волнения среди крестьян Кунгурского уезда, приписанных к заводам тогдашних крупных тузов русской горнозаводской промышленности: Воронцова, Чернышева, Демидова и Осокина. В 1767 г. начались волнения в Чердынском и Соликамском уездах, где крестьяне, приписанные к заводам Походяшина, отказавшись ходить на работу, вступили с войсками в настоящую битву «с огненным ружьем, копьями, дрекольем и сенометными вилами». Это волнение было подавлено с большой жестокостью: двое «зачинщиков» были наказаны кнутом, подвергнуты вырыванию ноздрей и сосланы на каторжную работу, остальные были приговорены к различному числу ударов плетью. Известный чумный бунт в Москве в сентябре месяце 1771 г. носил очень любопытную социальную окраску. Как показывают очевидцы, в составе волновавшихся толп народа на Варварской площади было очень много «работных людей» всякого рода, разбежавшихся со своих фабрик по причине мора и недостатка продовольствия. Кроме «работных людей», было немалое количество дворовых, господа которых из-за чумы спешно покинули город. На другой день 16/27 сент. одна из толп народа направились в Донской монастырь, где и убила московского архиепископа Амвросия.

Истинная причина убийства Амвросия, по всей вероятности, крылась в той недоброй славе, которую он себе создал суровым обращением с монастырскими крестьянами в бытность до этого игуменом Новоиерусалимского монастыря. Насколько ясно понимало тогдашнее правительство связь Чумного бунта с общими волнениями рабочих,— показывает доклад Григ. Орлова, производившего расследование причин бунта и ликвидацию чумной эпидемии в Москве: в этом докладе он на будущее время предлагает Мануфактур-коллегии перенести все фабрики Москвы за черту города.

Огромное массовое социальное движение, каким была Пугачевщина, охватившее революционным пожаром $^2/_3$ екатерининской империи, могло возгореться по любому удобному для такого социального взрыва поводу.

Десятилетнее притеснение яицких (уральских) казаков и лишение их целого ряда льгот, покровительство правительства «старшинской» стороне — зажиточному казачеству, захватившему все главные должности в войске и без всяких стеснений эксплоатировавшему широкие слои казачества, привело к целому ряду острых и открытых военных столкновений яицких казаков с правительственными войсками. Затаившие месть многочисленные инородцы (особенно башкиры), не раз подвергавшиеся страшным экзекуциям, только ждали удобного повода поднять восстание.

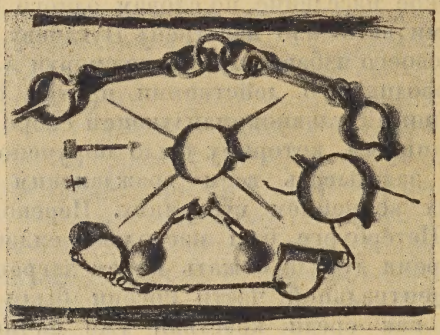
Волнение, начатое в сентябре 1773 г. резко-опозиционной группой яицкого казачества во главе с донским казаком Емельяном Ивановичем Пугачевым, быстро разлилось по всему Уралу и Приуралью. Внешний ход Пугачевщины распадается на три периода: в первый период восстания Пугачев с яицкими казаками из своей главной квартиры в слободке Берде осаждал Оренбург в течение зимы 1773/1774 г., в то время как его правая рука Чика-Зарубин успешно действовал под Уфой с помощью башкир. 22 марта 1772 г. Пугачев был разбит кн. Голицыным под крепостью Татищевой, Чика-Зазубрин же был разбит Михельсоном под Чесноковкой. Пугачев скрылся со своим военачальником Белобородовым, действовавшим на уральских заводах, в Башкирию. С этого момента начинается второй период в ходе Пугачевщины; несмотря на несколько поражений, нанесенных Пугачеву Михельсоном, число его войск и отрядов все более и более увеличивалось. В состав их входили, кроме основного ядра яицких казаков, заводские рабочие,

помещичьи крестьяне, бурлаки и особенно много башкир. Пугачев быстро берет г. Осу на Каме, Воткинский, Ижевский заводы и целый ряд других пунктов. Этот рейд в движении пугачевских войск заканчивается взятием Казани. Но отсюда, не успев взять цитадель, Пугачев был оттеснен Михельсоном 13 июля 1774 г. и 17 июля, переправившись около села Сундыря через Волгу, пошел со своими отрядами по ее правому берегу.

Этот третий период в ходе Пугачевщины был, по существу, временем стихийной русской жакерии, когда только одна весть о приближении отряда пугачевских войск поднимала крестьянские восстания и волнения. Наступило время мощной, стихийной кровопролитной борьбы, изнемогавшей под помещичьим игом деревни против усадьбы и ее обитателей. Сельское население, по словам одного иностранного посла, толпами выходило навстречу Пугачеву и приветствовало его как своего избавителя. После смерти А. И. Бибикова, удачно руководившего действиями против Пугачева, кн. Щербатов—новый главнокомандующий скоро был заменен гр. П. И. Паниным, которому было поручено командовать войсками и заведывать всем гражданским управлением в охваченных волнением губерниях. Переполох в центре России и в Петербурге был настолько силен, что Екатерина одно время думала бежать морем заграницу; тревоги помещиков центральной части России были небезосновательны, так как среди крестьян уже начиналось явное брожение, не предвещавшее для них ничего хорошего. С театра военных действий в Турции в помощь Панину был спешно вызван А. В. Суворов. Между тем Пугачев, поднимая на своем пути крестьянское восстание, быстро шел к Царицыну, так как он стремился пробраться на Дон. Но в виду нестойкости донских казаков он у Сальникова завода, разбитый опять Михельсоном, переправился на левый берег Волги, но вскоре был предан некоторыми сообщниками и 15 сентября был привезен в Яицкий городок в «превеликой колодке». Конвоированный Суворовым в Москву, он после длительного следствия был подвергнут мучительной казни 10/21 января 1775 г. на Болотной площади вместе со многими из своих сообщников. После Пугачевщины, усмиренной при помощи жестоких экзекуций, в отдельных частях империи крестьянские и рабочие волнения все же вспыхивали время-от-времени. При Павле в отдельных местах были крестьянские волнения.

В 1796 г. произошли крупные волнения на фабрике Осокина в Казани, в 1811 г. возникли крупные беспорядки на суконной фабрике Гарденина в Тамбовской губернии, в 1812 г. двенадцать волостей приписных крестьян были охвачены продолжительными беспорядками. Волна беспорядков и возмущений, вызванных все теми же основными социальными язвами крепостного режима, опять прокатилась по всей империи. Кроме бунтов в военных поселениях, необходимо указать на любопытное движение крестьян на бумажной фабрике кн. Гагарина близ Ярославля, бывшее отзвуком событий 14-го декабря 1825 г.

Г. Новицкий.



Быт купечества и мещанства.

Русский торговый капитал, развивавшийся уже в предшествующие два столетия и имевший в своей среде отдельных очень крупных представителей, к половине XVIII в. и, особенно, во вторую его половину получает ускоренное развитие, благодаря «прорубленному окну в Европу» в виде портов Балтийского моря, спросу на русский хлеб в Англии в связи с коренным изменением там производственных отношений во второй половине XVIII в., завоеванию берегов Черного моря, как удобного выхода для продуктов южно-русского земледелия, и разделу Польши.

В 1768 г. наш торговый баланс внешней торговли выражался в следующих средних цифрах: ввоз — 12 миллионов рублей, вывоз—ок. 13 м., общий оборот—ок. 25 милл. В период 1773—77 гг. — 18,97 м. и 13,72 м., общий оборот — 32,7 милл. В 1793 — 97 гг. мы имеем уже 36 м. и 54,6 м., общий оборот — 90,6 милл. В 1801 — 05 гг. — 74,1 и 52,7, общий оборот — 127,8 милл., т.-е. за период в 40 лет общий оборот внешней торговли возрос в пять раз с большим скачком в конце XVIII века. Но необходимо отметить, что русский торговый капитал, за редкими исключениями, развивался и в данный период более экстенсивно, чем интенсивно, двигаясь вширь; во внешней же торговле он попрежнему играл пассивную, а не активную роль, которая продолжала оставаться в руках более сильного западно-европейского капитала, являвшегося хозяином положения. Тем не менее, экономическое значение торгового капитала было настолько уже велико, что он не ограничивался только более или менее пассивным давлением на правительство в верноподданническом порядке.

В Екатерининской Комиссии об Уложении 1767 г. представители торгового капитала выступают не только как крупная экономическая сила, но пред'являют требования, указывающие на определенное классовое сознание и отра-

жающие ту открытую политическую борьбу, в которую вступил торговый капитал против экономических и политических преимуществ господствующего дворянства.

Очень решительно намеченный Петром Великим переход к промышленному капитализму, не имея достаточных предпосылок для такого скачка, развивается крайне медленно до второй половины XVIII в. Но в той же Комиссии об Уложении представители торгового капитала открыто борются не только против помещичьей и крестьянской торговли, но и против привилегий дворянства в промышленности; однако, как определенная экономическая сила, промышленный капитализм начинает выступать только с конца XVIII в. и, особенно, в течение первой четверти XIX века. Количество промышленных предприятий по официальной статистике в начале царствования Екатерины II выражалось цифрою 948, к 1800 г. их было уже 2,048, а 1825 г. — 5,257 [1]). Количество рабочих приблизительно выражалось цифрами в 1769 г. около 46 т., в 1804 г. — около 95 т., в 1825 г.—около 210 т.

Как ни неточны эти данные статистики XVIII в., тем не менее они дают представление об общей кривой развития и указывают на несомненный и сильный скачок в первой четверти XIX в., где мы имеем уже более твердые данные.

Таким образом, в рассматриваемый период мы имеем хотя еще мало концентрирующийся, но идущий вширь и крепнущий политически торговый капитализм, а с другой стороны, постепенно развивающийся тоже вширь и крепнущий, при правительственной поддержке, промышленный капитализм.

Вместе с тем, мы имеем в данный период значительно повысившееся приобщение русской торговли к мировому рынку, хотя еще и пассивного характера; но и нарождающаяся русская промышленность, особенно текстильная, начинает чувствовать на себе влияние мирового рынка не только через конкуренцию заграничных товаров, но и через сырье, главным образом хлопок, начавший ложиться в основу русского текстильного производства уже в первую четверть XIX в.

---

[1]) В этот подсчет не вошел целый ряд предприятий, связанных непосредственно с сельскохозяйственной культурой, как, наприм., заводы водочные, крахмальные, табачные и т. п.

Каков же был состав представителей торгового и промышленного капитала, возникавший органически из современных торговых и производственных отношений, т.-е. состав, главным образом, купечества и близкой к нему торгово-промышленной части мещанства.

Та экономическая предпосылка, что торговый и промышленный капитал данной эпохи развивался экстенсивно и сравнительно быстро, предопределяла постоянное и соответственно усиленное пополнение его кадров все новыми представителями, которые, естественно, должны были появляться из других слоев населения. Так оно и было в действительности.

Прежде всего, в состав купечества входили представители той части старого родовитого купечества, которая способна была удерживать капитал в своих руках, но процент этого «коренного» купечества был, повидимому, очень невелик; состав представителей растущего торгового и промышленного капитализма развивался главным образом за счет вхождения в его среду все большего и большего количества новых членов извне. Если мы рассмотрим состав этих пополнений по документам конца XVIII и первой четверти XIX в., хотя бы города Москвы, как самого крупного торгового и промышленного центра, то мы увидим, что на первом месте по пополнению кадров растущего купечества стоит крестьянство, и притом крепостное; причина последнего явления, лежащая в экономических изменениях помещичьего хозяйства, выходит за пределы данной главы и относится уже к дворянско-помещичьему быту.

Другим элементом, пополнявшим кадры купечества крупных центров, было провинциальное купечество и мещанство, но оно, в свою очередь, также пополнялось в сильной степени из того же крестьянства, тянувшего к своему торговому центру.

Точно так же представители промышленного капитала выделялись, с одной стороны, из представителей торгового капитала, с другой стороны, пополнялись выходцами из того же крестьянства, которые сколачивали себе предварительно капитал торговлей или постепенным развитием первоначально мелкого кустарного производства, конкурируя с более крупным промышленным производством; хотя представители крупного капитала и боролись с этим явлением, но оно пользовалось явным покровительством пра-

вительства, что нашло себе затем отражение в манифесте 28 декабря 1818 г.; причины этого явления также выходят из задач данной статьи, но они лежали, конечно, не в особом благоволении к крестьянству, как таковому.

Постоянное вхождение, и в большом количестве, нового элемента, находящегося, так сказать, в периоде первоначального накопления, и сословное происхождение торгово-промышленного класса данного периода определяли и его бытовой уклад.

То обстоятельство, что большая часть купечества пополнялась крестьянами и мещанами, в свою очередь, часто вышедшими из крестьян, предопределяет и точку отправления и основные линии развития быта огромного большинства представителей торгово-промышленного класса данной эпохи, особенно, если принять во внимание, что идеологически едва ли не большинство его принадлежало к старообрядчеству.

Внешние формы быта этого преобладающего элемента купечества, естественно, не только восходили к своим корням, но в провинции, особенно в старообрядческой среде, устойчиво сохраняли эти формы, восходящие к зажиточному крестьянству. В своем описании быта такого крупного торгово-промышленного центра, как Иваново-Вознесенск, Я. П. Гарелин говорит, что еще в его время (в 50-х годах XIX в.) сохранились дома иваново-вознесенских купцов и фабрикантов, насчитывающие 150—200 лет. «Стройка была более или менее однообразна, строили в замок или в лапу. Если дом был в два этажа, то стройка была в подклет, — такая стройка была у зажиточных, и нижний этаж назначался для склада различных хозяйственных принадлежностей, а в верхнем жили сами хозяева». Полы в таких домах были не пиленые, а еще тесанные. Печи из расписных изразцов, которые доставлялись из Ярославля. В доме Бабайкина, сохранившемся еще в 80-х гг. и построенном «в замок» на подклети, окна были в обоих этажах волоковые, косяки дверей полукруглые, что являлось уже новой чертой в сравнении с обычной стройкой крестьянского типа. В г. Шуе тоже большинство старинных домов было с волоковыми окнами. Характерно, что многие сильно разбогатевшие купцы и фабриканты продолжали жить в этих прадедовских домах и тоже «по старине». Портреты, гравюры и лубки того времени, изображающие провинциальное ме-

щанство и купечество, показывают, что и в области костюма и всего внешнего вида сохранялись обычаи местной старины. В воспоминаниях о своем пребывании в Иркутске в 1805 г. Вигель[1]) говорит о тамошних купцах: «Между иркутскими купцами, ведущими обширную торговлю с Китаем, были миллионщики, Мыльниковы, Сибиряковы и другие, но все они оставались верны старинным русским, отцовским и дедовским обычаям: в каменных домах большие комнаты содержали в совершенной чистоте и для этого никогда в них не ходили, ежились в двух-трех чуланах, спали на сундуках, в коих прятали свое золото, и при неимоверной, даже смешной дешевизне ели с семьею одну солянку, запивая ее квасом и пивом». Несмотря на миллионы, старинный и скромный зажиточного крестьянского типа уклад жизни сохраняется; только «чистая горница» зажиточного крестьянина разрастается, так как более или менее крупные деньги, а тем более миллионы, требуют время от времени представительства и в обстановке, и в одежде, и в приемах гостей.

Описывая бал у губернатора в том же Иркутске, Вигель дает ценные указания на костюм и некоторые стороны нравов местного крупного купечества или, вернее, его женской части. Все, то-есть, главным образом, местное чиновничество, танцовали до упаду. «Жены же и дочери купеческие, разряженные по старине, в бархатных и парчевых кофтах и юбках, с шелковыми платками, шитыми серебром и золотом, повязанными на голове, некоторые из них с кружевами и косынками на плечах, бриллиантовыми нитками на шее, такими же серьгами в ушах, перстнями на всех пальцах, сидели неподвижны и как будто поневоле смотрели на богоотступные забавы. Желая угостить, как их самих, так и мужей их, согласно их вкусам и обычаям, хозяин (губернатор) приказал, чтобы весь вечер подносили им не прохладительные, а более горячительные напитки; они не отказывались, пили, краснели и молчали. Надобно было чем-нибудь и другим развеселить их; на некоторое время прекратились танцы и начались фанты; хоронили золото, пели подблюдные песни. Между этими бабочками были прекрасненькие; следуя наставлениям иркутских франтов, я ни с одной не позволил себе слова сказать, они бы обиделись; зато во время игрища ни одно из тайных

[1]) Вигель, 11, 165 и 187.

моих рукопожатий не осталось без ответа от них. Какие странные нравы! После имел я причины благодарить себя за воздержанность в словах».

Соответственно этим старинным полукрестьянским полупосадским формам материального быта устанавливалась «духовная культура» и шло образование. Даже в Центрально-Промышленном районе, среди которого так быстро стал расти и выдвигаться в первую голову Иваново-Вознесенск, по словам Гарелина, «образование находилось в руках раскольничьих начетчиков, лиц духовного звания, как-то: дьячков, пономарей, вдов священнослужителей и т. п. Ученье весьма несложно — гражданская печать являлась исключением, первое место занимала церковная; писать учили редко, а цифры еще реже. Ученье начиналось или с 1 ноября с Козьмы и Демьяна бессеребренников, или с 1 декабря с пророка Наума молитвой этим святым, затем отправлялись к «мастеру» или «мастерице», так назывались сеятели просвещения в Иванове, приносили им пряник и заставляли будущего ученика или ученицу кланяться три раза в землю... Ученье начиналось с азбуки, на изучение которой со всеми ее хитростями с складами, с повторением старого, — с «задами», как гласит ученый термин, с титлами и знаками препинания... на прохождение всей этой премудрости полагалось около года. Затем приступали к часослову, вместе с часословом учили каноны о здравии и за упокой. Завершением образования являлся псалтирь... Когда обучающиеся доходили до псалтиря, этим гордились точно так же, как иногда родители в настоящее время гордятся тем, что сын их в университете... «Читать учились по книгам старинной печати. Здесь (в Иванове) книжных лавок не было, но книги и рукописи были в большом количестве, так как, уважая книги, отпечатанные до Никона, старообрядцы закупали их на Ростовской, Нижегородской и Холуйской ярмарках». Литература, как отражение и источник воспитания определенной идеологии, образует очень близкую параллель к происхождению, стилю и укладу этого своеобразного быта.

В обособленной среде торгово-промышленного класса (как, впрочем, и среднего и мелкого служилого сословия) литература верхов не только в XVIII в., но и в начале XIX в. просачивается крайне медленно; это, конечно, не значит, чтобы ее не было: помимо «духовной» литературы религиозного порядка, существовала литература и светская бел-

летристическая, притом довольно обширная и разнообразного содержания,—с одной стороны, старой традиции, с другой, являющая новые темы и заимствования с Запада. К оригинальной светской литературе обычно старой традиции, восходящей не только к перв. полов. XVIII в., но к XVII в. и даже раньше, относятся летописи, хронографы, исторические сказания, повести — нравоучительные, рыцарские, богатырские, сатирические и т. п. Но чем ближе к XIX в., тем более отпадает книга старой традиции, и тем более проникает элементов из литературы дворянско-интеллигентской, из русских классиков (Ломоносова, Державина), из переводов более или менее современной западной литературы, путешествий, извлечений из повременных изданий и т. п. Характерной особенностью начала XIX в. является появление особых, имевших широкое распространение сборников-«песенников» различного содержания, начиная с модного сантиментального «жесткого» романса и кончая народной песней или историческим сказанием былинного типа.

Что касается до внешнего производства или техники воспроизведения литературы этой среды, то очень показательным является огромное, преобладающее значение кустарно-ремесленного производства, каким являлась тогда рядовая рукопись. Только с половины XVIII в. светская литература указанного порядка начинает сначала очень медленно и постепенно переходить в печатный станок, но уже к концу XVIII века значение печатного станка увеличивается в быстрой прогрессии.

Старообрядческая литература, естественно, стоит особняком, являясь хранительницей старых традиций и по содержанию и по форме, держась в пределах книг церковных и религиозно-учительных. Но огромный процент представителей, который давало старообрядчество в торгово-промышленную среду, постоянная работа и столкновение на этой почве с другими элементами не могли не остаться без влияния и на идеологию этой старообрядческой среды. Жизнь выдвигала новые темы, новые вопросы, и они требовали ответа. Отсюда появление, наряду с оригинальной старинной литературой и нелегальными произведениями зарубежного старообрядчества, своей новой литературы на новые темы, каковою являются писания братьев Денисовых, Потемкиных и др. Форма производства соответствует общему стилю старообрядческой идеологии: рукопись играет преобладающую роль, вместо скорописи и стильных укра-

шений XVIII в. в рукописях других общественных групп, мы имеем полуустав, инициалы, заставки и миниатюры под старину. Даже в Петербурге и во времена более поздние по свидетельству автора «Панорамы Санктпетербурга», изданной в 1834 году. «В купеческих фамилиях, принадлежащих к сословию старообрядцев, не только наружное, но и внутреннее воспитание преемлются не столь охотно: они вообще не любят иностранных языков, почитают ненужными некоторые знания и с другими сословиями мешаются как будто более по необходимости, нежели по желанию». Нестарообрядческие представители того же торгово-промышленного капитала придерживались той же старины, хотя и с некоторыми отклонениями.

Но та часть более или менее крупного купечества, особенно в более позднее время, т.-е. уже в первой четверти XIX в., и жившая в крупных центрах, где купечество, вступая в экономическую борьбу с господствующим дворянством и сталкиваясь с представителями западного капитала, начинало заражаться и новыми формами быта, хотя бы в чисто внешней показной его стороне. Одним из первых представителей такого рода крупных капиталистов был очень известный в свое время откупщик Василий Алексеевич Злобин, основатель города Вольска на месте своей родины. «Старик Злобин, говорит Вигель, был тип наших православных мужичков, т.-е. человек и добрый и хитрый, он сохранил и поступь, и речи, и поговорки своего первобытного состояния, одним словом все, даже одежду и бороду... В богатом русском кафтане своем он не оставлял по большим праздникам всегда являться во дворце, и не было в Петербурге ни одного человека, который бы не знал его... Построенные им заочно каменные палаты в Вольске, разведенные без него сады, беспрестанно украшал он, посылая драгоценности из столицы, где жил он как на ночлеге...

Однако же, ночлег его был нанятый трехэтажный дом, который хотел он также сколько-нибудь поукрасить. Кто-то накупил ему картин, мебелей и бронзовых вещей и всем этим без вкуса и порядка завешал стены, загородил комнаты...»

Этот вновь нарождающийся тип капиталиста, из мещан или крестьян перешедшего в купечество, в первой четверти XIX в. в крупных центрах становится все многочисленнее. К тридцатым годам быт этого вида купечества носит смешанный характер. Автор «Панорамы Санктпетербурга» так характеризует быт более крупного купечества (торго-

вого и промышленного). «Национальность и старина, удержавшие свой добрый характер, но одетые и украшенные почти всем, что новейшая общежитность ввела во вкусы, проявляются здесь на каждом шагу. В пышно убранных домах блестят зеркала, золоченые карнизы, бронзы и хрустали различных фирм и веков, но тут же мебель самая

Портрет А. В. Дворниковой—купчихи (№ 246).

богатая перемешана с самою простою. В главном углу комнаты всегда находятся огромные в драгоценных окладах иконы, пред которыми неугасимо теплятся лампады. Как убранство жилищ, так приемы и одежда различных лиц одного семейства представляют странные противоположности: нередко отец носит окладистую бороду и длинный

русский кафтан; мать повязывает голову платком, но одевается в немецкое платье, которое для выездов закрывает салопом яркого цвета, или сверх русской телогрейки носит дорогую шаль; дочь к нарядам, шитым по последней парижской моде, прибавляет обыкновенно любимые купеческим сословием украшения, цветы, жемчуг, бриллианты, перья; один из сыновей рядится как лондонский денди и старается перенимать все привычки светской молодежи, тогда как другой, сидя в лавке своей в гостином дворе, встречает покупателя с калачом или стаканом сбитня в руке... Входя в дом, родители крестятся перед иконою и после кланяются обществу; дети, между тем, развязно приветствуют знакомых модным пожатием руки, поцелуями и лепетом на иностранном языке... Конечно, в обращении их заметна некоторая неразвязность, сжатость и неловкость, происходящие от непривычки к тону модного света».

В молодом поколении, т.-е. в мужской его части, замечается стремление выделиться совсем из своей среды и по возможности уподобиться привлекавшему их внимание обществу и культуре дворянства и высшего чиновничества; отсюда стремление в военную и гражданскую службу. Параллельно намечаются и соответственные новые черты в идеологии. С начала XIX века мы встречаем просьбы о выходе из купеческого звания для поступления в университет, в академию художеств, в архитекторы, на государственную службу, и не только, чтобы приобрести светское образование и сравняться в этом отношении с дворянством, но отдельные представители уходят совсем в науку или литературу, как, напр., известные, хотя и не особо почетных среди либеральных кругов тогдашнего общества, братья Полевые, сыновья крупного сибирского купца. Таким образом, в первой четверти XIX в. мы имеем уже достаточно ясно определившийся процесс, который мы наблюдаем в быте представителей торгового, промышленного, а затем и финансового капитализма в течение всего XIX в. и начале XX в. вплоть до революции: стремление в материальном быте к формам т. н. «высшего общества» с неизменным особым «купеческим» элементом в них и образование интеллигенции — своих идеологов в среде нового капиталистического класса.

Юридически этот класс не был сословием. В купечество вступал всякий, кто об'являл известный капитал и соответственно ему вступал в одну из трех гильдий, платя опре-

деленный гильдейский сбор. По Городовому Положению основным городским сословием было мещанское сословие, очень разнообразное по экономической основе. В конце XVIII века г. Верея в ведомости Московскому Городовому Магистрату пишет: «Мещане упражняютца тож занимаясь разным мелким торгом..., скупая оной (товар) у купцов и у приезжих ино-

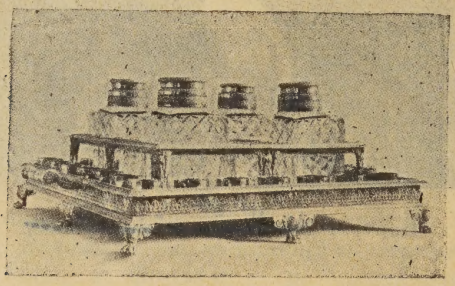
Портрет ~~Н. П. Кулибина (№ 147).~~ купца. (№ 80).

городних и употребляя в продажу мелочную внутри города а другие развозя по разным местам; неимеющих торгов довольствуютца пропитанием будучи в разных партикулярных служениях, також от рукоделия и ремесла и в наймах работою, как ходят на судах к петербургскому и рижским портам, а протчия внутре города печением

хлебов калачей и продажею с'естных припасов». Как видно из этого описания, мещанство являлось главным образом мелкобуржуазным городским элементом, который отчасти работал от себя, как, напр., часть ремесленников и мелочных торговцев, или под влиянием более крупного капитала работал на него и просто поступал к нему на службу, и, таким образом, с одной стороны, падал до положения простого рабочего, но юридически свободного и имевшего обычно свой домик и усадебную оседлость, с другой стороны, являясь приказчиком более крупного капиталиста или действуя от него, сколачивал известную сумму и сам вступал в купечество. Но и мещанство не было замкнутым сословием: всякий поселявшийся в городе и ведший в нем торговлю или промысел, если не вступал по капиталу в купечество, приписывался к мещанству, хотя бы принадлежал к другому сословию, будь то обедневший купец или начавший постоянно торговать в городе крестьянин.

Этому разнообразию экономических состояний мещанства отвечало и соответственное разнообразие бытовых условий, с одной стороны, приравнивавшихся к быту простого рабочего или крестьянина, а с другой стороны, поднимавшихся до уровня некрупного купечества, обычно старозаветного типа, выступая по целому ряду вопросов общественного управления наравне с купечеством.

Е. Корш.



Быт высших слоев общества.

Вторая половина XVIII и первая четверть XIX вв. представляют эпоху наибольшего расцвета могущества дворянского класса. Утверждение дворянства заканчивается в первую четверть XVIII ст. и далее следует захват власти и привилегий укрепившимся классом. Дворянство завершает свою победу Жалованной грамотой, данною Екатериной II в 1785 г. Оно окончательно формируется в обособленный и привилегированный в правовом и бытовом отношении класс. Всецело завладевает политическою властью и главными богатствами страны, т.-е. землею и, соединенным с нею, крепостным трудом. Значительная часть земли оказывается поделенною между всеми дворянами. Как известно, усиленные земельные раздачи начались при Елизавете и продолжались при Екатерине II и Павле. Некоторые из дворян владеют огромными территориями. Например, Шуваловым принадлежат целые области на Урале и Пермской губернии, Орловым — в Орловской, Симбирской и др. губ. Сравнительно незаметный князь Степан Борисович Куракин, брат известных двух деятелей Павловского и Александровского времени, в начале XIX века имеет 4923 ревизских душ мужского пола на землях в Тверской губ. — Зубцовском уезде, Московской губ. — Коломенском округе, Московском уезде, во Владимирской губ. — Вязниковском округе, Ярославской губ. — Ростовском уезде.

Помимо земель и деревенских усадеб, почти каждый дворянин владеет одной или несколькими городскими усадьбами, нередко в разных городах. Тот же кн. Ст. Бор. Куракин имеет две усадьбы в Москве — на Басманной, где он живет сам, и у Покровских ворот, отдаваемую внаймы.

Достигнув апогея своего развития, дворянский класс начинает разлагаться. Начало разложения отмечено уже в первой четверти XIX столетия. Экономические и социальные условия нарушают незыблемое спокойствие

и материальное благосостояние дворянства. Об этом начале свидетельствуют попытки ограничить самовластие господ над крепостными (Указ о трехдневной барщине 1797 г.), первые стадии организации и усиления торгово-промышленного класса, колебания в самой дворянской среде и династическое укрепление самодержавия, выразившееся первоначально законом о престолонаследии при Павле. Значительную роль в подрыве дворянского могущества сыграл 1812 год. Потеря последнего имущества и зачастую голодная смерть, под'ем патриотизма, отчасти искусственно созданный (афиши Ростопчина, проповеди в церквах), отчасти естественный, вместе с получением несколько большей свободы (ополчение, ослабление господской власти при занятии французами помещичьих владений), соприкосновение с западными народами (победное шествие и взятие Парижа 1814 г.)—увеличили самосознание крестьянства и, тем самым, создали опасную угрозу дворянству. Разорение, причиненное прохождением французской армии по всей западной и центральной части России, а в особенности разгром Москвы, уменьшение доходности с большей части земель и общие военные издержки, ослабили имущественное состояние дворянства. Кроме того, в самой среде дворянства появляются новые идеологические течения — критика и недовольство социально-политического характера, оформляющиеся под влиянием, как Великой Французской Революции, так и похода 1812—14 гг. Последний дал возможность наглядно усмотреть следствия общественных и правительственных переворотов со времени 1791 г. Колебания наиболее мыслящей и передовой части дворянства вылились в декабристском движении.

При обзоре быта дворянства интересующего нас времени, следует иметь в виду три группы — дворянство столичное петербургское, дворянство московское и дворянство провинциальное. Разделение отнюдь не правовое, а лишь бытовое, состоящее в различии степеней развития материальных и духовных потребностей, внешнего лоска и следования за модою. Руководящим в этом отношении, несомненно, является петербургское дворянство — двор и его приближенные, поражающие роскошью и блеском в подражании западно-европейской культуре, особенно французской. Отметим характерную бытовую черту — это смесь старо-русских черт с новыми западными формами, очень ярко выраженную в царствовании Елизаветы и Екатерины II.

Московское дворянство значительно проще, патриархальнее и дольше сохраняет русскую самобытность. Западные формы еще менее сливаются с отечественными и резче выделяются на старом фоне. Московский дворянин, хотя и тянется за двором, однако к петербургскому быту относится зачастую с долей недоброжелательства.— «Может быть, у вас в Петербурге... по иностранному, а мы люди русские...» слышатся неоднократно едкие замечания старушки-москвички, по воспоминаниям, относящимся к 1801 г. (Загоскин, Москва и москвичи, с. 68). Помимо подобного добродушного презрения московского барства к петербургскому, в старой столице гнездилось и серьезное оппозиционное настроение дворянства к Петербургу, придававшее своеобразную окраску московскому быту. Покоится оно, главным образом, на том, что Москва оказалась центром добровольно или чаще недобровольно покидавших двор вельмож, как во времена Екатерины, так в особенности при воцарении Павла I.

Провинциальное дворянство, живущее в своих деревенских и городских усадьбах, отличается своею серостью и чрезвычайной отсталостью, хотя и пытается следовать за столичным. Западное влияние проникает сюда, за некоторыми исключениями, лишь после 12-го года.

Каждая из этих трех групп имеет свой центр, вокруг которого вращаются прочие, стремясь, так или иначе, перешагнуть за вожделенную грань. Такой центр в Петербурге составляет двор, в Москве — наиболее богатые и знатные фамилии—Апраксины, Шереметевы, Куракины, Оболенские, Корсаковы, Волковы и др., в провинции, в губернских городах — губернатор и его окружающие.

Быт данного 75-летия, безусловно, претерпевает значительные изменения вместе с изменениями в дворянской среде, о коих говорилось выше. Надо различать быт XVIII (Елизаветинское и Екатерининское время)— бьющая в глаза роскошь и одновременно простота, отсутствие этикета, сохранение старо-русских черт, выпукло и нередко карикатурно выявляющихся на-ряду с европейской культурой, слияния дворцовой жизни с бытом рядового дворянства. В области стиля внешней обстановки — рококо, как пережиток, и стиль Людовика XVI.

Быт начала XIX в. (Павловское и Александровское время) — уменьшение роскоши, значительный под'ем культурного уровня, увеличение этикета, обособление дворцо-

вого жизненного уклада от рядового дворянства. Распространение и утверждение классического стиля (ампир). Не следует забывать влияние 12 года, в особенности на быт московского дворянства — уменьшение роскоши, появление мелких домов-особняков взамен городских усадеб, отдача квартир внаймы и пр.

Основная черта дворянского быта всей эпохи — нерасчлененность частного домашнего быта и общественного, отождествление личных отношений со служебными, должностными. Особенно ярко это заметно в XVIII веке и начинает нарушаться в XIX. То же можно сказать и о хозяйстве общественном и частном. Так, государственное хозяйство России смешивается с личным императрицы. Елизавета берет для своего собственного обихода почти все казенные доходы (Ключевский, Курс Русской Истории, т. IV, с. 394). А стоимость придворной жизни была не мала! В 60-х и 70-х годах расходы на Екатерининский двор состовляют 10,7% всех государственных расходов, в 80-х и 90-х — до 11,2% (Чечулин. Очерки по истории русск. финансов в царств. Екатер. II. Журн. М. Н. Пр. 1906 г., с. 116).

Средства в придворном, а за ним и в дворянском быту во времена Елизаветы уходят, помимо ежедневного обихода, главным образом, на устройство празднеств, переезды, костюмы—о величине гардероба можно судить по тому, что у императрицы при пожаре в Москве погибло около 4000 платьев (Записки Екатерины. Лейпц. 1876 г., с. 178)— на подарки членам семьи и приближенным. Например, при рождении Павла родителям его (Екатерине и Петру) было пожаловано по 100000 р., а при рождении дочери через два года по 60000 р. (Записки Екатерины, с. 197 и 268). Далее, — на содержание штата прислуги и модных, любимых тогда собачек и шутов. В последующие царствования к аналогичным тратам присоединяются еще большие расходы на постройки, переделки дворцов (Зимний, Царскосельский, Павловский и др.) и их обмеблировку. Последнее следует считать новшеством, возникшим лишь при Екатерине II. По ее запискам, в бытность Елизаветы, мебель перевозилась при переездах с собою. Екатерина же, а за нею и Петр, будучи еще их высочествами, на собственные средства обставляли свои покои. О наружном блеске и внутренней некультурности, господствовавшими в половине XVIII в., свидетельствует тот факт, что, на-

ряду с пышными празднествами и роскошными и бесчисленными платьями и бриллиантами Елизаветы, Екатерина и Петр помещались в Москве в деревянном флигеле. Здесь получалось так, что спальня будущей самодержицы была проходной комнатой, рядом с которой ютились 17 фрейлин в одной горнице. По словам Екатерины — «я не понимаю, как эти 17 женщин, из которых иные были нездоровы, могли жить в такой тесноте и не занемогли гнилою горячкою, и все это возле самой моей спальни. Ко мне набиралось оттуда столько всякого рода насекомых, что я, бывало, не могла уснуть от них» (Записки Екатерины, с. 165 — 6),

Екатерининский двор подобных фактов уже не встречает. Ее наследник живет, большей частью, в Гатчине и Павловске в полном комфорте и роскоши.

Картину блеска Екатерины дает англичанин современник, по словам которого: при бракосочетании Александра и Елизаветы — «она обедала на троне, возвышающемся среди других столов; покрытая и коронованная золотом и бриллиантами; ее светлый взор окидывал все это огромное собрание всех наций и, казалось, все они были у ее ног. Окруженная своим блестящим и многочисленным семейством, она могла бы быть принята поэтом за Юнону, сидящую среди богов». (Mémoires secrets sur la Russie. T. I. L. 1802, с. 41).

И личную жизнь обе императрицы смешивали всецело с государственною. Приближенные Елизаветы — Разумовские, Шуваловы фактически были и правителями. Особенно ярко выявилась эта черта в фаворитизме Екатерины II. В ряде ее официальных фаворитов (Григорий Орлов, Васильчиков, Потемкин, Завадовский, Зорич, Корсаков, Ланской, Ермолов, Мамонов, Зубов) было несколько более или менее деятельных соправителей. Бытовая подробность— для официального фаворита были устроены специальные апартаменты близ покоев императрицы во дворце.

Время в придворном быту проходило следующим образом: Екатерина Великая вставала в первые годы царствования в 6 часов, а в последние — в 8. По совершении туалета ей подавали чрезвычайно крепкий кофе (1 фунт на 5 чашек), затем секретари читали бумаги, министры— доклады, при чем государыня вязала или шила по канве. В час обедала, затем читала, гуляла в саду или совершала торжественные выезды и принимала у себя. По воскре-

сеньям утром происходили малые выходы, а по особым дням — большие церемониальные. По вечерам постоянно бывали различные увеселения. Так, в первые годы царствования Екатерины: в воскресенье—бал во дворце, понедельник — французская комедия, вторник — отдых, среда — русская комедия, четверг — трагедия или французская опера. Сюда приезжали в масках, чтобы ехать прямо в вольный маскарад. Маскарады наравне с карточными играми (кампис, бостон и др.) были излюбленными развлечениями высшего слоя общества.

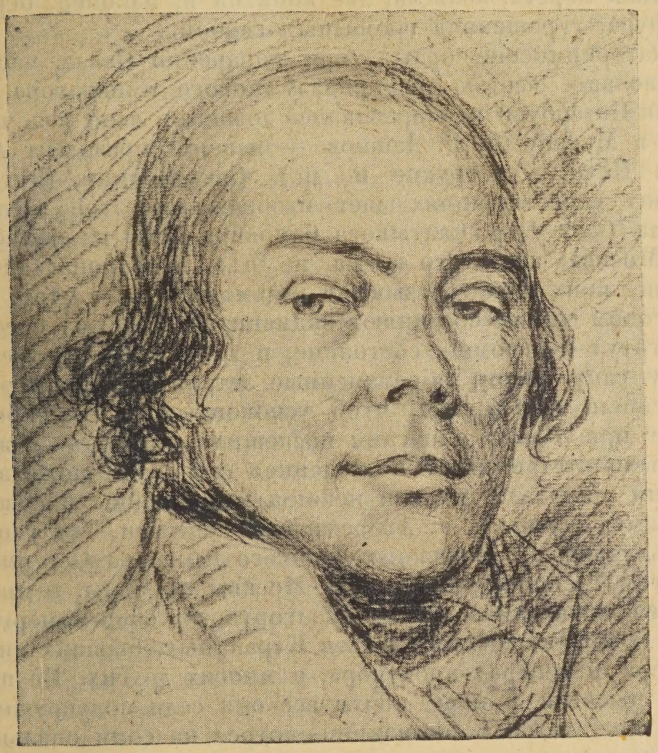
Павел, стремясь, с одной стороны, уничтожить роскошь и упростить быт, с другой — вводит этикет. Так, издается приказ целования ему руки и при встрече с ним экипажа— мужчинам сходить на землю, а женщинам — на подножку. Неисполнение подобных требований влекло тяжелые последствия. Так, уже упомянутый англичанин, современник, сообщает следующее: некая бригадирша Лихарева ехала из своей деревни за врачом для умирающего мужа. Встретившись с Павлом и не зная о новом распоряжении, она не выполнила его. Павел немедленно приказал взять ее под арест, где и просидела она 4 суток, а четверых людей ее отдали в солдаты. Беспокойство о муже, тем временем скончавшемся, доводит ее до потери рассудка (Mémoires secrets... op. cit., с. 207 — 9).

Двор Александра еще увеличивает этикет, но отличается большою культурностью и всецело европеизирован.

Петербургское дворянство во всем подражает двору. При Екатерине строятся большие дворцы (Строгановых, Шереметевых, Потемкина, Безбородко и мн. др.) и жизнь в них течет заодно со двором. Характерны такие факты: в последние годы жизни Екатерины ей трудно было подниматься по лестницам, а потому многие вельможи, желая видеть ее у себя, специально переделывают лестницы. Так, Безбородко перестраивает лестницу своего дома на под'ем с незаметно-отлогими ступенями, обтянутыми коврами, что обходится ему около 5000 р. (Mémoires secrets... op. cit., с. 58). О стоимости праздников, устраиваемых вельможами, свидетельствует торжество, данное Потемкиным в 1778 г., стоившее до 50000 р. (Рожков, Русск. Ист., т. VII, с. 143—4).

Смесь отечественных и западных форм особенно ярко и карикатурно отразилась на так называемых «петиметрах» и «кокетках», следовавших всем крайностям моды, по существу же, оставаясь при прежней косности и гру-

бости. Интересен также тип Струйского, мнивший себя высоко-культурным последователем Беккариа, что не мешало ему попрежнему далеко не ласково обходиться со своими крепостными. В связи с этим стоят разные чудачества и самодурства. Например, кн. М. И. Долгорукий устроил у себя в гостиной московского дома подмостки,



Портрет Павла I. (Щит 74 № 2.)

крытые ковром, где он сидел на золоченом кресле, чтобы быть выше всех. Он считал, что, сходя со своих лесов и встречая некоторых гостей на половине комнаты или провожая до двери, делает им огромную честь (Благово. Рассказы бабушки, с. 67).

Пережитком самобытности, дотянувшемся до Александровского времени, являются шуты и дураки. Таков известный шут «Иванушка» при Павле. При пе-

реездах гр. Шереметева с женою, в их карете всегда находились шут и дура.

Скажем несколько слов о передвижении. Большею частью, дворяне ездили на собственных лошадях и экипажах, притом очень торжественно, обычно целым поездом. Например, впереди — «восьмиместная линия» в 8 лошадей, затем дорожная карета, коляска, две кибитки и, наконец, огромная фура, украшенная громадным гербом.

«Екатерининские орлы», при воцарении Павла, частью добровольно, частью по приказу нового императора, покинули Петербург и отправлялись доживать свой век чаще всего в Москву (Е. Р. Дашкова — бывший президент Академии Наук, Долгорукие и др.). Современник (Вигель) в своих воспоминаниях дает изображение этой группы лиц на балу у гр. Салтыкова 6 ноября 1800 г.: «никогда еще Москва, как в это время, не была наполнена такими людьми, коих у нас называют вельможами, т.-е. тех, кои с высоким чином соединяют знаменитость заслуг, блестящий титул и огромное состояние, и живут соответственно своему сану. Одни, обремененные летами, при Екатерине еще сошли с поприща, чтоб успокоиться в граде бояр; другие при Павле или сами поспешили оставить службу, или были отставлены с позволением жить, где пожелают. Все они предстали тут, сии некогда мужи войны и совета, с своими сединами и Андреевскими лентами. Тут увидел я фельдмаршала Каменского, бывшего канцлера Остермана с братом, Еропкина, избавителя Москвы от чумы, и прежнего ее начальника Юрия Долгорукого, обер-камергера князя Голицына, обоих братьев Куракиных, бывших вице-канцлера и генерал-прокурора, и многих других. Не принимая участия в игре, почти все они сели полукружием, и я с почтительным вниманием смотрел на сонм опальных бояр, как на галлерею исторических портретов. Если бы не было пляски, то можно было бы вообразить себе, что они собрались в думу для совещаний о делах государственных» (Записки Ф. Ф. Вигеля. М. 1891. Ч. 1, с. 174—5).

Быт московского дворянина — быт помещика. В Москве у него целая усадьба, состоящая из господского дома, различных служебных и хозяйственных построек, всегда с французским или английским садом, где имеются оранжереи и пр., за садом часто прилегают целые пастбища. Таковы усадьбы кн. Куракиных (Н. Басманная, д. № 6, Мясницкая), кн. Дашковой (Консерватория, ул. Герцена), Репниных

(Маросейка), Румянцевых (там же), Корсаковых (Страстн. пл.) и очень много др. Население этих усадеб достаточно велико. Помимо хозяев с семейством, в доме живет целый штат приживальщиков, гувернеров и гувернанток и крепостной прислуги. Остальная часть дворовых размещается в чрезвычайной тесноте по людским. О количестве дворовых можно судить по составу усадьбы кн. С. Б. Куракина. Все семейство князя состояло из него и княгини, занимавших большой двухэтажный дом[1]), а крепостных различных специальностей жило в 5—6-ти флигелях около 90 человек, кроме их жен и детей. Таковы — официанты: смотритель за гардеробом, сервирующий при столе, конторщик, писарь, парикмахер, камердинер, фершал, кондитер, кухмистр, берейтор; приканцелярские; музыканты; швейцары, лакеи с помощниками; повара; конюхи: кучера, форейторы, конюхи для посылок; мастеровые: садовник, садовые ученики, слесарь, кузнецы, каретники, колесники, башмачник, прачка, дворник; сторожа; служащий у капельмейстера; работная баба; мальчики, обучающиеся грамоте; назначенные в науку: в маляры, в обойщики; служащий у официантов, кашевар у музыкантов (Архив ГИМ — Архив Куракиных. № 231, с. 178 — 86). Перечисленный состав дворовых наглядно подчеркивает характер домашнего хозяйства московского барина — обслуживание его потребностей, почти не выходя за пределы усадьбы.

Типичную картинку быта московского дворянства дает Бельский, описывая свой приезд из Петербурга в 1801 году в «наследственные хоромы» М. С. Заозерской на Чистых прудах: «В лакейской мы разбудили нашим приходом двух слуг, которые преспокойно почивали на деревянном конике; один из них был в поношенной ливрее, с напудренной головою, другой в суконном сюртуке с оборванными петлицами. Спросонья они кинулись, как шальные, снимать с нас шубы, засуетились и уронили столик о трех ножках, на котором стояла шашечница и горела сальная свеча, воткнутая в бутылку. На этот шум вышел из столовой, и к счастью со свечей, толстый старик, в немецком кафтане и камзоле, с красною рожею, отвислым подбородком и огромным чревом: это был дворецкий... — Что тетушка дома? — Как же, батюшка, дома-с. В боскетной... Пожа-

[1]) Дом и флигеля существуют ныне в несколько измененном виде — Новая Басманная, д. № 6.

луйте. — Толстый Трифон Семенович пошел перед нами со свечею. Пройдя большую столовую и две гостиные, мы подошли к полурастворенным дверям освещенной комнаты. Дворецкий распахнул обе половинки дверей и проговорил торжественным голосом: Иван Андреевич, сударыня. — Вместе с этими словами поднялась ужасная кутерьма: тетушка старушка, лет 65-ти, в гродетуровом шлафроке и белом чепце, с радостным восклицанием вскочила с дивана. Весь двор ее пришел в движение: зеленый попугай засвистел, как соловей-разбойник, со всех сторон кинулись нам под ноги с громким лаем три болонки, две моськи и одна поджарая английская собаченка. Пожилая калмычка Федосья Тихоновна вскрикнула, молоденькая фаворитка Глашенька ахнула, а Михеич, безобразный карло, с огромною головою бросился унимать собаченок»... (Загоскин. Москва и москвичи, с. 66 — 68.).

По установившейся с половины XVIII в. моде, дворянство проводит зимний сезон в городе, а на лето отправляется в свое поместье. Одна из причин этого—экономическая—желание поправить средства, истощаемые приемами и выездами за зиму. Почти все дворяне, составляющие московский центр, имеют свои «подмосковные»: Шереметевы — Кусково, Останкино, Апраксины — Ольгово, Трубецкие — Ахтырку, Волковы — Высокое и т. д.

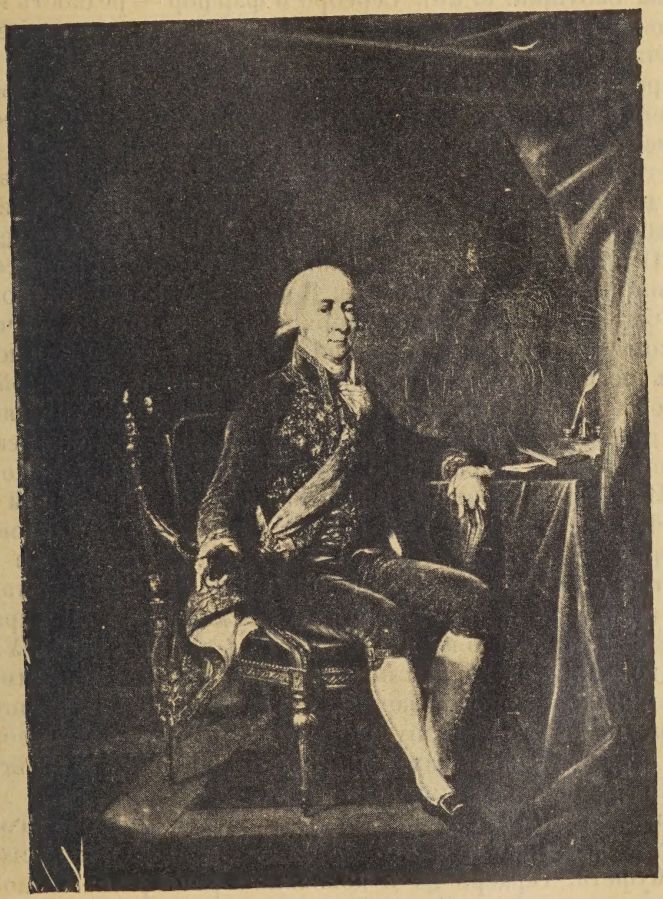
Чрезвычайный консерватизм в быту московского дворянства стремится к однотипности и проявляется нередко в характерных фактах. Так, гр. Толстой, чтобы не изменять ни в чем своего образа жизни, устраивает два совершенно одинаковых дома в деревне и в Москве на Зубовской пл. (Благово. Рассказы бабушки, с. 93).

Празднества и выезды московского барства подобны петербургским, поражают москвичей, но проще сравнительно с новой столицей. Большие празднества для званых и незваных устраиваются в Кускове, Люблине и многих других усадьбах. Приезды двора также обязательно сопровождаются торжествами.

Письма Волковой (представительницы московского высшего света начала XIX в.) говорят о постоянных развлечениях, граничащих с обязанностью. Например, — «С Рождества (1816 г.) мы все ездим по гостям. Были на двух званых обедах, на ужине у Рябининой и у Оболенских. Нынче приходится ехать на вечер, а в четверг на бал к кн. Андрею Гагарину. В воскресенье будет бал у Оболен-

ских, затем через два дня опять бал у кн. Щербатова» (Свистунова, Грибоедовская Москва, с. 231).

Для дополнительной характеристики быта мужской части московского дворянства следует отметить клубную жизнь—



Портрет М. М. Голицына (№ 1).

Английский клуб (с конца XVIII в.), посещаемый членами очень исправно.

О невысоком уровне культуры свидетельствуют такие реальные факты, как, например, поразительная бедность освещения, даже на званых вечерах в богатых домах. Или

такое обстоятельство—у Корсаковых (дворяне не из бедных: владельцы около 5000 душ крестьян) в екатерининские времена на весь дом имелись лишь две чайных ложки и кушанья подавали на оловянной посуде (Благово. Рассказы бабушки, с. 25). Серебро и фарфор — редкость и роскошь. Правда, к началу XIX столетия то и другое уже обычное явление.

Провинциальное дворянство переживает значительные изменения в своем быту. До половины и начала третьей четверти XVIII в. в своих усадьбах в провинции жили лишь престарелые старики и старушки с женами служащих в войске дворян, так как все дворянство находилось на военной службе (Записки А. Т. Болотова, т. I, с. 147). К концу же XVIII и в особенности в начале XIX вв. дворянство заселяет провинцию все более и более. В половине XVIII ст. домашний быт провинциального дворянства стоит на чрезвычайно низком уровне. Жилище барина отличается от крестьянского лишь несколько большими размерами и относительной чистотой. К концу же века и к началу XIX картина меняется. Так, по запискам известного Болотова, жилище в его усадьбе Дворянинове, Алексинского уезда, Тульской губ. в половине XVIII в. представляет дом с одной большой угольной комнатой, маленькой рядом и несколькими сенями, кладовыми и черной горницей, при обстановке, состоящей из двух простых дубовых столов, лавок и скамей, нескольких старинных стульев, шкафчика и кровати. Единственным украшением были образа в переднем углу (ib., т. I, с. 151—3). Уже к 70-м годам мы видим там новый дом, типичный, повидимому, для провинциального барина, о котором Болотов пишет: «несмотря на его мализну, были в нем все нужные в дворянских деревенских домах комнаты: были в нем лакейская, зала, гостиная, спальня, уборная, столовая, детская, девичья и для меня спокойный кабинет, а другой особый покоец и для моей тещи. А сверх того выгадал я местечко для буфета, гардеробца и довольно просторной кладовой, также двух сеней»... (ib., т. II, с. 798). Вместе с изменениями во внешнем быту происходят некоторые перемены и во внутреннем, проявляющиеся в пробуждении интереса (хотя и слабо) к книгам, общественной жизни (выборы) и т. д.

В общем, быт этой части дворянства, так же как и столичного, неразрывно связан с жизнью гостиной — обеды, ужины, танцы, поездки на именины, крестины, свадьбы и пр. Характерным для быта провинциального дворянства

являются поездки всем семейством на выборы предводителей в губернию, на с'езды для торга и найма земель в уездный или губернский город, на ярмарки, сопровождающиеся обязательно теми же угощениями и увеселениями.

Миниатюра с изображ. Александра I и Елизаветы Алексеевны. (Витрина № 280).

Все эти собрания были не столько развлечениями, сколько преследовали практические цели: проведение желательного кандидата в предводители, выдачу замуж дочери и т. д. Сватовство в конце XVIII, да и в начале XIX вв. находится в полном расцвете. Характерно еще то, что вследствие

медленного проникновения западного влияния очень долго сохраняются в быту провинциального дворянства народные суеверия, гадания, святочные развлечения, обряды («Княжой стол» на свадебном пиру) и пр.

Наглядную характеристику быта провинциального дворянства дают приводимые в следующих строках выдержки из описания одного праздничного дня в 1752 г. псковских дворян, повторявшихся постоянно, с некоторыми изменениями и во всю вторую половину XVIII в. и начала XIX: «Обед был подлинно праздничный, и хоть бы и не в деревне, и продолжался несколько часов... (за стол садились часов в 12). Понабравшись немного за столом, захотелось им после оного повеселиться еще далее... Музыки не были такие огромные, как ныне; ежели скрипички две-три и умели играть польские и миноветы и контратанцы, так и довольно. Немногие сии инструменты можно было возить с собою в колясках, а музыкантам отправлять должность лакеев... ее заставили тотчас после обеда играть и господа затеяли деревенские танцы... Между тем, как мы сим образом упражнялись в танцах, боярыни занимались карточною игрою. Любимая у всех и лучшая игра была тут памфел. Что ж касается до господ, то сии упражнялись, держа в руках то и дело подносимые рюмки, в разговорах, а как подгуляли, то захотели и они танцами повеселиться. Музыка должна была играть то, что им было угодно, и по большей части русские плясовые песни, дабы под них плясать было можно. Не успели сего начать, как принуждены были и боярыни покинуть свои карты и делать им компанию. К музыке присовокуплены были потом и девки с своими песнями; а на смену им, наконец, созваны умеющие песни петь лакеи; и так попеременно то те, то другие утешали подгулявших господ до самого ужина... Гости все ночевали и на другой день обедали, и не прежде раз'ехались как уже перед вечером... (ib., т. I, с. 204—6). К этим занятиям следует еще прибавить охоту, занимавшую видное место в быту провинциального и московского дворянина в течение всего интересующего нас времени, а также и позже.

Повседневная жизнь дворянства столичного и провинциального, помимо службы мужчин, настолько тесно связана с выездами и приемами, что краткие промежутки между таковыми заполняются главным образом приготовлением к очередному собранию, обсуждению предыдущего

и очень мало уделяется времени (особенно XVIII в.) хозяйству и духовной культуре.

Духовная культура занимает лишь очень незначительное место в дворянском быту времени Екатерины и несравненно большее при Александре. В XVIII веке, зачастую и в XIX, воспитание и образование детей поручается гувернерам и гувернанткам французского происхождения, нередко очень мало образованным.

Проявление духовных потребностей в материальном быту отражают — собрания книг и целые библиотеки (порядочная библиотека кн. Е. Р. Дашковой), собрания портретов (б. ч. предков), картин, гравюр, каррикатур (коллекция на события 12 года помещика Покорского в усадьбе Мглинского уезда), иногда каких-либо бытовых предметов (табакерки в собрании кн. С. Б. Куракина).

В XVIII веке лишь отдельные лица обнаруживают интерес к науке и литературе. В XIX, особенно под влиянием событий 12 года, проявляется совершенно иное. Правда, литература и наука в быту высшего общества долго остаются предметом случайного времяпрепровождения. Но все же первая четверть XIX в. явно свидетельствует о нарождении действительно положительных культурных перемен — серьезное отношение дворянства к этим областям. Упомянем хотя бы несколько таких имен, как Жуковский, Пушкин, Грибоедов, Герцен, а также ряд записок и воспоминаний, например, А. Я. Булгакова о 1812-м годе. Появляется новый тип — дворянин, занимающийся естественными науками в университете и дома в своем кабинете (Алексей Александрович Яковлев, по воспоминаниям Т. Пассек).

Искусства имеют некоторое значение, но лишь как предмет развлечения. Музыка — игра на клавесинах, клавикордах, фортепиано, арфе. К концу XVIII века и начале XIX все барышни обучались музыке и нередко пению. К артистам же — художникам и музыкантам — отношение обычно свысока. Связанные с музыкою танцы проходились обязательно каждым баричем с детского возраста.

Театр — с крепостным актером, частный и общественный, с конца XVIII столетия проявляет все большее значение в быту высших слоев общества. Господа сначала являются только зрителями, а затем (XIX в.) изредка начинают устраивать домашние спектакли, выступая сами в качестве актеров, однако исключительно в своем кругу.

Резюмируя вышеизложенное, приходим к следующим выводам. Первое.— В интересующий нас период, руководящий класс общества — дворянство — переживает эпоху своего наибольшего расцвета, после чего начинает намечаться его падение. Руками дворянства захвачены все правовые и материальные преимущества. Отсюда второе — чрезвычайная напряженность и также наибольший расцвет крепостничества. Последнее следует считать исходным пунктом для об'яснения основной окраски быта того времени и отдельных бытовых черт. Третье.— Бросающийся в глаза контраст быта дворянства с другими классами, особенно крепостным крестьянством. В придворном и дворянском быту мы видим внешнюю роскошь и блеск — в XVIII веке каррикатурно перемешивающую самобытные черты с западными, в XIX — более европеизированную, отличающуюся своим показным характером жизни гостинной. Западная культура и образование целиком переносятся на русскую почву, но прививаются, особенно в XVIII веке, только наружно, оставляя внутри пустоту, косность и грубость. Четвертое.— Неразрывная связь домашнего частного быта с общественным официальным. Чтобы служить, чтобы занимать ту или иную должность, чтобы попасть в желанный круг, в клуб, надо быть принятым в известных домах, у известных лиц. Надо приезжать от времени до времени с визитами, с поздравлениями в дни именин, нового года, рождества, пасхи, появляться на балах, не отказываться от ужинов, обедов и т. д. И эти обязанности выполняются гораздо строже, нежели деловые. Общественное мнение, т.-е., что будут говорить о том или ином лице и его поступках в гостинных, чрезвычайно подчиняет себе весь класс. Отсюда пятое — поразительное однообразие быта всего класса. Все подражают друг другу.—Двор и Петербург—западу, Москва—двору, губерния—Москве, уезд—губернии. Все стремятся по возможности к однотипному образу жизни.

Е. Басова.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО
ВЫСТАВКЕ

Выставка размещена в трех больших залах и одной небольшой комнате между вторым и последним залами. Первый зал, посвященный восемнадцатому веку (с 1760-х годов), заключает в себе экспонаты, иллюстрирующие быт общественных групп: дворянства, нарождающегося купечества и интеллигенции; облик города, костюм и обиход того времени. Следующий зал заключает в себе предметы и иконографию, иллюстрирующую быт помещика и крестьянина как XVIII, так и XIX веков. В виду малой изменяемости бытовых признаков, строгое хронологическое деление здесь было бы слишком трудно провести. Здесь же размещены экспонаты, характеризующие развивающийся индустриализм, базирующийся вначале исключительно на крепостном труде крестьян.

Следующая за вторым залом небольшая комната III занята предметами обстановки мещанина начала XIX века и, наконец, четвертый зал посвящен девятнадцатому веку, до сороковых годов его. Здесь, как и в первом зале, собраны предметы из быта состоятельных классов города, предметы более диференцированные по своему характеру от таковых же предыдущей эпохи. Каждый зал делится в свою очередь на отдельные группы, об'единенные той или иной, вторичного значения, идеей.

XVIII век

Первый зал

В зале XVIII века стена налево от входа начинает экспозицию. Здесь размещена группа портретов двора Екатерины II и Павла I.

Над входной дверью помещен бронзовый рельеф-медальон № 95 с профилем Екатерины II 1729—1796.

1. М. М. Голицын. 1731—1804. Камергер, Калужский генерал-губернатор. Работа Лампи старш.
2. А. М. Голицын. 1723—1807. Вице-канцлер, обер-камергер при Екатерине II.
3. В. Зубов. 1771—1804. Младший брат Платона Зубова. В 1796 году Главноначальствующий войсками в походе против Турции.
4. Мария Федоровна. 1759—1828. Жена Павла I, урожденная принцесса Виртемберг-Штутгартская.
5. Кн. Дашкова, Е. Р. 1744—1810. Статс-дама при Екатерине II. Директор Академии Наук.
6. Екатерина II. 1729—1796. Копия с Торелли.
7. М. Румянцева. 1698—1788. Обер-гофмейстерина при Екатерине II.
8. Я. Е. Сиверс. 1731—1808. При Екатерине II — Новгородский губернатор, при Павле I — Главный Попечитель Воспитательного Дома.
9. Гр. П. Зубов. 1767—1822. Екатеринославский и Таврический губернатор. Последний фаворит Екатерины II. Работа Лиговского.
10. Гр. Ал. и Гр. Орловы. Ал. Орлов. 1734—1808. Участвовал в заговоре против Петра III. Герой Чесменского боя; Гр. Орлов. 1734—1796. Главный участник заговора против Петра III. Фаворит Екатерины II. Усмирил бунт в Москве 1771 г. Работа Де-Вельи.
11. Павел I. 1754—1801. Копия с Каравакка.
12. Кир. Разумовский. 1724—1803. С 1750 года гетман Малороссии. Копия с оригинала Токкэ.

12-а. Екатерина II. 1729—1796. Мраморный бюст работы М. Колло (1748—1821).

Другая витрина № 13, на этой же стене показывает типы дворцов (чертежи фасадов исполнены пером с тушью и акварелью):

1. Фасад Таврического дворца со стороны сада. Копировал Лев Родионов с Харчевникова 1807 г. Родионов, Л. (р. в 1783 г.), петербургской школы. Харчевников — городской архитектор г. Петербурга. Строитель дворца (1782) архитектор Старов, И. (1743—1808 г.), петербургской школы.

2. Фасад и план Александровского дворца в Царском Селе. Чертеж конца XVIII или начала XIX века. Строитель дворца (1792—96) итальянский архитектор Кваренги, Д. (1744—1817 г.), в России с 1779 по 1817 г.

3. Фасад Гатчинского дворца. «С натуры снимал и чертил Яков Васильев» 1781 г. Строитель дворца (1766—1781) итальянский архитектор Ринальди, А. (р. около 1709, ум. в 1790 г.); в России с 1752 г., уехал в начале 1790 гг.

В витрине, № 14, висящей на этой же стене, отобраны гравированные портреты лиц особо близких к Екатерине, как русских, так и приезжих иностранцев.

1. Голицына, Д. А. 1724—1798. Статс-дама и приятельница Екатерины II. Гравировал Радиг (1721—1795) с оригинала Росляна (1710—1793).

2. Екатерина II. 1729—1796. Гравировал акватинтой М. Юнг с оригинала Ф. И. Шубина (1740—1805).

3. Голицын, А. М. 1718—1783. Фельдмаршал. Гравировал Радиг (1721—1795) с оригинала Росляна (1710—1793).

4. Домашнев, С. Г. 1743—1795. Камергер. Гравировал А. Колпашников (1744—1809).

5. Гр. Сиверс, Я. Е. 1731—1808. Новгородский губернатор, Попечитель Воспитательного Дома. Гравировал пунктиром Зенфф (р. 1770 г.) с оригинала Грасси (1758—1838).

6. Иосиф II. 1741—1790. Император Австрийский, союзник Екатерины II, приезжавший два раза в Россию. Силуэт работы неизвестного.

7. Гага, граф. Псевдоним Густава Адольфа III, короля Шведского. 1778—1837. Был в Петербурге в 1796 г.

Гравировал Н. И. Колпаков (1740—1771?) по собственному рисунку.

8. Екатерина II в семейном кругу в Царском Селе. Гравировал Бергер с оригинала Антинга (ум. в 1805 г.).

9. Иосиф, эрцгерцог. Палатин Венгерский, супруг Александры Павловны. Гравировал Клаубер (1754—1817) с оригинала Ритт (1769—1799).

10. Александра Павловна. 1783—1801. Старшая дочь Павла I. Гравировал пунктиром Вейс (1775—1846) с оригинала Курга (австрийского портретиста).

11. Любимая собачка Екатерины II. Гравировал Рот (работал в России 1761—1777 г.) с оригинала Грот (работал в России 1741—1801).

12. Елена Павловна. 1784—1803. Вторая дочь Павла I. Гравировал пунктиром Гейер (р. ок. 1780 г.) с оригинала Вагнер, пастелиста.

Продолжением этой группы являются портреты и витрины боковой стены, на которой размещены изображения, подобранные главным образом с целью иллюстрировать костюмы, головные уборы, вообще моду и туалет эпохи.

Среди портретов масляной живописи размещены:

15. Екатерина II. Костюм 1761 г. Копия с Ротари.
16. Принцесса Анастасия Гессен—Гомбургская. 1700—1755. Костюм 70 гг. Копия с Рослэна.
17. Неизвестный мальчик. Костюм 60 гг.
18. Портрет неизвестной (м. б., Елена Павловна, дочь Павла I). Костюм 60 гг. Работа Друэ.
19. Портрет неизвестной. Костюм 50 гг. Работа Ант. Хикк э.
20. Екатерина II. Костюм начала 70 гг. Тип Эриксена.
21. А. А. Бибикова. Костюм 70 гг.
22. Е. П. Дохтурова. Костюм 70 гг.
23. Портрет неизвестного. Костюм 70 гг.
24. Портрет неизвестной. Костюм конца 70 гг.
25. Портрет неизвестной. Костюм 70 гг.
26. Портрет неизвестной. Костюм 70 гг.
27. Яковлев, Л. А. 1764—1833. Дядя известного публициста А. И. Герцена, посланник при Вестфальском дворе, потом сенатор. Костюм 80 гг.
28. Д. И. Уварова. Костюм 80 гг.
29. Портрет неизвестной. Костюм начала 80 гг.
30. Уваров, С. Ф. Костюм 80 гг.

31. Портрет неизвестной. Костюм начала 90 г.
32. Кн. А. Л. Маврокордато. 1776—1855. Костюм 90 гг.
33. Портрет неизвестной. Костюм 90 гг. Работа Боровиковского 1797 г.
34. Гр. Г. И. Чернышов. Костюм 90 гг. Работа Гуттенбрунна.

В витрине № 35 у окна гравюры также характеризующие моды:

1. Урок музыки. Моды конца 80 гг. Цветная гравюра карандашной манерой. Хюэ-Легран.

2. Роба «по-польски». Мода 70-х годов. Гравюра Пелисье иглой на меди, раскрашенная от руки по рисунку Леклерк.

3. Любовный договор. Моды конца 90 гг. Гравюра пунктиром и резцом Треска.

4. Танцовщица в роли Сильфиды. Гравюра Мартин.

5. Приложение к модному журналу «Портниха». Дамские платья — роба спереди и сзади, типа левит. Платье служанки. Изд. и выполнение Бенар. Гравюра резцом.

6. Платье левит, прическа 70-х годов. Офорт и пунктир, раскрашено от руки.

7. Женщина, завязывающая подвязку. Платье левит, мода 70-х годов. Гравюра черной манерой.

8. Причесывание молодой дамы. Моды и прическа 70 гг. Гравюра резцом, офортом и пунктиром, раскрашено от руки. Р. Бришэ.

9. Модная лавка. Моды 70-х годов. Гравюра резцом. Изд. Бенар.

В двух других витринах, № № 36, 37, размещены мелкие предметы преимущественно женского туалета: веера, перчатки, подвязки, цепочки, носимые у корсажа (шателен'ы) с часами, флакончиками и различными брелоками, пуговицы, пряжки для туфель и башмаков. В шкафике-витрине № 38 размещены:

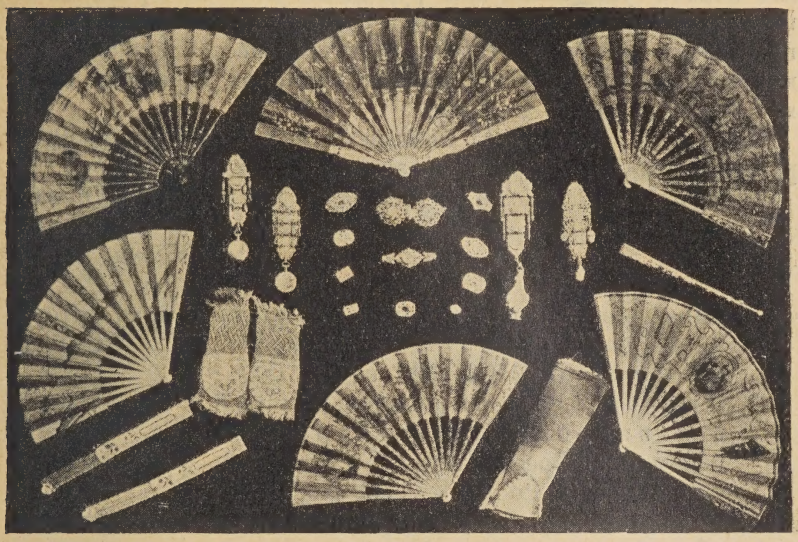
На первой сверху полке: Фарфоровые статуэтки завода Мейссен, две фигурки арлекина, исполненные по модели скульптора Кендлера.

На второй полке: Статуэтки императорского завода по модели художника Георги. Бюст Екатерины II по модели художника Рашетта. Интересна фигурка «Казан-

ской татарки», по преданию изображающая Екатерину II.

На третьей полке: Ароматница завода Севр и статуэтки завода Гарднер, Мейссен и императорского.

На дне витрины: Два серебряные кубка и один кокосовый, оправленный в серебро.



Предметы туалета XVIII в. (Витрина № 37).

Стеклянная витрина № 39 содержит образцы мужского костюма:

1. Костюм: кафтан, жилет и штаны из сиреневого неразрезного французского бархата, с вышивкой шелком и синелью. Конец XVIII в.
2. Кафтан из голубого шелка, к нему жилет из белого шелка, — расшитые шелками. Конец XVIII в.
3. Костюм летний, из парусины, с вышивкой цветными шелками. (Кафтан, жилет и штаны.) Конец XVIII в.
4. Кафтан коричневого сукна, расшитый цветными шелками. Конец XVIII в.
5. Перчатки мужские, лосиные с напечатанными и раскрашенными акварелью сюжетами. Русская работа. 80-ые годы XVIII века.

Внизу, вдоль стен расставлена мебель той эпохи: клавесин московской работы 1791 г., небольшой комод с бронзой, образцы меблировки гостиной (обивка новая), бюро с цилиндрической задвижной крышкой, «наборной» м. б. русской работы, столик — консоль красного дерева (русской работы), маленькие «наборные» столики, служившие для подачи угощения, для рукоделия и т. п. Среди зала поставлены сани для прогулок Екатерины II. Здесь же на подставках размещена бронза, обычно расставлявшаяся на каминах, зеркалах, столиках и в витринах парадных комнат богатых домов-дворцов.

На щитах №№ 40, 41 помещены изображения, характеризующие архитектурное убранство дворцов:

1. Проект архитектурной и живописной обработки стены у камина в большом кабинете дворца в Павловске. (?). Чертеж пером с акварелью.
Справа внизу копия подписи английского архитектора Камерона (р. около 1740 г., ум. между 1812—20 гг.); в России с 1779 по 1811 г. (?).

2. Проект декорации круглой гостиной в павильоне Павловского парка. Чертеж пером с акварелью. Рисунок Виолье, Ф., французского художника (в России с 1780 по 1829 г.).

3. Проект архитектурной и живописной обработки стены вестибюля неизвестного здания. Чертеж пером с акварелью. Аноним (итальянский архитектор Кваренги, Д. (1749—1817); в России с 1779 по 1817 г.).

4. Фасад дома графа И. Чернышева (?). Чертеж пером с тушью. Архитектор Ринальди, А., итальянец (около 1709—1790); в России с 1752 г. по 1790 гг.

5. Генеральный план жилого дома с садом. Чертеж пером с акварелью. 80 гг.

6. Проект разбивки сада при доме графа И. Чернышева в С.-Петербурге. Чертеж пером с акварелью. 1762 г. Исполнен в Вене.

Рядом, на щите № 42, изображения иностранцев, посетивших с различными целями двор Екатерины; среди них необходимо отметить № 5, портрет известного авантюриста Жиованни Казанова (1735—1814), бывшего в России с 1782 по 1788 год, исполненный красным карандашом с белилами

братом Жиованни, Франческо Казанова. Кроме него, здесь помещены:

1. Димсдаль. 1712—1800. Английский врач, вызванный 1768 г. в Россию, чтобы привить оспу Екатерине II и Павлу Петровичу. Получил за это титул барона и громадное состояние. Гравировал Бугреев, И. (р. 1745) с оригинала Христинека (работал в России с 1762 до смерти 1797 г.).
2. Калиостро. 1743—1795. Мистик, масон, известный чудодей. В 1780 г. искал счастья в Петербурге. Гравировал черной манерой Гайд (1739—1809) по собственному рисунку.
3. Альтести, А. Ф. Секретарь гр. Платона Зубова. Павлом I выслан из России за шарлатанство. Гравировал черной манерой Валькер (1748—1808) с оригинала Лампи отца (1751—1830).
4. Де-Линь. 1735—1814. В России с 1782—1788 г. Гравировал резцом с протравой крепкой водкой Адам (ум. ок. 1808 г.) с оригинала Крейцингера (1750—1829).

Костюмы XVIII в. (№ № 15—38)

6. Гримм. 1723—1807. Парижский корреспондент Екатерины II. В Петербурге в 1773 и 1776 гг. Гравировал Лесер с оригинала Кармонтель (1717—1806).
8. Дидро. 1713—1784. Мыслитель-энциклопедист. В Петербурге в 1773 г. Гравировал Генрикез (1732—1803) с оригинала Ван Лоо (1705—1765).
7. Гр. Ангальт Фридрих. 1732—1794. В России с 1783 г. Гравировал Фрицш (ум. ок. 1770 г.).
9. Вейкард. Каммермедик Екатерины II, бывший в России с 1783 по 1789 г. Гравировал резцом и иглой Фергельст (1742—1818).

На обороте этой ширмы, у окна, в щите № 43, расположена группа портретов фаворитов Екатерины II.

1. Станислав II Август. 1732—1798. Король польский. Гравировал черной манерой Пихлер (1765—1806) с оригинала Лампи (1751—1830).
2. Екатерина II. Гравировал черной манерой Диккинсон (1746—1823) с оригинала Эриксена (1722—1782).
3. Гр. Зубов, П. А. 1767—1822. Гравировал акватинтой Валькер (1748—1808) с оригинала Лампи (1751—1830).
4. Ланской, А. Д. 1758—1784. Гравировал с собственного рисунка Тардье (1756—1848).
5. Гр. Дмитриев-Мамонов, А. М. 1758—1803. Гравировал черной манерой Валькер (1748—1808) с оригинала Шебанова, А. П. (р. 1764 г.).
6. Кн. Потемкин-Таврический, Г. А. 1736—1791. Гравировал черной манерой Валькер с оригинала Лампи.
7. Зорич, С. Г. ум. 1800. Гравировал пунктиром Осипов, А. А. (1770—1850).
8. Орлов, Г. Г. 1734—1796. Гравировал Чемесов, Е. П. (1737—1765) с оригинала Ротари (1707—1762).

Внизу, в витрине № 44, автографы как самой Екатерины, так и некоторых ее фаворитов, портреты коих находятся на щите, над ней:

Автографы: кн. Дашковой и фаворитов Екатерины II: Григория и Алексея Орловых, Завадовского, Платона Зубова и под стеклом — автограф-письмо Екатерины и гр. Дмитриева-Мамонова, которое они совместно писали Потемкину сначала в серьезном, а затем в шуточном тоне.

Рядом, на щите № 45, Екатерина II в кругу своей семьи:

1. Александр I в детстве. 1777—1825. Гравировал пунктиром и резцом Брише, французский художник (втор. половина XVIII в.) с рисунка Мейер.
2. Цесаревич Павел Петрович. 1754—1801, его супруга Мария Федоровна, 1759—1828 и их дети: — Александр, 1777—1825 и Константин, 1779—1831 перед бюстом Екатерины II. Рисунок тушью с оригинала Антинга, немецкого силуэтиста (ум. в Петербурге в 1805 г.).
3. Константин Павлович. Второй сын Павла I. Гравировал акватинтой Брише (?).
4. Цесаревич Павел Петрович. Гравировал резцом и пунктиром Лешенколь, венский художник (вторая половина XVIII в.) с собственного рисунка.
5. Великие князья Александр и Константин. Гравировал черной манерой Валькер (1748—1808) с оригинала Лампи (1751—1830).
6. Екатерина II. 1729—1796, в камероновской галлерее царскосельского дворца. Офорт Уэльса, художника-любителя, секретаря английского посольства при русском дворе с рисунка гр. Головиной, В. Н. (1766—1821), фрейлины Екатерины II.
7. Николаи. 1737—1820. Секретарь Павла Петровича. Гравировал Гуттенберг (1743—1792) с оригинала Виолье или Вуаль, французский художник (работал в России с 1780 по 1796 г.).
8. Клингер. Чтец при Павле Петровиче и Марии Федоровне. Гравировал резцом и пунктиром Набгольц (1752—1797) с оригинала Анджиолини, итальянского миниатюриста при Павле I.
9. Великий князь Александр Павлович. Гравировал пунктиром и резцом Набгольц с оригинала Ритт (1769—1799).
10. Лагарп. 1754—1838. Воспитатель Александра Павловича. Гравирован пунктиром и резцом.
11. Елизавета Алексеевна. 1779—1826. Супруга Александра Павловича. Гравировал пунктиром и резцом Набгольц с оригинала Ритт.

Следующий щит, № 46, дает в гравированных портретах изображения некоторых писателей эпохи:

1. Державин. Г. Р. 1743—1816. Поэт. Гравировал акватинтой и карандашной манерой Колосов с оригинала Тончи (1756—1844).

2. Херасков, М. М. 1733—1807. Драматический писатель. Гравировал черной манерой Майр (1764—1812) с оригинала Галленбергера.
3. Дашкова, Е. Р. 1743—1810. Писательница. Гравировал пунктиром по своему рисунку Скородумов, Г. И. (1755—1792).
4. Екатерина II. 1729—1796. Писательница.
5. Хемницер, И. И. 1744—1784. Баснописец. Гравировал резцом Ухтомский, А. Г. (1779—1852) с оригинала Иванова, И. А. (1780—1842).
6. Хвостова, А. П. 1767—1853. Писательница-массонка. Гравировал Шато (вторая половина XVIII в.) с оригинала Сантерр.
7. Княжнин, Я. Б. 1742—1791. Драматический писатель. Гравюра с рисунка Форопонтова.
8. Богданович, И. Ф. 1743—1803. Поэт. Гравюра с рисунка Анны Богдановичевой.
9. Рекке. 1756—1833. Мистическая писательница. Гравировал Бокк (р. 1755 г.) с оригинала Дарбес (1747—1810).
10. Фонвизин, Д. И. 1745—1792. Автор комедий «Недоросль» и «Бригадир». Гравюра с рисунка Эстеррейх (?).

Внизу, в витринах №№ 47, 48, размещены автографы писателей, некоторые издания их работ, грамоты и дипломы того времени:

Автографы. Литературных деятелей: Ломоносова, Державина и кн. Щербатова. Государственных деятелей: Суворова, Павла I и близких к нему лиц: Марии Федоровны, митрополита Платона и кн. Александра Куракина.

Гербовник рода Яковлевых с приложением родословного дерева. 1798 г.

Жалованная грамота на графское достоинство, данная Екатериной II Федору Григорьевичу Орлову в 1768 г.

Стихи на разные случаи.

Рисунки ливрей рода Шереметевых.

Далее в простенке поставлена небольшая ширма из одного щита № 49, с витриной № 50, в которых представлены образцы силуэтов различной работы. Силуэт, т.-е. изображение, сделанное, большею частью, черной или другой какой-либо краской в виде сплошного пятна, без оттенения, был в большом ходу среди общества

Западной Европы. Ряд войн, затем Великая Французская Революция, вызвали, с одной стороны, появление популярных героев, с другой—множество вольных или невольных разлук; в том и другом случае хотелось иметь у себя изображение дорогого человека, легко переносимое, легко укрываемое в случае необходимости. Поэтому и получают такое распространение портрет-миниатюра, портрет-силуэт. Их изготовлением занимались специалисты художники, иногда и просто любители, особенно легко изготовлявшие силуэты путем обводки на белой бумаге рисунка тени от головы (таким способом изготовлен силуэт Екатерины II). Изготовлялись силуэты и на зачерненном стекле с подкладкой золотого фона, вырезались очень тонко из черной бумаги, иногда для распространения гравировались на меди и отпечатывались. Все эти способы были переняты и в России того времени; результаты этой сантиментально-художественной моды выставлены в указанных витринах, с таким подбором, чтобы представить как разновидности техники силуэта или миниатюры (в витрине № 51, с другой стороны ширмы), так и типы костюмов и причесок.

Щит № 52, над витриной с миниатюрным портретом дает портреты гравюрой архитекторов, художников, граверов, русских и иностранцев, работавших в России.

1. Кокоринов, А. Ф. 1726—1772. Архитектор. Гравировал Олешинский, А. К. (1796—1878) с оригинала Левицкого.
2. Львов, Н. А. 1751—1803. Архитектор и гравер. Гравировал Тардье (р. 1756 г.) с оригинала Левицкого.
3. Кваренги, Д. 1744—1817. Архитектор. Гравировал Саундерс (р. 1750 г.) с оригинала Виги (1764—1844).
4. Державина-Бастидон, Е. Я. 1760—1784. Силуэтистка. Гравировал акватинтой Майр (1764—1812) с оригинала Боровиковского (1758—1825).
5. Шмидт. 1712—1775. Гравер. Офорт. Автопортрет.
6. Лебрен, Е. 1755—1842. Портретистка. Гравюра пунктиром с автопортрета.
7. Чемесов. Е. П. 1737—1765. Гравер. Авто-гравюра с оригинала Де-Вейли, французского художника (работал в России с 1754 по 1804).
8. Гулиельми. 1714—1774? Художник декоративной живописи. Гравировал черной манерой Гайд (1739—1809) с автопортрета.

9. Левицкий, Д. Г. 1735—1822. Гравировал пунктиром Алексеев (1800—1840) с оригинала Яковлева, И. Е. (1787—1843).

10. Рейфенштейн, И. Ф. 1719—1797. Доверенное лицо Екатерины II по приобретению художественных произведений в Италии. Гравировал Шульце (1750—1819) с рисунка Шенау (1750—1819).

11. Казаков, М. Ф. 1734—1812. Архитектор. Гравировал резцом и пунктиром Грачов, А. П. (умер около 1850 г.).

После осмотра этого щита следует вернуться опять к входной двери и продолжить осмотр стены по другую сторону двери. Первой группой портретов и изображений иллюстрируется военная деятельность Екатерины:

53. Гр. Чернышев, З. Г. 1722—1784. Герой Чесменского боя.

54. Смерть Потемкина. С картины М. Иванова. Перо с акварелью.

55. Русское посольство во главе с фельдмаршалом, кн. Н. В. Репниным (1743—1801) на приеме у турецкого Визиря в Константинополе, в 1775 г., после заключения мира в Кучук-Кайнарджи. По рисунку с натуры.

56. Аллегория на завоевание Крыма. С.-де-Мейса.

57. Аллегория на Чесменский бой.

58. Екатерина II в виде Минервы.

59. Адмирал Грейг. 1735—1788. Герой Чесменского боя.

К этой же группе относится и витрина № 60, с изображением батальных сцен:

1. Осада Очакова русскими войсками под командою кн. Григория Потемкина, 6 декабря 1789 г. Офорт Бартша, венского гравера и художника (1757—1821) с рисунка Казанова, художника-баталиста (1727 или 1732—1805).

2. Портрет гр. А. Г. Орлова. 1734—1808. Гравировал черной манерой Тоунлей, художник и гравер (1746—1800).

3. Портрет гр. П. А. Румянцева-Задунайского. 1725—1796 г. Гравировал пунктиром Стефанов (вторая половина XVIII в.).

4. Победа гр. Румянцева при Кагуле в августе 1770 г. Гравировал Ходовецкий, Д., гравер-рисовальщик (1726—1801).

5. В'езд Суворова в Варшаву 26 октября 1794 г. Гравировал Буддеус, немецкий гравер конца XVIII и начала XIX вв.

6. Вид Чесменской бухты и изображение истребления оттоманского флота эскадрою Российской под предводительством графа А. Орлова 26/27 июня 1770 г. Опробован гр. Орловым. Раскрашенная гравюра.

Витрина № 61 в ряде карикатур дает отголоски Французской Революции в Европе. Здесь помещены:

1. «Массовое крушение»: Свобода вертит электрическую машину и от ее действия летят вверх европейские монархи. Раскрашенная гравюра.

2. Конгресс союзных королей или тираны, развенчанные галльским петухом. Раскрашенная гравюра.

3. Союз королей или коронованные разбойники против Французской Революции. Главное действующее лицо — английский министр Питт, в виде лисицы проповедует свое учение монархам Европы. Английский король — в виде индюка в клетке, Австрийский император — в виде страуса, Прусский король — сова на дереве и т. д. Раскрашенная гравюра.

4. Карикатура на Павла I. Раскрашенная гравюра.

5. Карикатура на вмешательство Англии в заключение мира между Россией и Турцией (1791).

6. Карикатура на Павла I. Гравюра по рисунку художника Кау (1804).

7. Карикатура на Павла I. Силуэт. Гравировал А. Вильям, лондонский гравер и художник (1721 — 1820) по рисунку Е. Д. С.

8. Бобадил в немилости или Катя в гневе. Екатерина II провожает пинком герцога Брауншвейгского, недовольная его неудачными действиями против Французской Революции, и тянет за косу Понятовского. Раскрашенная гравюра.

9. Царский маскарад. Карикатура издана по поводу обращения французских эмигрантов за помощью к Екатерине. Екатерина II в виде коломбины, перед ней на коленях в виде пульчинелла (петрушки) граф д'Артуа, брат Мирабо — в виде китайца и т. д. Раскрашенная гравюра.

Затем на той же стене группа деятелей просвещения, представленных в ряде портретов маслом:

62. Бецкий, И. И. 1703—1795. Крупный деятель просвещения, основатель воспитательных домов в Москве и Петербурге, Академии Художеств, многих училищ.
63. Херасков, М. М. 1733—1807. Драматический писатель. Мартинист.
64. Галлерея графа Шувалова. Работа крепостного мастера Зяблова. Копия с картины Рокотова (по определению А. В. Лебедева).
65. Барон Николаи, А. Л. 1737—1820. Президент Академии Наук. Работа Лампи (?).
66. Ломоносов, М. В. 1711—1765. Член Академии Наук.

Витрина № 67 продолжает эту группу коллекцией гравированных портретов научных деятелей:

1. Фесслер, 1756—1839. Профессор восточных языков. Гравировал черной манерой Тилькер (1763—1832) с оригинала Дарбес (1747—1784).
2. Ломоносов, М. В. 1711—1765. Член Академии Наук, физик и химик, писатель. Гравировал Фессар (1714—1774).
3. Штелин, Я. Я. 1709—1785. Член Академии Наук, профессор поэзии, элоквенции и аллегории при Академии Наук. Гравировал черной манерой Штенглин (1700—1770) с оригинала Шмидта (1712—1762).
4. Эйлер, Л. П. 1707—1783. Член Академии Наук, проф. физиологии, физики и математики. Гравировал черной манерой Штенглин с оригинала Хандмана (1718—1781).
5. Голенищев-Кутузов, И. Л. 1727—1802. Адмирал, директор морского корпуса, наставник Павла Петровича. Гравировал Антипьев (1744—1785) с оригинала Рокотова, Ф. С. (173?—1810).
6. Шувалов, И. И. 1727—1797. Основатель Московского Университета в 1755 г. Офорт Шмидт (1712—1775) с оригинала Лагрене (1724—1762).
7. Георги, И. И. 1729—1802. Член Академии Наук, химик. Гравировал пунктиром Пеннинг (вторая половина XVIII в.).
8. Барков, И. С. Ум. в 1768. Переводчик при Академии Наук. Гравировал пунктиром Осипов, А. А. (ок. 1770—1850).

9. Петров, В. П. 1736 — 1799. Библиотекарь Екатерины II. Гравировал пунктиром Стефанов (вторая половина XVIII в.).

10. Тредьяковский, В. К. 1703 — 1769. Член Академии Наук, переводчик и проф. элоквенции. Гравировал пунктиром Соколов, Н. И.

11. Рычков, П. И. 1712 — 1777. Писатель, этнолог и экономист. Историк Пугачевского восстания. Гравировал Крюгер (1733 — 1791.

12. Паллас, П. С. 1741 — 1811. Член Академии Наук, д-р медицины, путешественник, проф. натуральной истории. Гравировал Крюгер.

13. Шлёцер, А. 1735 — 1809. Член Академии Наук, проф. истории. Гравировал Флоров (ок. 1788 — ок. 1830) с эстампа Риненгаузена (1789 — 1860).

Отсюда необходимо перейти к большой пирамидальной витрине № 68, среди зала, в которой выставлены коллекции книг, как рукописных, так и печатных.

Для содержания рукописной литературы XVIII в. и первой четверти XIX в. типичными являются следующие произведения:

«Страсти Христовы». «Апокалипсис». «Слово Палладия Мниха о страшном суде». «Житие Василия Нового».

Сборники разного состава: повести старые, в роде «Царицы и львицы», а для XVIII в., кроме того, целый ряд новых переводных повестей и романов. Во избежание повторения, некоторые из этих категорий представлены только в одной из 2-х витрин выставки.

Для характеристики внешнего вида рукописей даны образцы миниатюры и орнамента:

Апокалипсис, продолжающий старую традицию XVI в. Сборник, служащий образцом свободной народной манеры как в рисунке, так и в раскраске, а также подражание народным гравированным картинкам—лубку. «Страсти», дающие подражание западной гравюре. Образцы поморского стиля, сложившегося в XVIII в. и излюбленного старообрядцами. Образцы старопечатного стиля и отголоски новых западных стилей, например, рококо.

Из переплетов выставлен один, повторяющий точь-в-точь переплет XVII в.,— посредине тиснением изображена легенда об основании Царьграда.

При расстановке рукописи разделены по содержанию на две группы: направо — памятники старообрядческой письменности, налево — не старообрядческой: чтение средних и низших грамотных классов.

Для первой характерны: «Поморские ответы», сборник, со статьями об учителях и подвижниках старой веры. Здесь же выставлены и старообрядческие книги церковной печати, изданные в тайных или заграничных типографиях, как, например: «История о отцех и страдальцех Соловецких» (Супрасль, 1789 г.), или «Катехизис малый» (Почаев, 1783), перепечатанный, как и большинство старообрядческих книг, с дониконовского издания.

К другой группе отнесены переводные повести XVIII в.: «История о милорде Гереоне». (Сборн. повестей.)

«Полеонцион Египетский». «Повесть о Францеле Венециане» и др.

Для сравнения приложены печатные издания этих же повестей, при чем, как видно по роману Лесажа «Хромой Бес», печатный и рукописный тексты представляют разные переводы. К этой же группе относится «Житие Евфросинии Суздальской» с многочисленными изображениями построек стиля барокко.

В той же витрине расположены книги гражданской печати XVIII века (с 1763 года).

Книги учебные и педагогические.

Книги по хозяйству и экономике.

Руководства для развлечений (карточная игра и т. д.).

Описания путешествий.

Изящная литература в ее наивысших достижениях.

Из оппозиционной дворянской литературы особенного внимания заслуживают обе книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» 1790 г., «Житие Ушакова», трагедия Княжнина «Вадим Новгородский», комедия Капниста «Ябеда».

«Московский журнал» Карамзина открыт на странице, где «Письма русского путешественника».

Романы, преимущественно переводные, излюбленное чтение средних классов и простонародья. Среди них наиболее популярны «История Ваньки-Каина» и «Приключения маркиза Г» (глаголя). Отра-

жение тяги к народу, интереса к народным обычаям и суевериям («А б е в е г а» Михаила Чулкова) и к народному творчеству.

Предметы домашнего обихода XVIII в. (Витрина 69)

Боковое стекло:
Книги по технике и механике. Среди них описание моста по проекту знаменитого русского механика самоучки Кулибина.

В высокой стеклянной витрине № 69 на полках размещены вещи домашнего обихода состоятельных слоев общества:

Наверху витрины: Миска фарфоровая на поддоне, два кашпо фарфоровые и две миски серебряные.

Первая сверху полка. Два тэт-а-тэта (прибор только для двоих) завода Мейссен. Чашка, чайник и сахарница из сервиза гр. Захара Чернышева. Два шоколадника завода Мейссен. Чайная серебряная посуда, среди нее: стакан серебряный, по нему с трех сторон изображены чернью аллегорические фигуры, с четвертой стороны писан вензель из букв: «SSIIRS», кругом две надписи: 1) по венцу: «сей стаканъ суздольского второй гильди купца Івана Иванова Болшаго Спирина», 2) по низу: «зделан в Сибири в областномъ городе Томьскомъ 1784 году Февраля 1 д.».

Вторая полка: Стекло для питья белое и золоченое, ковш серебряный золоченый с двумя орлами на краях; внутри по дну рельефный двуглавый орел за венком, по стенкам под орлами рельефные изображения корабля и дельфина. Снаружи по стенкам в четырех местах за раковинным орнаментом резана надпись: «сей ковшъ пожалованъ из казны ея императорскаго величества Московскому первой гильдии купцу Авраму Васильеву сыну Зубкову за то что он первой явился въ правительствующемъ сенате с желаниемъ принять петербурския и московския питейныя зборы на откупъ а темъ и побудилъ протчихъ явитца к торгамъ 1770 года декабря I дня». Московская работа.

Третья полка: Столовый сервиз завода Мейссен, серебряный судок, солонки и стаканы.

На дне витрины: Столовая посуда завода Мейссен и завода Гарднер и столовое декоративное серебро.

Небольшие витрины около ширмы являются продолжением предыдущей коллекции и содержат в себе те мелкие предметы, без которых в то время не мыслилось существование всякого «приличного» кавалера или дамы:

Витрина № 70.

Коробочки и табакерки серебряные, фарфоровые, финифтяные, костяные, черепаховые, перламутровые. Фарфор завода Мейссен.

Витрина № 71.

Женские туалетные принадлежности, фарфоровые, завода Мейссен.

Щиты этой ширмы заполнены гравюрами и рисунками, иллюстрирующими жизнь Павла Петровича в бытность его цесаревичем и царем.

Щит № 72 иллюстрирует разные события из путешествия Павла Петровича — цесаревича — с женою по Европе в 1781—82 гг., под именем графа и графини Северных.

1. Встреча Нового Года в Вене в 1782 году: Раскрашенная гравюра Лёшенколь, австрийского художника и гравера (конца XVIII и начала XIX в.).

2. Мария Федоровна. 1759—1828. Супруга Павла Петровича, под именем графини Северной, в Париже. Гравировал Войе (1742—1801) с собственного оригинала (?).

3. Прием Павла Петровича и Марии Федоровны папою Пием VI. 8 февраля 1782 г. Гравировал Лаззорини, художник и поэт (1710—1801), по оригиналу художника Бейс (конца XVIII в.).

4. Граф и графиня Северные (Павел Петрович и Мария Федоровна). Гравировал пунктиром и резцом Берте с медали Онера.

5. Мария Федоровна. Гравировал черной манерой Соколов, Василий (?).

6. Изображение одной из колесниц, которые были устроены в Венеции в честь приезда Павла Петровича и парадировали на площади Сан-Марко. Раскрашенная гравюра.

7. Павел Петрович. 1754—1801. Гравировал черной манерой Соколов, Василий (?).

Соседний щит № 73 посвящен изображениям, относящимся к юности Павла:

1. Порошин, С. А. 1711—1768. Воспитатель Павла Петровича. Гравировал Бертонье (1791—1848).

2. Павел Петрович в детстве. Гравировал карандашной манерой Бонне, французский гравер (1743—1793), с оригинала Эриксен, датского художника (1722—1782).

3. Кн. Куракин, А. Б. 1752—1818. Друг Павла Петровича. Гравировал Радиг, французский гравер (1721—ок. 1809)?, с оригинала Рослена (1710—1793).

4. Платон. 1737 — 1812. Законоучитель и духовник Павла Петровича. Гравировал Ческий, И. В.(1777—1848) с оригинала Эстеррейх (работал в России в первую четверть XIX в.).
5. Гр. Панин, Н. И. 1718 — 1783. Наставник цесаревича Павла Петровича. Гравировал на стали Энглехирт.
6. Мария Федоровна. 1759 — 1828. Вторая супруга Павла Петровича. Гравюра пунктиром, раскрашенная акварелью.
7. Прием Павла Петровича у Фридриха Великого в 1776 г. Гравировал акватинтой Бергер (1744 — 1824) по рисунку Вейтш (1758 — 1828).
8. Наталия Алексеевна. 1755—1776. Первая супруга Павла Петровича. Гравюра с оригинала Рослена (?).
9. Изображение фейерверка при бракосочетании Павла Петровича с Наталией Алексеевной (Гессен-Дармштатской) в 1773 г. Фейерверк придумал Як. Штелин. Гравюра на шелку Рот (Работал в Петербурге (1761 — 1777).

Щит № 74 содержит группу заговорщиков, участников убийства 12 марта 1801 г., вид инженерного замка, бывшего дворца-замка Павла I (построенного архитекторами Баженовым и Бренна), где оно произошло, и, наконец, редкий по искренности, неофициальный, вернее всего «черновой», рисунок-портрет Павла. К сожалению, пока еще не определен точно автор этого изображения.

1. Вид Михайловского Замка со стороны Летнего Сада. Гравюра очерком раскраш. акварелью Лори (ок. 1760 — 1836) с рисунка Патерсена (работал в России с 1787 — 1815).
2. Павел I, р. 1754, вступил на престол 1796, убит 12 марта 1801. Рисунок итальянским карандашом и сангиной. Работа неизвестного.
3. Зубов, В. А. 1771 — 1824. Участник в заговоре против Павла I. Гравировал пунктиром Пфейффер с оригинала Грасси (1755 — 1807).
4. Гр. Беннигсен, Л. Л. 1745 — 1826. Участник в убийстве Павла I. Гравюра пунктиром и резцом, раскрашенная акварелью.
5. Гр. Пален, П. А. 1745 — 1826. Главный заговорщик в убийстве Павла I. Гравировал черной манерой Валькер (1748 — 1808) с оригинала Кюгельген (1772 — 1820).

За этой ширмой угол зала иллюстрирует жизнь города того времени и дает типы нарождающейся буржуазии в купеческих портретах. На стене размещены:

75. Вид Великого Устюга (город на Северной Двине).
76. Портрет неизвестной купчихи.
77. Савва Яковлев. 1712 — 1784. Основатель Яковлевской мануфактуры в Ярославле. Работа ученика Устюжской Живописной Школы. 1757 г.
78. Портрет купца.
79. Свадьба в Торопце.
80. Портрет купца.
81. Портрет купчихи.
82. Воскресенские ворота и Неглименский мост в Москве. Акварель, работы Ф. Я. Алексеева (1753 — 1824).
83. Красная площадь и Василий Блаженный в Москве. Акварель, работы Ф. Я. Алексеева.

В витрине № 84:

1. Красная площадь с Никольскими и Воскресенскими воротами. Гравюра 1762 г. по рисунку де-Велльи (1730 — 1804).
2. Деревянный Оперный Дом на р. Яузе при Екатерининском Головинском дворце. Офорт Ф. Кампорези, конца XVIII в.
3. Варварские ворота в Китай-городе с каменным мостом через ров. Акварель конца XVIII в.
4. Простонародные игры на перекрестке близь Андроньева монастыря в Москве. Раскрашенная гравюра по рисунку Дюрфельда(1765 — 1827).
5. Вид Воспитательного Дома со стороны Москвы-реки. Проект, осуществленный наполовину. В 1790 г. гравировал Шенберг (1760 — 1805).

В витринах, стоящих здесь же у стен, размещены документы и портреты, относящиеся к этой же теме.

В витрине № 85 находятся:

4 лечебника рукописных конца XVIII в.

Наставление о прививке предохранительной оспы, с иллюстрациями.

Краткое наставление о предотвращении скотского падежа 1774 г.

Указ по поводу чумного бунта 1771 г.

Портреты: Архиепископа Амвросия, убитого во время бунта, Архарова—обер-полицеймейстера и фельд-

маршала графа П. С. Салтыкова, московского главнокомандующего, оставившего город из страха перед чумой.

В витрине № 86 размещены:

Счеты, Дворцовая товарная книга с образцами тканей (конца XVIII в.).

Тетрадь для записи товаров, 1794 г.

Договор о перевозке товаров 1786 г.

Указ о зачислении бывшего крепостного в купечество третьей гильдии, 1794 г.

Отпускной билет горожанам 1764 г.

Изображения калужан.

Изображения городских торговцев.

На ширме против этой стены размещены иллюстрации городской жизни Москвы и С.-Петербурга: на щитах №№ 87, 88 развешены раскрашенные офорты, изданные в 1799 г. по рисункам Ж. Делабарта (работал в России 1787—1810), с изображениями:

1. Красной площади в Москве с существовавшим в 1787—1803 гг. вторым, западным, зданием торговых рядов.
2. Площадь в Кремле, на которой видны: собор Николая Гостунского (разрушенный в 1817 г. в одну ночь), архиерейский дом и Спасские ворота
3. Гулянье под Новинским
4. Петровский дворец, построенный в 1778 году за Тверской заставой архитектором М. Ф. Казаковым. Гравюра Ф. Кампорези.

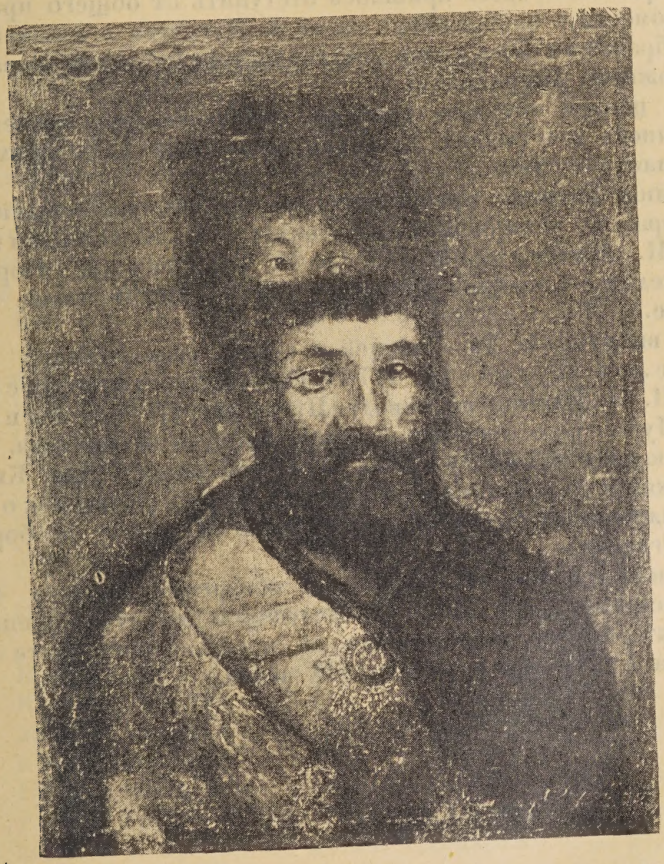
Третий щит, № 89, рядом с описанными занят изображениями Петербурга:

1. Вид Морского Кадетского Корпуса. Акварель 90 гг. Аноним. (Мошков, Е.? 1748—1828.) Строитель (1795) архитектор Волков, Ф. (1755 — 1808).
2. Вид Сенатской площади со стороны Адмиралтейства. Акватинта 1794 г. Гравюра и рисунок Шенберг, К. (в России 1785—1801).
3. Вид набережной Фонтанки. Акватинта. Конец 80 гг. Гравировал Мальтон, Т., английский гравер (р. 1748), по рисунку Хирн, И.

90. Вид из Кремля на Запад. Раскрашенный офорт Делабарта (над дверью во II зал).

Наконец особый уголок этого зала, около двери в следующий зал, посвящен изображениям, иллюстрирующим Пугачевское восстание.

Чрезвычайная скудость графического материала не позволила представить более полно это событие. В двух витринах и на небольшом участке стены собрано все, что имелось в Музее. Особенно интересным с бытовой точки зрения здесь является (№ 91) портрет Е. Пугачева, написанный (масляной краской) на портрете Екатерины II.



Портрет Е. Пугачева, написанный на портрете Екатерины II. (№ 91)

Происходит этот портрет из Оренбургской губернии и хорошо иллюстрирует тот момент, когда при приближении «императора Петра Федоровича» с его войском в присутственных местах шла поспешная замена одного официального портрета другим. Портрет Е. Пугачева носит все

следы чрезвычайно торопливой работы. Части портрета Екатерины (ее бюст и часть лица) хорошо видны под кафтаном и сквозь папаху Е. Пугачева.

В висячей витрине № 92 собраны все, по возможности, портреты Е. Пугачева, хотя бы явно несхожие, изданные за границей. К сожалению, за неимением современного изображения, здесь пришлось отступить от общего правила и поместить изображение казни Е. Пугачева в позднейшем изображении 60-х годов девятнадцатого столетия (акварель художника Шарлеманя).

В центре витрины гравюра, изображающая казненных из числа восставших крестьян, пущенных «для примера» на плоту по реке.

Внизу витрины гравированные портреты екатерининских генералов, усмирявших восстание: гр. П. И. Панина, И. И. Михельсона и А. И. Бибикова. Портрет последнего масляной живописи (№ 93) висит также и на стене.

В витрине № 94, стоящей у стены, расположены:

Дело о Пугачеве. 1774 г. Собственноручное письмо гр. П. И. Панина по поводу Пугачева. 1774 г. Рапорт из Муромской воеводской канцелярии, того же года. Резолюция Екатерины по Пугачевскому делу. Книги русские и иностранные о Пугачеве. Серебряный ковш, пожалованный купцу города Ядрина Коротову за борьбу с Пугачевым.

Этим уголком заканчивается обозрение первого зала и соседняя дверь ведет в следующий зал, посвященный характеристике помещичьего и крестьянского быта как конца XVIII, так и начала XIX веков.

Деревня и усадьба

Второй зал

Обзор этого зала лучше всего начать со стены налево от двери. Весь этот угол залы у окна посвящен быту крестьянина. На стене портреты крестьян, несколько картин из крестьянской жизни и в рамах вышивки и набойки крестьянской работы:

96. Матрос. К. П. Щавигин (писан в 1777 г.). Из крестьян.
97. Фома Сычевский.
98. Крестьянская свадьба.
99. Портрет крестьянки.
100. Портрет крестьянки. Работа Ив. Аргунова (?).
101. Крестьянин с жбаном.
102. Бытовая сцена из крестьянской жизни. Работа Митуара.
103.
104. Портреты крестьянок и мещанок.
105.
106. Парфений Повряшнин. Из крестьян.
107. Крестьянская свадьба, картина, писанная маслом на железе. Собств. Областного Уральского Музея в Свердловске.
108. Шитье золотой и серебряной нитью: части женских головных уборов (очелья, позатыльни), шитые золотой и серебряной нитью «по-карте», т.-е. рельефным узором с подкладкой картона или бересты. Нач. XIX в.
109. Концы полотенец, шитых красной бумагой двусторонним крестом.
110. Шитье «по-перевити» Калужской губ.: концы полотенец, шитые по перевити красной бумагой с цветной расцветкой.

111. Набойка холщевая с узором, набитым при помощи деревянных досок (манеры) ручным способом. Конца XVIII и нач. XIX вв.

112. Шитье «двусторонним швом» Тамбовской губ. Кирсановского уезда: части женских головных уборов, каймы полотенец и ширинок, шитые серебряной нитью и цветным шелком. Нач. XIX в.

Под картинами сгруппированы вещи крестьянской обстановки, посуда, предметы женского обихода, дворовый инвентарь и, наконец, некоторые орудия крестьянских промыслов и хозяйства.

113. Скамья сосновая со спинкой и локотниками. В спинку вставлена прорезная доска с характерной орнаментацией Олонецкого района. Начало XIX в.

114. Стол деревянный на точеных ножках со шкафчиком. Работа на деревянных гвоздях. Нижегородской губ. Васильсурского у. Начало XIX в. На нем расставлены:

1. Солоница деревянная кубической формы, с высокой спинкой, откидной крышкой и вставным дном. Резана ножом из целого куска дерева. XVIII в.

2. Миска фаянсовая расписная, с надписью и датой: «Настасье Митревне 1812 году».

3. Ложка деревянная. Нижегородской губ.

4. Чарка деревянная, вырезанная ножом.

115. Рядом горка из двух ступенек; на нижней находятся:

1. Братина деревянная, точеная.

2. Ковш-черпак малый с фигурной прорезной ручкой, вырезанный ножом.

3. Рукомой деревянный, подвесной. Резан и выдолблен из целого куска дерева.

4. Ступа (толкуша) деревянная, для толченья соли. Вырезана и выдолблена из целого куска дерева.

5. Дойник деревянный, вырезанный и выдолбленный из целого куска дерева.

6. Набойная доска с двусторонним, нарезным узором. Употреблялась для печатанья (набиванья) ручным способом узора на домотканный холст.

На верхней полке:

7. Жбан деревянный, вырезанный ножом, со следами росписи.

8. Бурак (туес) берестяный, с росписью северо-двинского типа. По нижнему краю надпись: «сей буракъ матфея смиренникова хорошенькой» и дата: «1811» (.).

9. Донце для вставки прядильного гребня, украшенное резьбой. На донце вырезано: «1788 гду месца генваря 31 дня. Сия дница орловскаи евдокеи кирилавнай делал Зенавей Кстантинавъ».

10. Коробья лубяная расписная. Употреблялась в крестьянском быту для хранения домашних, ценных вещей и девичьего приданого. Конца XVIII в.

Портрет крестьянки. (№ 100)

Далее на полу стоят:

116. Скамья малая для пряхи, с резьбой на подзоре сиденья и перекладинах.

Донце с гребнем прядильным. Донце украшено резьбой, имеет надпись и дату: «1792 году маврень Иванове».

На двух площадках расположены разнообразные вещи, преимущественно женского хозяйства. На первой, № 117, находятся:

1. Донце с надписью и датой: «1794 де 10 мастер Е Д». Прялка из корневища (копаная) Смоленской губ. Начало XIX в.
2. Скальница из кованного железа на деревянной резной подставке. Принадлежность ткацкого дела. Употреблялась для наматыванья нитей на цевку (шпулю).
3. Прялка Ярославско-Костромского типа, с вырезанной на головке датою: «1798». В головку прялки воткнуто малое зеркальце в медной оправе с гравированной надписью: «авдтье вас»... Прялка украшена резьбой и раскрашена.
4. Прялка «копыл», окрашенная и расписная. На лицевой стороне прялки имеются: дата 1781 г., изображение всадника и надписи: «сижу я на борзомъ коне ито необузданъ по горамъ по холмамъ везде конь стрекаетъ умъ мой разбиваетъ где бы и не нады везде поспевает». «Юнось моя юнось беспечальное время куда ты стремишься куда ты летишь скоро придетъ твоя старость будь поумнея живи поскромнея».
5. Сундук «подголовок», дубовый, окованный просеченным фигурным железом.
6. Светец для лучины на деревянном прорезном стояке.

На другой площадке, № 118, под окном расставлены:

1. Лукошко (набирушка) берестяное, с росписью.
2. Ботало или «ропотня» (деревянный колоколец) для навешивания скотине на шею. Олонецкий район.
3. Валек с резной спинкой.
4. Рубель деревянный (катокъ для выкатывания белья). На ребре рубеля вырезано: «сей каток работал афонасеи корелскои своеручно» и у рукояти на лицевой стороне «1798 года А К». Поморье.
5. Рубель деревянный, резной. На рукояти дата: «1794».
6. Затвор воротный деревянный, для хлевов, сараев и т. д. Нижегородской губ.
7. Стул-сиделка детский. Резан из целого куска дерева.
8. Зыбка детская деревянная, подвесная, с рельефной раскрашенной резьбой. На одной стороне резная дата: «1809». Олонецкий район.

9. Коробья дубовая, дорожная, с от'емной крышкой. Посредине отдельно поставлены № 119 деревянные жернова для размалывания зерна ручным способом, применявшиеся в XVIII веке.

Угол II зала, посвященный крестьянскому быту.

Далее обзор должен охватить ширму из трех щитов с витринами под ними. В первой от окна витрине, № 120, находятся вещи различного назначения:

1. Северный деревянный календарь «святцы», в виде массивного двенадцатигранного бруска. Дни месяца обозначены однообразными зарубками по граням; праздники неподвижные и двунадесятые — в согласовании с общепринятым обозначением их в святцах. Слева, возле каждой грани, вырезаны названия месяцев. Подобные календари имели распространение на севере России и в Сибири в XVIII и XIX веках.
2. Народный календарь «святцы», в виде четырехгранного бруска с зарубками по ребрам, обозначающими дни, и с фигурными нарезками по граням, обозначающими неподвижные праздники: двунадесятые, местные и, м. б., семейные события. Имел распространение преимущественно на севере. XVIII — XIX вв.
3. Брусочница (лопаточник) деревянная выдолбленная, с резьбой. Хранилище для точильного бруска при косьбе. Нижегородской губ.
4. Солоница плетеная из лыка с деревянной втулкой. Употреблялась во время полевых работ.
5. Кочедык (кочеток) железный, кованный, употребляемый для плетенья лаптей.
6. Рожек пастушеский деревянный, обвитый берестой. Первая половина XIX в.
7. Кукла-болванка деревянная. Модель для изготовления кукол из папье-маше. Московской губ. Начало XIX в.
8. Сечка из кованного и просеченного железа с деревянной рукоятью. На пластинке два клейма: «ик» и «1822».
9. Скопкарь малый деревянный с надписью краской по бортам: «выпей да поди» «после приходи». Северодвинский район. Первая половина XIX века.
10. Солоница точеная, расписная, в форме чашки с глубокой от'емной крышкой. Северо-двинский район. Начало XIX в.
11. Солоница деревянная в форме водяной птицы с отдвижной крышкою-спинкой. Резана ножом из целого куска дерева. Северный район.
12. Солоница деревянная того же типа. Северный район.
13. Кольцо дверное, железное, кованное, с насеченным узором.

В другой витрине, № 121, расположены большею частью предметы личного употребления крестьянина:

1. Футляр деревянный для зеркала и гребешка, с выдвижной крышкой. На внутренней стороне крышки резана надпись в 3 строки: 1) «челыше», 2) не разобрана, 3) «зерцало». В футляр вложен медный гребешок.
2. Футляр деревянный (для поминанья) (?) с росписью масляной краской по обеим сторонам и резной датой: «1762».
3. Коробейки малые лубяные, расписные.
4. Две круглых плетеных, из корней, коробки с от'емными крышками. Начало XIX в.
5. Игольник (?) деревянный, с отдвижной крышкой, резан из целого куска дерева.
6. Футляр деревянный для зеркала из двух взаимно выдвижных крышек, с изображением на них львов. Нижегородский район. Первая половина XIX в.
7. Футляр деревянный, круглый, двусторонний, с выдвижными крышками, для зеркальца и гребешка. Первая половина XIX века.
8. Футляр деревянный, круглый, с выдвижной крышкой, для зеркальца, резной.
9. Футляр для зеркальца, деревянный, четырехугольный, из двух взаимно выдвижных крышек.
10. Гребень зеленомедный со вставленным в рукоять зеркальцем, с прорезной на нем накладкой, с высеченным узором.
11. Зеркальце для прялки в зеленомедной оправе, с просеченным верхом и гравированной надписью: «лукерье саватиевне 1834 года».
12. Зеркальце с насеченной надписью и датой: «1856 г. Еофонасиевна».
13. Гребень зеленомедный с прорезной рукоятью и зубчатыми насечками.
14. Тавлинка (табакерка) берестяная со штампованным, тисненым узором. Начало XIX века.
15. Тавлинка берестяная, круглая, с от'емной крышкой, с прорезным узором, подложенным фольгою и надписью: «сия тавлинка принадлежит к увеселению того кто ее имеетъ марта 8 дня 1809 года».
16. Тавлинка берестяная с прорезным узором, подложенным фольгой. В донышко вставлено зеркало. Начало XIX века.

17. Тавлинка деревянная, по боковым сторонам обложена зубчатыми полосками бересты.
18. Тавлинка берестяная с гравированным изображением города и прорезной надписью: «1821-го августа 28 числа делана в городе Устюге»; на другой стороне: «сии горы мраморны: селение наихъ кадьковъ». На крышке изображения эмблематических фигур и надписи: «осень», «зима» и «степан Бочкарев». На донышке изображение города у реки и остатки прорезной надписи.
19. Тавлинка берестяная с гравированным сетчатым узором по боковой поверхности.
20. Бляха зеленомедная, от сумки для инструментов деревенского коновала. Прорезное изображение всадника и двух коновалов. Под ними высеченная надпись: «для коновалов».

Над витринами в трех щитах, №№ 122, 123, 124, развешены изображения крестьянской жизни, как в будничной рабочей, так и в праздничной обстановке.

1. Общий вид деревни. Гуашь Кнаппе.
2. Крестьянки из-под Москвы. Раскрашенная гравюра Совёр по рисунку Лабрусс.
3. Русский крестьянин. Раскрашенная гравюра пунктиром.
4. Крестьяне из-под Петербурга. Раскрашенная гравюра Совёр по рисунку Лабрусс.
5. Павшая лошадь. } Гравировал карандашной ма-
6. Лошадь в поле. } нерой Аткинсон.
7. Деревенский плотник. Гравюра Штадлер по рисунку Портер, 1809 г.
8. Пахота. Рисовал пером с акварелью Аткинсон.
9. Крестьянский двор. Гравировал карандашной манерой Аткинсон.
10. Разные игры. Гуашь Кнаппе 1802 г.
11. Катанье с гор. Гравировал карандашной манерой Аткинсон.
12. } Игра в городки. Гравировал очерком с раскра-
13. } ской акварелью Х. Г. Гейслер (род. 1770).
14. Качанье на доске. }
15. Игра в свайку. } Гравировал карандашной
16. Хоровод. } манерой Аткинсон.
17. Качели. }
18. Кулачная борьба. Рисовал пером с акварелью Аткинсон.

19. Празднование Троицына дня. Офорт.
20. Пляска. Рисовал пером с акварелью Аткинсон.
21. Деревенская черная баня. Гуашь Кнаппе 1799 г.
22. Крестьянин с ребенком. Гравюра.
23. Игра в бабки. Сепия, тронутая белилами.
24. Крестьянская беседа. Гравировал карандашной манерой Аткинсон.
25. Деревенские сани. Акватинта, подцвеченная акварелью. 1809 г.
26. Внутренняя обстановка избы. Гравюра карандашной манерой, подцвеченная акварелью. Раб. Аткинсона, 1803 г.

Закончить обзор этого уголка следует отдельной стеклянной витриной № 125, с собранием женской крестьянской одежды праздничной, будничной и различных частей одежды (в средине витрины).

1. Сарафан праздничный косоклинного покроя из голубого шелка. Перед отделан галуном. Застежка на металлических пуговицах. Начало XIX в.
2. Душегрейка к праздничному сарафану с рукавами из парчевой ткани, затканной разноцветным шелком; отложной воротник обшит золотой бахромой.
3. Платок шелковый зеленого цвета, затканный золотым узором; посредине вытканы монограммы («М. А») и дата «1814».
4. Рубаха женская холщевая с наплечниками (полùками), вышитыми красной бумагой и цветным шелком «набором». Олонецкой губ.
5. Сарафан будничный из холщевой набивной ткани домашнего изготовления; на подоле кайма с красной расцветкой масляной краской. Северный район.
6. Волосник—женский головной убор из белого холста, вышитый красной бумагой, цветным шелком и блестками; очелье из красного штофа шито серебряной нитью. Олонецкой губ.
7. Подчейник — состоит из узкой полоски галуна и большого банта, надеваемого на шею. Бант из красного шелка с вышивкой.
8. Ширинка холщевая с каймой, вышитой красным шелком с черной и зеленой расцветкой «двусторонним швом». Тамбовской губ.
9. Сорòка — женский головной убор из красного холста с позатыльней, низанной из цветного бисера;

очелье вышито золотой нитью рельефным швом. Тамбовской губ.

10. Повязка девичья, очелье из широкого галуна, лопасти из малинового штофа с вышивкой на концах. Тамбовской губ.

11. Кокошник — женский головной убор из красного бархата, шитый золотой нитью и украшенный фольгой и блестками; край обшит галуном. Московской губ.

12. Кокошник—женский головной убор, второпокройной формы из темной шелковой ткани с цветными узорами; подкладка из трехцветной набойки с датой 1776. Московской губ.

13. Чепец — женский головной убор, шитый по холсту серебром и битью; очелье низано по фольге жемчугом, плашками и цветными камнями. Архангельской г.

Продолжение осмотра ведет в часть зала у среднего окна, к левой ширме из трех щитов и витрин под ними. Щит № 126 содержит виды селений:

1. Вид села «Подлужек» с окрестными деревнями, Семеновского уезда, Нижегородского наместничества, принадлежавшими кн. Н. В. Репнину (1734—1801). Акварель кон. XVIII в.

2. Вид села Никольского близь гор. Балахны, Нижегородского наместничества. Акварель кон. XVIII в.

Далее, щит № 127 заключает в себе изображения раскрашенным офортом различных способов наказания. Рисунки и офорты исполнены в конце XVIII в. немецким рисовальщиком и гравером Х. Г. Гейсслер (род. 1770) в числе иллюстраций к путешествию по России академика П. С. Паллас (1741—1811).

Сверху щита — наказания у киргизов (подвешивания между двумя верблюдами) и у казаков (палки), слева — у помещиков (розги, батоги), справа — в военных частях (палки, шпицрутены), в средине — колодники в местах заключения и наказания по суду: вырывание ноздрей и кнут. Изображения каторжников: 1) прикованный к колоде и 2) с вырванными ноздрями. Внизу — наказание кнутом.

В витрине № 128, под щитом собраны немногие сохранившиеся орудия наказаний:

1. Розги — пучек, служивший образцом для изготовления форменных розог для наказания.

2. Ошейник штрафной железный, с отростками, мешавшими удобно положить голову во время сна.

3. Штампы для клеймения преступников, конца первой половины XIX в. С буквами «Б» и «СК» — «беглый» и ссыльнокаторжный».
4. Шпицрутены. 1 и 4—экспонаты первой половины XIX в.; принадлежат Уральскому Областному Музею в г. Свердловске.
5, 6. Ручные и ножные кандалы.
7. Гири для подвешивания к ногам.
8. Ошейник железный с рогами, к которым привешиваются бубенчики:—в насмешку над штрафованными рабочими (Собственность Уральского Областного Музея).

Рядом, на щите № 129, расположены иллюстрации способов передвижения обывателей, курьеров и почты в конце XVIII и начале XIX вв.

1. Внутренность почтового двора—акватинта, подцвеченная акварелью. Начало XIX в.
2. Карета на полозьях.
3. Кибитки.
4. Возок.
5. Тарантас.

Гравюры карандашной манерой, подцвеченные акварелью, работы Аткинсон. Конец XVIII в.

6. Тележка с фельдегерем. Гравюра нач. XIX в.

В витрине № 130 под ним:

1. Билет на право извозничества 1803 г.
2. Инструкция о содержании и исправлении дорог 1822 г.
3. Подорожная, выданная Васильчикову 1797 г.
4. Извозчичья сказка 1818 г. о желании извозничать на одной лошади и о взносе пошлины на 1819 г.
5. Билет на место в дилижансе. 1831 г.
6. Бумажник, шитый бисером, с изображением дрожек 30-х гг.
7. Тарелка с изображением кибитки. Начало XIX в.
8. Подорожная сержанту Нарицыну, отправленному с повивальными бабками от Москвы до Мурома, 1814 г.
9. Квитанция о приеме в Рыбинской почтовой конторе денег для отсылки в Москву. 1821 г.
10. Расписка Московского почтамта в приеме от Ник. Тургенева двух паспортов для отправки в Вытегру, 1839 г.
11. Дорожные несессеры начала XIX в.
12. Дорожные складные ложка с вилкой и футляр для них.

Витрина № 131 заключает в себе документы, характеризующие взаимоотношения помещиков и крепостных:

1,2. Указы по делу Салтычихи, 1768 г.
3. Указ о беглых крестьянах, 1796 г.
4. Указ Павла I — 7 апреля 1797 г., запрещающий заставлять работать крестьян в воскресные дни.
5. Запись расходов на платье дворовым, 1790 г.
6. Выписка о пожаловании крестьян Павлом I, 1797 г.
7. Купчая на крепостных, 1788 г.
8. Резолюции помещика на просьбы крестьян, 1792 г.
9. Инструкция кн. Мих. Голицына старосте, 1797 г.

Ширма напротив из трех щитов показывает различные виды промысловой деятельности. На щитах №№ 132, 133, 134, 135, начиная от окна, расположены:

1. Кирпичный завод. Гуашь Кнаппе 1798 г.
2. Изображение строительных работ в деревне. Гуашь Кнаппе 1800 г.
3. Транспорт угля. Гравюра карандашной манерой, подцвеченная акварелью Аткинсон 1800 г.
4. Мельница. Гуашь Кнаппе 1798 г.
5. Баржа, передвигающаяся с помощью конской тяги. } Гравюры Аткинсон карандашной манерой, подцвеченные акварелью, 1804 г.
6. Погрузка зерна. }
7. Золотые прииски на Урале. Литография сороковых гг. XIX в.
8. Соляные промыслы Илецкой Защиты близь Оренбурга. Акварель. Последние годы XVIII в.
9. Добыча железной руды из озера. Офорт, 1810 г.
10,11. Изображение инородцев и казаков Приуралья. Раскрашенные гравюры.
12. План Эльтонского соляного озера начала XIX. в Рукописная карта, раскрашенная акварелью.

Следующий отдел выставки, занимающий угол зала у третьего окна, посвящен быту рабочих начала XIX века в предметах и иллюстрациях. Большинство выставленных вещей относится к заводам Урала, где ранее других местностей начала развиваться крупная промышленность и где до настоящего времени, отчасти благодаря старообрядности населения, сохранились следы прошлого.

На ширме в трех щитах, №№ 136, 137, 138, изображения заводов и уральского заводского центра: г. Свердловска (быв. Екатеринбург):

1. Дом в Екатеринбурге богатого промышленника-купца Л. И. Расторгуева (позднее его зятя, П. Я. Харитонова). Дом построен в конце XVIII в.,

перестроен в 1824 году архитектором Малаховым. Чертеж пером (вероятно, копия с проекта).

2. Общий вид города Екатеринбурга, слева у плотины Гранильная фабрика. Акварель 1789 г. работы художника петербургской школы В. Петрова.
3. Вид Ижевского завода. Акварель раб. П. С. Трубенкова. 1810 г.
4. Вид Златоустовского завода в 30-х гг. XIX в. Литография Губер по рис. И. Бушуева.
5. Вид Свибловской Суконной фабрики близ Москвы, около села Леонова. Гравюра А. Грачева.
6. Изображение медноплавильных печей на заводе Турчанинова. Копия пером и акварелью с изображения XVIII в.
7. Вид Миасского завода на Урале (между Уфой и Златоустом). Литография 40-х годов XIX в.

В витринах №№ 139, 140, под щитами, документы, относящиеся к фабрично-заводской промышленности:

1. Форма годовой ведомости полотняной фабрики о состоянии фабрики за прошедший год.
2. Билет, выданный из конторы Нижне-Тагильских заводов на право вступления в брак заводским крестьянам. 1835 г.
3. Рисунок пером, изображающий производство.
4. Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском Наместничестве, с их планами 1782 г.
5. Ведомость о выплавке меди, чугуна и выковке железа при Богословских заводах с 1803 по 1823 г.
6. Книга для записи дежурств в конторе 1831 г.
7. Ведомость о числе мастеровых, их жен и детей на Пермских заводах. 1802 г.
8. Описание приказа по фабрике Осокина в Казани 1820 г.
9. Копия Тульского Оружейного завода.
10. Ведомость о числе казенных мастеровых в Богословских заводах 1823 г.
11. Список содержателей фабрик и заводов, имеющих приписных и купленных людей по Москве.
12. Рабочие марки 1829 г., служившие для расплаты с рабочими.

Щит № 141 и витрина № 142 посвящены изображениям жизни старообрядцев и сектантов. К сожалению, для

иллюстрации хлыстовского движения, №№ *1, 2, 3, 4*, не нашлось изображений ранее выставленных, которые относятся к 60 — 70 годам XIX столетия.

На щите выставлены, кроме того:

5. Вид Поморского Выгорецкого Данилова монастыря. Рисунок пером, подцвеченный акварелью.

6. Портрет скопца Кондратия Селиванова, выдававшего себя за Петра III и за сына божия. Гравюра.

В витрине № 142 расположены:

1-5. Типы старообрядцев. Гравюра резцом.

6. Портрет Кавылина, основателя Преображенского богадельного дома в Москве в 1809 г. Гравюра резцом.

7. Изображение Данилы Викулова, видного старообрядца. Раскрашенная гравюра.

8. Удостоверение в принесении присяги старообрядцем 26 декабря 1825 г.

9. Изображения Андрея Дионисовича и Симеона Дионисовича, основателей Выгорецкой поморской пустыни. Рисунки пером с акварелью.

На стене ряд картин, изображающих виды и работу различных цехов уральских заводов. Тут же помещены портреты крупных уральских заводовладельцев.

Большая часть этих картин любезно предоставлена Историческому Музею для пополнения его выставки Музеями в Свердловске и Нижнем-Тагиле. В дальнейшем перечне вещи, принадлежащие первому, отмечены (С. М.) и второму (Т. М.).

143. Вид Кричного цеха на Нижне-Тагильском заводе начала 30-х гг. XIX века (работы нижне-тагильского художника Худоярова). (Т. М.)

144. Вид чугуннолавильного цеха. Выпуск выплавленного металла из домны на одном из уральских заводов (первой половины XIX в.). (С. М.)

145. }
146. } Портреты П. Я. Харитонова, екатеринбургского купца-промышленника и его жены М. Л. Харитоновой, урожденной Расторгуевой (С. М.).

147. Портрет изобретателя-самоучки И. П. Кулибина 1735—1818. С 1770 по 1801 гг. заведывал механическими мастерскими при Академии Наук в Петербурге, автор первого проекта и модели арочного (без быков) моста.

148. Портрет Г. Ф. Зотова, управляющего заводами П. Я. Харитонова и Л. П. Расторгуева (С. М.).

149. Общий вид г. Нижнего-Тагила (40-е гг. XIX века).

150. Вид неизвестного уральского завода (40-е гг. XIX века).

151. Вид Нижне-Салдинского завода на Среднем Урале (30-е гг. XIX в.).

152. Портреты Л. И. Расторгуева, богатого уральского промышленника, и его жены А. Ф. Расторгуевой (С. М.).

153.

154. Вид листопрокатного цеха на Н.-Тагильском заводе Демидовых. 20-х гг. XIX в. (Т. М.)

155. Картина, изображающая общий вид разработки руды на Магнитной Горе близ г. Н.-Тагила в начале XIX века. (Т. М.)

В витринах этой стены №№ 156, 157 выставлены:

1. Проспект Банкового Богословского Медноплавильного завода. Рисунок 1797 г. пером с подцветом акварелью одним тоном.

2. Вид Верхисетского завода (под гор. Екатеринбургом в первой четверти XIX в.). Акварель.

3. Жалованная грамота на рыбные промыслы, данная в 1800 г. Павлом I графу Кутайсову. Исполнена акварелью и гуашью на пергаменте, с подвешенною на золотом шнуре печатью в золоченом футляре.

В витрине № 158а расставлена деревянная посуда: ступка с пестиком и различные миски и тарелки из обихода рабочих в первой половине XIX в. на Черноисточинском заводе Демидовых на Среднем Урале.

Для продолжения обзора зала необходимо вернуться назад к входной двери, по дороге осмотреть стеклянную витрину с образцами одежды уральских рабочих первой половины XIX века и военным солдатским мундиром и стол с чертежами заводов. Необходимо отметить, что для полноты женского костюма пришлось выставить рубахи к сарафанам конца XIX в., но сшитые по старому образцу.

В витрине № 158 выставлены:

1. Сарафан из синей бумажной домотканины, с оловянными пуговицами. Из семьи кричного мастера-единоверца. Начало XIX в.

2. Рубаха белая под сарафан из миткаля; рукава обшиты вязеным белым кружевом. Конец XIX в.

3. Сарафан из полушелковой ткани, с мелким золо-

тисто-коричневым узором по лиловой «земле», 60-е годы XIX в.

4. Рубаха под сарафан из красного ластика. Конец XIX в.
5. Чекмень, старого покроя, из домотканного сукна; вместо пуговицы пришит деревянный костыль. 60-е годы XIX в.
6. Рубаха из домотканной пестрядины. Первая половина XIX в.
7. Порты из домотканной пестрядины. Первая половина XIX в.
8. Шляпа рабочего, цилиндрической формы, из коричневато-черной шерстяной ткани с ворсом, наклеенной на тулово из тонкого белого войлока. Первая половина XIX в. Дар Историческому Музею Аф. Федор. Беломестных, проживающего на Черноисточинском заводе.
9. Шляпа кричная из коричневого войлока. Местная работа первой половины XIX в. Дар Историческому Музею Лавр. Ив. Солдаткина, проживающего на Черноисточинском заводе.
10. Обувь рабочая, называемая «конопляники». Первая половина XIX в. Дар Историческому Музею Л. И. Солдаткина, проживающего на Черноисточинском заводе.
11. Повязка головная, из трех кусков, вишневого шелка: середина из узорного атласа, концы из тафты. По очелью нашит золотный галун. Первая половина XIX в.
12. Сорока парчевая, обшитая золотым галуном. Первая половина XIX в.
13. Кокошник голубого, затканного золотом и цветными шелками, штофа, с бисерным очельем и обшивкой галуном. Первая половина XIX в.
14. Повойник из шелковой мелкоузорной ткани коричневого цвета. Первая половина XIX в.
15. Сорока малинового бархата, расшитая по очелью золотым узором. Первая половина XIX в.
16. Шляпа рабочего, цилиндрической формы, из коричневато-черной шерстяной с ворсом ткани, наклеенной на тулово из тонкого белого войлока. Первая половина XIX в. Дар Историческому Музею К. С. Беломестных, проживающего на Черноисточинском заводе.
17. Солдатский пехотный мундир. 20-е годы XIX века.

Все вещи этой витрины (за исключением мундира) вывезены от рабочего населения Черноисточинского завода Нижне-Тагильского округа экспедицией Исторического Музея летом 1925 года.

На столе № 159 разложены чертежи предприятий трех разных типов: казенного, дворянского и купеческого:

1. План Тульского оружейного завода. } Первой
2. План завода госп. Сатиных на р. Солове. } четвер.
3. План завода куп. Попова в Калужской г. } XIX в.

Этими двумя витринами заканчивается характеристика крестьянско-рабочего быта, остальная часть зала посвящена памятникам быта помещичьего. Начинать осмотр надо от входной двери, над нею помещен рельеф-медальон с профилем Е. Струйского, помещика-писателя. На стене представлено в изображениях одно из наиболее крупных поместий XVIII в.:

161. Кн. А. Б. Куракин. 1752—1818. Владелец поместья «Надеждино», Саратовской губ. Портрет работы В. Л. Боровиковского (?) (1757—1825).

165. Средняя аллея, ведущая к господскому дому «Надеждина».

162. «Вместилище чувствий вечных» — павильон в парке «Надеждина».

166. «Храм Истины» — тоже.

163—164 } Четыре вида «Надеждина». Картины маслом
167—168 } художника Филимонова, 1794 г.

В витрине № 169 еще виды того же имения:

1. Вид господского дома в «Надеждине». Акватинта цветная. Около 1800 г. Гравировал «SDZ» по рисунку Мессмер.

2. Общий вид имения «Надеждино». Акватинта цветная. Около 1800 г. С рисунка Месмера — венского живописца (ум. после 1830 г.).

3. «Храм верности» в Английском саду «Надеждина». Гравировал Ческий (1777—1848) резцом и крепкой водкой с картины Причетникова, В. (1767—1809). Гравюра раскрашена акварелью.

4. План Английского сада кн. А. Куракина в имении «Надеждино». Гравюра резцом и крепкой водкой 1795 г.

5. «Дом Молчанова» в Английском саду «Надеждина». Гравировал резцом и крепкой водкой Иванов, В. (р. в 1773 г.) с картины Причетникова, В. Гравюра раскрашена акварелью.

На соседней стене против окон развешены портреты землевладельцев и виды имений XVIII и XIX вв.

170. Г. А. Мордвинова. Жена Н. С. Мордвинова, крупного помещика, председателя Вольно-Экономического общества (1823—1840), принимавшего участие в суде над декабристами.

171. Е. Р. Дашкова. (?) 1743—1810. Владелица имения „Кирьяново" под Петербургом.

172. Н. П. Толстой. Тверской помещик. Работа крепостного художника.

173. «Вифания» — монастырское поместье. Местожительство митрополита Платона. (1737—1812.) Акварель работы Алексеева, начала XIX в.

174. Дворянин Беклемишев. } Тульские помещики. Ра-
175. Дворянка Беклемишева. } бота Ильи Попова 1803 г.

176. Вид села «Зыбино», имения Ф. А. Колычева в Тверской губ. Масло. Копия 1857 г. с картины конца XVIII в.

177. Портрет неизвестного помещика.

178. А. П. Толстая. Тверская помещица. Работа крепостного художника.

179. «Грулово»—поместье Орловской губ. Литография с рисунка И. Перингера 1819 г.

Витрина № 180:

1. Вид барского дома в Кирианове, имении Е. Р. Дашковой, в окрестностях Петербурга. Гравировал акватинтой К. Майр (1764—1812), приехавший в Россию в 1778 г.

2. Вид села Коломенского с дворцом, построенным Александром I около 1816 года. Акварель второй четверти XIX века.

3. Вид неизвестного поместья с барской усадьбой, церковью и крестьянскими дворами (Братовщина?). Рисунок тушью, второй четверти XIX в.

4. Вид села Коломенского с дворцом, построенным Екатериною II около 1770 года. Акварель начала XIX в. (Бакарева?).

5. План и вид усадьбы «Люблино», выстроенной для помещика А. Дурасова в 1801 году архитектором И. В. Еготовым. Перо с расцветкой, начала XIX в.

Посреди стены висит № 181, большой настенный ковер ручного тканья с изображением окраины Москвы и подмосковного имения (внизу ковра барский дом и

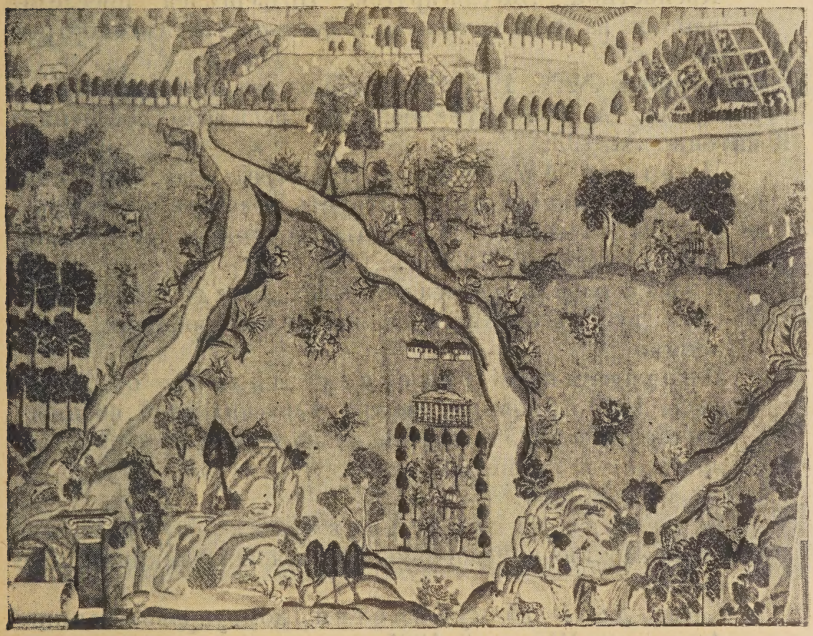
сад). Ковер поступил в Музей из имения Тульской губернии — «Богучарово», сработан крепостными в средине XVIII века.

182. Портрет неизвестного помещика.

183. Е. И. Вяземская. Портрет работы Н. Ипполитова.

184. Н. Е. Струйский. Владелец имения «Рузаево». Работа Рокотова, Ф. Е. (1730—1808).

185. Изображение бытовой сцены: расправа в девичьей.



Ковер с изображением подмосковной (№ 181).

186. Н. Ф. Минкина. 178(?)—1825. Домоуправительница Аракчеева в Грузине, Новгородской губ.

187. Е. А. Аракчеева. 1750—1820. Тверская помещица.

Витрина № 188:

1. Общий вид села Грузина, имения графа А. Аракчеева, Новгородской губ. Акварель и гуашь 1812 г. «Рисовал арміи капитанъ Нееловъ».

2. Вид чугунной решетки на площади «Грузино». Литография 1824 г. Рисовал Семенов, И. Крепостной архитектор гр. Аракчеева.

3. «Вид Грузинской полиции с каланчею». Литография 1824 г. Рис. Семенов, И.

4. Вид неизвестной усадьбы. Гуашь 30 гг. XIX в.

189. Н. Е. Дохтуров. (Портрет писан в 1775 г.)

190. Портрет неизвестного помещика.

191. И. М. Долгорукий. Писатель-поэт. Губернатор Владимирской губ. 1764 — 1827. Копия с Левицкого, Д. Г. (1735 — 1822).

192. Т. Г. Шевченко. 1814 — 1861. Поэт и художник. Крепостной Энгельгардтов. Подвергался преследованиям за политическую деятельность. Автопортрет 1841 г.

В витринах №№ 193, 194, у стены, вещи и документы, касающиеся А. А. Аракчеева и военных поселений.

В витрине № 193:

Портрет Аракчеева (гравюра), его портфель, употреблявшийся им в бытность военным министром в 1808 — 1809 гг., и собственноручное предписание генералу Эйлеру 1823 г.

Карта округов пахотных солдат Новгородской губ. Переписка по делам военных поселений.

Предписание генералу Эйлеру от 27-го июля 1823 г., порядок смотра Александром I военных поселений в 1825 г. и выписка из списка кантонистов, живущих в Рязанской губ.

В витрине № 194:

В центре письмо Аракчеева брату с приписками Настасьи Федоровны Шумской (Минкиной) и ее сына.

Слева: Дело об убийстве домоуправительницы Аракчеева Шумской 1825 г.

Фарфор: тарелки с видами усадьбы Аракчеева Грузина, Новгородской губ. завода Юсупова в Архангельском. Чашки с гербом Аракчеева. Чайник и чашка из военных поселений. Серебряные корзиночки: в них фишки для игры в карты с гербом Аракчеева.

Вне корзиночек — другие фишки с его гербом.

Последний угол зала продолжает иллюстрировать все ту же тему:

195. А. А. Голицына. 1739 — 1816. Калужская помещица. Работа Лампи.

Витрина № 196:

Литографии села Влахернского (Кузьминки), имения кн. Голицыных под Москвою:

1. Главный дом с под'езда.
2. Главный дом с пруда.
3. Церковь, построенная около 1778 г.
3. Конный двор. Постройка Д. Жилярди—сына.

Рисовал И. Н. Раух (р. 1794).

197. М. Н. Голицын. Работа И. Мейлинга.

Угол II зала, посвященный быту помещика.

198. П. И. Шереметева. 1768 — 1803. Урожд. Ковалева или Кузнецова. Крепостная Шереметевых, играла на сцене. Жена Н. П. Шереметева.

199. Лев Голицын. Работа Тропинина, В. (7716 — 1857).

200. Село «Михайловское», Подольской губ. Дом построен в 1794 г., принадлежал Кречетникову, с 60 гг. XIX в. — Шереметеву. Работа С. С. 1822 г.

Посреди зала находится стеклянная витрина № 201, с различной посудой небогатого характера.

Первая сверху полка: стекло для холодных напитков — графины, штофы и рюмки белого и цветного стекла,

бокалы и две кухли. Медная посуда и оловянная посуда для холодных напитков: бокалы, стопа, кубок, чарки, стакан медный,—на нем по венцу три надписи: «Кто чести ищет, честь и получает», «Укрощает ярость», «Мир преодолевает свирепство».

Вторая полка: кувшин, штоф и бутылки зеленого стекла с рисунком, стаканы и кружка; медная посуда для горячих напитков.

Третья полка: стопа в виде сапога, две братины и две шутихи. Медный сбитенник, кофейник и два оловянных кувшинчика. Кружка фаянсовая с тремя птицами и надписью: «1786 году месяца января 13 дня сию кружку писал Никифор семенов сын Гусянников аминь».

На дне витрины: фаянсовая и оловянная столовая посуда.

У стен зала расставлены образцы мебели, бронзы, часов конца XVIII и начала XIX вв., вывезенных из различных имений; большая часть мебели из «Богучарова» Тульской губ., имения средней величины, почему и обстановка его имеет довольно скромный вид. Имение «Богучарово» принадлежало Хомяковым, московский дом которых сохранил свою обстановку почти целиком и ныне обращен в так называемый «Музей 40-х годов» (на Собачьей площадке, близ Арбата). Обстановка московского дома также довольно проста. Мебель, выставленная здесь на выставке, стояла, повидимому, ранее в московском доме, в той зале, где потом была поставлена мебель 60-х годов.

Заканчивается осмотр зала книжною витриной № 202, стоящей посреди зала и посвященной литературе XIX века. Как и витрина 1-го зала, она разбита на две части. В первой части книги церковной печати и старообрядческие, во второй—«гражданская» литература. Первая часть содержит:

Выставленные рукописи и книги расположены по тому же плану, что и в витрине 1-го зала.

Из миниатюры даны следующие образцы:

«Житие Андрея Денисова» с портретом его в иконописном стиле. «Апокалипсис» и «Страсти» в поздней манере, с яркой раскраской. «Повесть о царице и львице» простонародного письма и другая, форматом, текстом и миниатюрами подражающая лубочным гравированным книжкам.

Характерным для поздней старообрядческой письменности является лицевой свиток с миниатюрами к «Слову Палладия мниха».

В орнаменте преобладающим стилем является поморский, сравни Октоих и небольшие Святцы. Все они богато украшены заставками и инициалами в красках, с золотом.

Вторжение западного влияния видно на Ирмологии с большим киноварным инициалом западного типа.

Для образца позднего переплета дана рукопись 1800 г., оклеенная обоями того же времени.

В старообрядческой группе надо отметить статью «О стрелецкой челобитной». «Виноград российский». «Житие» основателя Выговской пустыни Андрея Денисова. «Сборник», списанный начетчицей поморского согласия Е. Г. Брониной. Из книг церковной печати — «Цветник», изданный в тайной не указанной типографии.

В нестарообрядческой группе — «Повесть о царице и львице» и «Слово Палладия мниха». «Страсти».

Во второй части витрины книги гражданской печати XIX века (до 1825 года):

Книги научные. Среди них:

По математике — «Лекции» Рахманова (1810). Показательно, как появление вне-академической науки.

Описание путешествий (кругосветного и в Южный океан).

Книги по общественным наукам: известного продолжателя традиций Радищева, Ивана Пнина «Опыт о просвещении» (книга была запрещена); либерального профессора Куницына, подвергавшегося гонениям со стороны правительства — «Право естественное», «Опыт теории налогов» Н. И. Тургенева, впоследствии декабриста, с его автографом.

Книги по хозяйству и домашнему обиходу (особенно интересен «Прихотник или календарь об'ядения 1809 г.»).

Книги воспитательно-наставительного характера и книги для детей, с картинками в красках.

Изящная словесность. Важнейшие направления александровской эпохи—сантиментализм и романтизм. Первое тесно связано с влиянием Карамзина. Даны образцы подражания к его «Письмам русского путешественника» («Чувствительное путешествие по Невскому Проспекту») и особенно «Бедной Лизе» («Бедная Маша», «Несчастная Маргарита», «Обольщенная Генриетта»)... В поэзии сантиментализм выражается в особой склонности к идиллиям (напр., «Идиллии

Владимира Панаева») и в характерных названиях сборников стихотворений, напр., «Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца» Федора Рындовского.

Враждебным сантиментализму и вообще карамзинскому влиянию является знаменитое «Рассуждение о старом и новом слоге адмирала Шишкова, возбуждавшее шумную полемику. Эпикурейская струя представлена «Анакреонтическими песнями» Державина. Обращает на себя внимание обозначение места издания: не «Петербург», а «Петроград» (это был не единичный случай). Очень заметно эпикурейство и в «опытах» Батюшкова. Из других писателей представлены наиболее прославленные в то время: Жуковский, Крылов, Дмитриев, Озеров. Байронизм представлен переводом «Шильонского Узника», сделанным Жуковским, и байроническими поэмами Пушкина. Пушкин дан в своем первом выступлении в печати («К другу-стихотворцу», «Вестник Европы», 1814 г.) и в отдельних книгах поэта, вышедших до 1825 года.

Наиболее характерные журналы. Среди них редчайший журнал «Аврора» 1806 г. с картинной обложкой.

Интерес к прошлому родной литературы представлен первым изданием «Слова о Полку Игореве» по преданиям, сгоревшим в 1812 г. при пожаре Москвы, и навеянной этим произведением поэмой «Князь Игорь». Журнал «Северная Пчела» раскрыт на том месте, где говорится о восстании 14 декабря.

Книги по истории. Среди них знаменитая «История Государства Российского» Карамзина.

Интерес к народной поэзии представлен «Стихотворениями Кирши Данилова» под редакцией знаменитого археографа К. Ф. Калайдовича (1818). Романы, преимущественно переводные, излюбленное чтение читателей средних слоев и простолюдинов. Здесь же несколько лубочных изданий.

Одна из популярных книг XVIII и первой четверти XIX века энциклопедического характера «Письмовник» Курганова.

За этим залом проход в следующий, посвященный XIX веку, ведет мимо комнаты III, в которой выставлены предметы обстановки небогатого мещанина начала XIX века.

Мещанская обстановка начала XIX в.

Третий зал

Между II и IV залами небольшое помещение занято выставкой мебели и утвари, бытовавших в мещанской среде северной области в начале XIX века. Недостаточная изученность бытовых явлений не позволила восстановить с достаточной полнотой и точностью обстановку комнаты и потому на этот уголок необходимо смотреть лишь, как на собрание предметов, применявшихся в мещанском быту, но собрание еще не полное. Архитектура Музея, неприспособленная для такого рода выставок, вынудила устроителей выставки соорудить подобие футляра, если и не передающего точно характер комнаты в небольшом домике (чего не имелось в виду), то все же более подходящего к характеру выставленных предметов. Расстановка предметов также не претендует на документальное восстановление вида комнаты. В этом углу собран лишь материал для выяснения возможности восстановления отдельных «ансамблей», материал, требующий и пополнения и дальнейшей разработки.

В комнате выставлены:

203. Шкаф-бюро, деревянный, расписанный масляными красками, с откидной доской в средине и стеклянными дверцами в верхней части, бытовал на севере в крестьянской и мещанской среде в начале XIX века.
204. Шкаф-бюро, деревянный, расписанный масляными красками с откидной доской в средине.
205. Скамья деревянная, березового дерева, окрашена черным, работы уральского ремесленника для себя.
206. Стол корельской березы, овальный, на одной ножке, уральской работы, бытовал в мещанской городской среде.
207. Футляр для часов, стоячий деревянный, раскрашенный, подражающий английским, очень грубой

работы, с росписью, уральская работа начала XIX в., бытовал в мещанской городской среде.

208. Стул деревянный и кресло деревянное, бытовали на севере в крестьянской и мещанской среде.

209. Столик угловой деревянный, окрашен под красное дерево с резною фигурой.

210. Рама для зеркала деревянная, раскрашенная, конца XVIII века.

В углу на столике игрушка «бал», бытовала на Урале в небогатой купеческой семье.

На подоконниках горшки цветочные фаянсовые, начала XIX века.

На столе настелена скатерть ситцевая, набивная, у скамьи стоит укладка, окованная железом.

Против зеркала, на стене, портрет девушки, мещанки, работы одного из бесчисленных безвестных самоучек.

211. В Красном углу киот с несколькими иконами, крестьянский, расписной.

Рядом лубочные картинки с изображениями: казнь лихоимцев в аду; птица Сирин; генерал Иловайский; взятие Варшавы; портрет Константина Павловича.

У стены против окна, вне комнаты, на столике красного дерева, стоят часы английского типа, раб. русского мастера с надписью: Spiridon Suworkin a Astrachan № 27.

На этой же стене расположены, в качестве вспомогательного материала, диаграммы, характеризующие основные элементы хозяйства и общественного строя эпохи крепостного права.

XIX век

Четвертый зал

Как и первый зал, посвященный второй половине XVIII в., этот зал своими экспонатами стремится иллюстрировать быт городских обитателей разных слоев: купечества, интеллигенции, двора.

Начинать обзор зала лучше всего, повернув от входа направо. Здесь портреты, развешенные на стене зала до угла и витрины подле нее характеризуют костюм с начала века до тридцатых его годов. На стене находятся:

214. Портрет неизвестной (1807 г.).
215. Уварова, Е. А. (мода 1808 г.).
216. Миркович, Е. А. Работа Боровиковского (1808 г.).
217. Трубецкая, С. Б. Работа Ризенер (1810 г.).
218. Портрет неизвестной (1818—1819 гг.).
219. Портрет неизвестного 20 гг. XIX в.).
220. Вяземская. Работа Лагренэ мл. (20 гг. XIX в.).
221. Портрет неизвестной (20 гг. XIX в.).
222. Портрет неизвестной (30 гг. XIX в.).
223. Портрет неизвестной (30 гг. XIX в.).

В настенной витрине № 224 выставлены женские и мужские костюмы исключительно в гравированных раскрашенных картинках из модных журналов того времени (с 1800 по 1826 год).

Внизу, у стены, три витрины, №№ 225, 226, 227, заключают в себе различные принадлежности женского туалета (за исключением трех-четырех вещей мужского обихода); в витрине № 225 выставлены: перчатки (лайковые, датированные 1838 г.); митенки из шелкового трикотажа русской работы с клеймом фабрики «Ф. Ш.»; подвязки, вышитые шелками по атласу; наколка на голову (кружево Дюшес); носовые платки: вышитый гладью и кружевной; воротничек, сработанный русской кружевницей, крепостной крестьянкою Смоленской губ.

В следующей витрине, № 226, находятся различные принадлежности туалета:

браслеты, медальоны, кольца, броши и пр. из низкопробного золота, серебра, полудрагоценных камней и цветного стекла.

В центре расположены медальоны и броши. Среди них особенно интересен медальон с волосами. На опаловом стекле из отдельных прядок волос выложен замысловатый узор, оживленный тонкими золотыми колосьями.

Украшения из волос вообще были в большой моде в первую половину XIX в. Как показывают выставленные в витрине предметы, волоса вставляли в броши, застежки, кольца и, кроме того, из них плели цепочки, браслеты и серьги; часто вензель из волос вкладывался в медальон с портретом дорогого человека. В большой моде были также камеи и геммы. В витрине имеются составленные из них браслеты, несколько булавок для галстуков, броши, кольца, медальон с камеей. К числу очень распространенных украшений принадлежат серьги. Выставлены наиболее типичные формы: корзиночки с цветами, лира, веточки цветов, серьги с подвесками. Материалом служат полудрагоценные камни, янтарь, мелкий жемчуг, эмаль, мозаика и пр.

В витрине № 227 представлены украшения для прически: головные гребни, диадемы, пряжки, ободок.

Наиболее интересен большой черепаховый гребень, тонкой резьбы, французской работы и замысловатый бант, также резной из черепахи. Кроме черепахи, употреблялся для гребней рог и кость. Иногда диадемы и гребни украшались вставками из горного хрусталя и граненого цветного стекла.

В высокой стеклянной витрине № 228, среди зала, выставлены костюмы:

1. Манто (салоп) из полосатого, черного с зеленым шелка. Пелерина обшита бахромой. Начало 30-х гг. XIX в.

2. Редингот черного сукна. 30-е годы XIX в.

3. Шаль, т. н. «колокольцовская», сотканная из цветных шерстей, с богатым цветочным узором. В одном из углов шали изображение двуглавого орла с инициалами фабриканта «Н. М.».

4. Платье кисейное, вышитое гладью. 1800-е годы.

5. Мундир генерал-фельдмаршала. Форма Семеновского полка. 20 — 30-е годы XIX в.

Внизу витрины разложены:

6. Жилет из белого репса. Вдоль борта, на воротнике и у карманов вытканы золотые ветки с цветами. 20 — 30-е годы XIX в.

7. Жилет бархатный, вишневого цвета, затканный мелкими светло-лиловыми цветочками. 30-е годы XIX в.

8. Туфли дамские из светло-коричневой тафты. Первая четверть XIX в.

9. Туфли дамские, из красного атласа. Внутри печатный ярлык фирмы Бруно в С.-Петербурге. Первая четверть XIX в.

10. Туфли дамские из розового атласа, отделанные кожей и шелковой вышивкой. 1800-е годы.

11. Полусапожки мужские, домашние, из темно-зеленого бархата, вышитые золотом. Первая четверть XIX в.

12. Цилиндр, плетеный из двуцветной соломки; к нему кожаный футляр, с наклеенным подорожным ярлыком. 30-е годы XIX в.

Соседняя часть зала до поперечной ширмы посвящена изображению купеческого быта и городской жизни. На стене развешены:

229. Катанье с гор на Неве, в Петербурге.

230. Вид г. Великого Устюга в начале XIX в.

231. Вид на острова с Каменноостровского моста, в Петербурге. Копия с картины Галактионова.

232. Вид Московской улицы.

233. Набережная Москвы-реки.

234. Закладка Москворецкого моста. Работа глухонемого художника акварелиста Гампельна (1830 г.).

235. Купец Образцов. Копия с портрета работы Венецианова, А. Г. (1780—1847).

236. Портрет купца.

237. Портрет купца.

238. Портрет купчихи.

239. «В трактире».

240. Злобин, В. А. 1761 — 1814. Последний «именитый человек». Основатель гор. Вольска.

241. Боткин, П. К. 1781—1853. Из Торопецких посадских людей 1791 г. Основатель чайной фирмы.

242. «В трактире».
243. Блохин, Г. М. Ктитор Кремлевского Архангельского Собора.
244. Портрет купчихи.
245. Хлудов, И. И. Ум. в 1835 г. Из рода Хлудовых, вышедший из экономич. крестьян Рязанской губ. Работа художника Н. Мыльникова (1833 г.).
246. Дворникова, А. В. Жена придворного поставщика жемчуга. Работа Н. Г. Дурнова (1829 г.).
247. Крюков, И. И.
248. Плешанов, М. М. Ростовский купец. Дядя художника.
249. Хлудова (рожд. Щекина). Ум. в 1838 г. Жена И. И. Хлудова. Работа художника Н. Мыльникова (1833 г.).

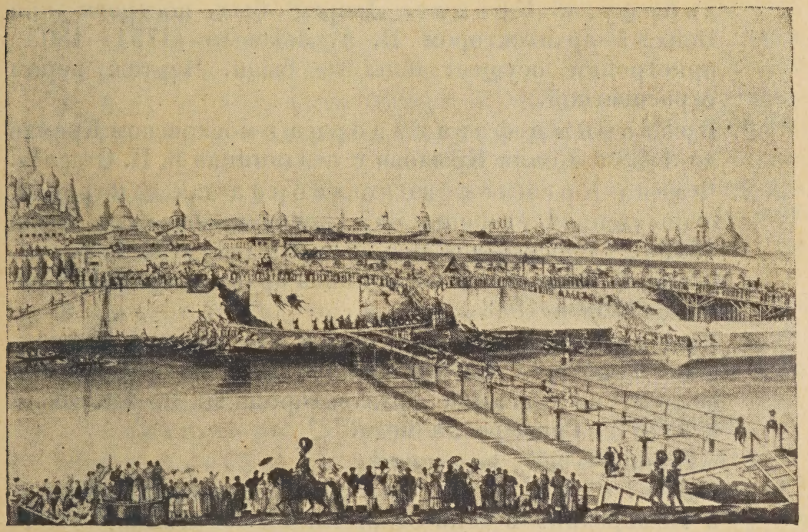
В настенной витрине № 250 виды Москвы:

1. Вид Воскресенских ворот с севера, здания быв. Земского приказа, Собакиной башни и площади перед ними, с бытовыми сценами на улице. Рисунок пером с расцветкой Цеттер (1821 г.).
2. Гулянье под Новинским, в Москве. Акварель 1840-х гг.
3. Военный госпиталь в Москве, построенный архитектором И. В. Еготовым в 1801 году. Гравюра на меди Д. Аркадьева.
4. Вид улицы Воздвиженки в Москве со зданием бывшей Казенной палаты. Акварель Садовникова.
5. Больница для бедных, бывшая Мариинская, ныне имени Ф. М. Достоевского, построенная архитектором Д. Жилярди (отцом) в 1805 г. Гравюра Галактионова.
6. Фасад Странноприимного дома гр. Шереметева, ныне Больницы имени Склифосовского. Здание строилось в 1803 — 1810 годах, архитекторами были Е. Назаров и Гваренги. Гравюра на меди.
7. Западный фасад Кремлевского дворца, построенного архитектором В. П. Стасовым. Литография 1825 г., по рисунку Кадолль (1782 — 1849).

Витрины, стоящие вдоль стены, делятся на две группы: направо две витрины, №№ 251, 252, заключают в себе образцы мелких предметов личного обихода: кошельки, коробки, игольнички из кости, зеркало, разная мелочь из бисера, бювары, очки и т. п. Налево в двух витринах,

№ № 253, 254, разложены различные документы по торговым делам и вообще предметы из купеческого обихода:

Ведомости о составе купечества в Казани 1823 г.
Источники городских доходов.
Квитанция 1825 г. об уплате подушных денег мещанином.
Ассигнации. 1806 и 1830 гг.
Лист на занесение А. Ф. Бахрушина в Московскую обывательскую книгу 1823 г.
Об'явления и прейс-куранты.



Закладка Москворецкого Моста (№ 234).

Образцы заграничных сукон.
Весы-безмен с гирями.
Портрет купца на шелковой ткани.
Рисунок, изображающий сцену из купеческого быта.
Брюсов календарь и лубочные книги.
Карты игральные и гадательные.
Пригласительные билеты на разные случаи.
Духовное завещание. 1805 г.
Ревизские ведомости. 1811—1812 гг.

Далее находится ширма из двух щитов, №№ 255, 256, с витриной № 257. На щите № 255 изображения типов уличной городской жизни в гравюрах русской работы 1828 г. (3 гравюры побольше) и приезжего немецкого художника и гравера Х. Г. Гейсслера (4 гравюры меньшего размера). Внизу рисунок художника Зеленцова, К. А. (1790—1845)—«Предполагаемая поездка в Кронштадт» и рисунок неизвестного мастера «Мещанская Пирушка»

На щите № 256:

1. План и фасад проектированных пристроек ко дворцу в Кремле. Дворец был построен при Павле I архитектором Н. А. Львовым (1751—1803), пристройки осуществлены не были. Чертеж пером с расцветкой.

2. Восточный фасад дворца в московском Кремле до 1838 г. Копия Крылова с подлинника В. П. Стасова.

3. Фасад Кремлевского дворца для надстройки, с полуденной стороны. Надстройка произведена после 1812 г., существовала до постройки дворца К. А. Тоном. Копия П. Баскакова с подлинника архитектора В.П. Стасова (1769 — 1848).

4. Вид кремлевских зданий при в'езде в Никольские ворота, с изображением прежней Оружейной палаты, построенной архитектором И. В. Еготовым в 1810 г. Гравюра на меди.

В витрине № 257, под щитом:

Об'явление о постановке оратории «Минин и Пожарский» в день открытия им памятника, 1818 г.

Приглашение кн. Варшавского на бал по случаю тезоименитства гос. императора, 1832 г.

Ноты: «Прогулка на Пресненские пруды», посв. имп. Елизавете Алексеевне.

Об'явление о травле зверей, имеющей быть за Тверской заставой, 1833 г.

Об'явление о большом гуляньи в Нескучном саду.

Свидетельство кавалерского карусельного собрания, данное гр. Апраксину на получение приза, 1811 г.

Об'явление московск. обер-полицмейстера о народном гуляньи в случае теплой погоды, 1826 г.

Об'явление итальянской труппы о представлении в Нескучном саду 20 — 30 гг. XIX в.

С другой стороны ширмы, на щите № 258,—изображения городской уличной жизни в гравюрах Аткинсона, Гейслера и неизвестного русского гравера.

На щите № 259 представлены несколько провинциальных городов:

1. Общий вид г. Одессы. «Рисовал Унтер-Лейтенант Иван Леонтьев». Акварель 1808 г.
2. Общий вид г. Данилова, Ярославской губ. Акварель.
3. Базар в г. Нерчинске, Забайкальской области. Акватинта с подцветом акварелью. Гравировал Адам и Грос по рисунку Е. Карнеева (1780 — после 1839).
4. Вид г. Казани. Офорт с подцветом акварелью. Рисовал и гравировал Мартынов, А. (?) (1768—1826).
5. Вид г. Смоленска. Акватинта с подцветом акварелью. 1814 г. Работа Джонстон ,Р. английский путешественник по России в 1814 г., издававший в Лондоне с своих рисунков гравированные виды России.

В витрине № 260, под щитом, документы из дворянского обихода:

Сговорная 1790 г. Екат. Александровны Римской-Корсаковой.

Завещание 1797 г. Степ. Федор. Стрекалова.

Свидетельство Нижегородского гражданского губернатора, данное бар. Юлии Голк в том, что она по своей воле вступает в брак и ни с кем другим обручена не была, 1821 г.

Счет парикмахера кн. Куракину за бритье.

4 альбома со стихами и рисунками.

Игральные карты, фишки, щетки, разные игры.

Членский билет в Английский Клуб на 1829 год.

Об'явление о помолвке 1822 г.

Об'явление о похоронах 1831 г.

В витрине № 261 — образцы городских построек:

1. Вид казармы Белозерского полка в Петербурге. Постройка архитектора Руска, Л., итальянца (1758 — 1822). Офорт с раскраской акварелью. 1805 — 06 г. Гравировал Тьерри, Ж., французский архитектор и гравер (р. в 1787).

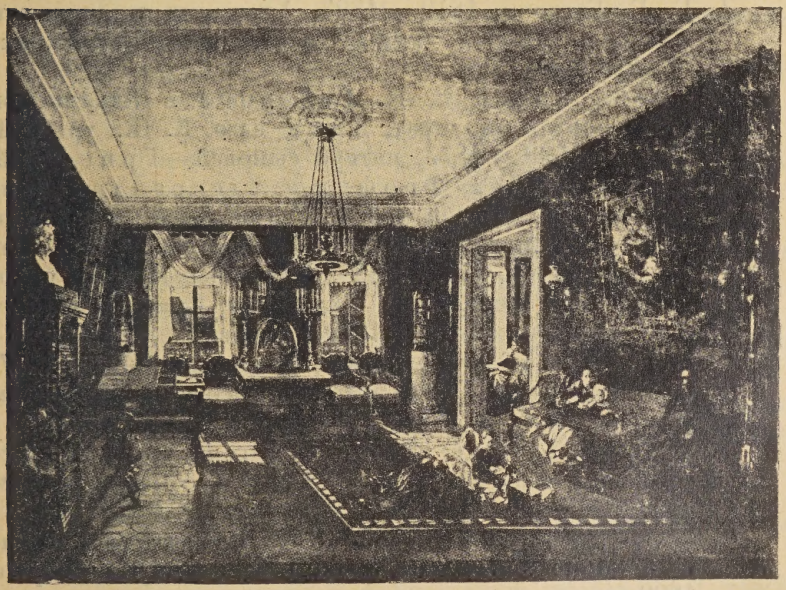
2. Вид здания класса животных в саду Академии Художеств в Петербурге. Строитель (1805) архитектор Михайлов 2-й (1771 — 1849). Акварель.
3. Чертеж фасадов двухэтажного особняка с бельведером. Исполнено пером с акварелью.
4. Чертеж одноэтажного особняка. Исполнено пером с тушевкой и раскраской акварелью. 1813 г.
5. Чертеж дома барона Строганова. Архитектор Тома де-Томон, француз (1754—1813). Исполнено пером с акварелью. 1803 г.
6. Чертеж одноэтажного особняка с мезонином. Исполнено пером с раскраской акварелью. 1800 г.

Продолжение стены против окон дает ряд портретов деятелей просвещения:

262. Селивановский, С. А. Ум. 1835 г. Типограф, издатель Энциклопедического Словаря. Был близок к декабристам.
263. Карамзин, Н. М. 1766—1826. Литератор и автор «Истории Государства Российской». Копия с Аргунова.
264. Батюшков, К. Н. 1787 — 1855. Поэт.
265. Чаадаев, П. Я. 1793 — 1856. Автор «Философских писем» и «Апологии сумасшедшего».
266. Семья Нащекина, П. В. Работа Подключникова.
267. Челищев (?)
268. Каразин, В. Н. 1773 — 1842. Основатель Харьковского Университета. В 1820 г. был заключен в Шлиссельбургскую тюрьму.
269. Бакарев, В. А. 1800—1872. Московский архитектор. Автор любопытных неизданных записок.
270. Барышников, А. П. Крупный помещик Тамбовской губ. Работа Тропинина, В. А. (1776 — 1857).
271. Оленин, А. Н. 1763 — 1843. В 1817 г. Президент Академии Художеств. Директор Публичной Библиотеки.
272. Шереметев, Н. П. 1751 — 1809. Обер-Камергер Павла I и Александра I. Основал Шереметевскую больницу в Москве. Владелец крепостного театра. Был женат на своей крепостной артистке П. И. Ковалевой («Параше»). Работа Боровиковского, В. Л. (1757—1825).
273. Комната в квартире Нащокиных, у которых в гостях бывали Пушкин, Гоголь и другие литераторы. Копия с Подключникова.

В висячей витрине № 274, на этой стене ,виды просветительных учреждений:

1. Вид Синодальной типографии на Никольской в Москве. Здание построено в 1814—1817 годах архитекторами Мироновским и Бакаревым. Гравюра подцвеченная.
2. Вид Казанского Университета. Строитель университета (1825) архитектор Пятницкий, П. (р. 1788 г.), ученик Петербургской Академии Художеств. Литография 1834 г. по рисунку В. Турина.



Комната в квартире Нащокиных (№ 273).

3. Вид армянской гимназии (б. Лазаревский Институт Восточных Языков, в Москве, в Армянском переулке). Гравировал Алексей Флеров.
4. Вид Петровского театра в Москве. Театр построен архитектором И. Бове по проекту А. А. Михайлова 2-го, открыт 6 января 1825 года. Литография 1827 г. Резал на камне И. И. Жерень, учитель рисования в Москве, по рисунку Н. Чичагова.

5. Летний театр в Петровском парке, в Москве. Литография Виктор.
6. Вид Александринского театра и Публичной Библиотеки в Петербурге. Строительтеатра (1827—32) и Публичной Библиотеки (1828 — 32) архитектор Росси, К. (1775—1849). Литография карандашом 1835 г. Работа Иванова, П., рисовальщика на камне и гравера в военной типографии при Николае I, по рисунку Садовникова, В.

Внизу в небольшой витрине № 275, у стены: акварельные портреты русских деятелей XIX в.:

1. Г. Г. Гагарин. 1810 — 1893. Художник и дипломат. Акварель 1830-х годов, неизвестного художника (К. Брюлов?).
2. Семья князя Г. И. Гагарина в Италии: он сам — поэт и дипломат, жена его Е. П., ур. Соймонова 1790 — 1873, пятеро сыновей — Григорий, Евгений, Лев, Феофил и Александр, из них рисующий — старший сын, Г. Г. (см. выше), и гувернантка. Акварель Г. Г. Гагарина 1820-х гг.
3. П. А. Кикин. 1772—1834. Известный генерал, основатель О-ва Поощрения Художеств. Гуашь неизвестного русского мастера 1810-х годов.
4. Г. И. Гагарин, поэт и дипломат. 1782—1837. Отец художника Г. Г. Гагарина. Рисовал итальянским карандашом О. К. 1813 г. (Орест Кипренский).
5. И. К. Кайданов. Ум. в 1843 г. Педагог, профессор Царскосельского Лицея. Автор учебников по всеобщей истории. Акварель Фридриц. 1836 г.
6. И. И. Дмитриев. 1760—1837. Баснописец и сатирик, министр юстиции. Сепия с белилами Ив. Жерен. 1800-х годов.

Продолжение этой же группы в портретах, помещенных на щитах №№ 276, 277, 278 левой ширмы у среднего окна зала.

На щите № 276 портреты художников и меценатов:

1. Разумовский, А. К. 1747—1822. Куратор Московского Университета и министр народного просвещения. Гравирован пунктиром и резцом.
2. Мария Федоровна, мать Александра I. 1759—1828. Художница. Гравировал Клаубер (1796—1817) с оригинала Кюгельхен (1772—1820).
3. Свиньин, П. П. 1787—1839. Живописец, рисовальщик и коллекционер.

4. Толстой, Ф. П. 1783—1873. Художник. Гравировал на стали Райт (1792 — 1849) с автопортрета работы Толстого.
5. Оленин, А. Н. 1763 — 1843. Покровитель искусств, президент Академии Художеств. Рисунок итальянским карандашом.
6. Кюнель. 1766—1820. Немецкий художник, работал в Москве с 1800 г. Гравировал пунктиром Осипов, А. А. (1770—1850) с автопортрета работы Кюнеля.
7. Гр. Толстой Ф. А. 1758—1849. Покровитель искусств. Гравировал Флоров, А. А. (1788 — 1830) с оригинала Кюнеля (1766 — 1820).
8. Карабанов, П. Ф. 1767—1851. Коллекционер. Гравюра пунктиром, раскрашенная акварелью. Осипов, А. А. (1770—1850) с оригинала Тончи (1756—1844).
9. Варнек, А. Г. 1782 — 1843. Портретист. Гравировал пунктиром Гейтман, Е. (1798 — 1862) с автопортрета Варнек.
10. Бекетов, П. П. 1761 — 1836. Покровитель искусств. Гравировал пунктиром Осипов, А. А. (1770 — 1850) с оригинала Кюнеля.
11. Мартос, И. П. 1752—1835. Скульптор. Рисунок карандашом Варнек (?).
12. Афанасьев, К. Я. 1793 — 1857. Гравер. Гравировал пунктиром Константинов, П. К. (1830 — 1890) с автопортрета Афанасьева.

Рядом, на щите № 277, писатели и поэты:

1. Долгорукий, И. М., кн., 1764—1823. Поэт и писатель. Гравировал Флоров, А. А.
2. Булгарин, Ф. В. 1789 — 1859. Литератор. Гравюра резцом и пунктиром.
3. Греч, Н. И. 1787—1867. Литератор. Гравюра на стали.
4. Мерзляков, А. Ф. 1778—1830. Писатель, славянофил. Гравировал Афанасьев, К. Я. (1793 — 1857).
5. Иванов, Ф. Ф. 1777 — 1816. Драматический писатель. Гравировал Флоров, А. А.
6. Грибоедов, А. С. 1795—1829. Писатель, автор «Горе от ума». Гравировал Уткин, Н. И. (1780 — 1863).
7. Шишков, А. С. 1754—1840. Литератор, славянофил. Гравировал Степанов, И. с рисунка Эстеррейха, иностранного рисовальщика, работавшего в России в первой четверти XIX в.

8. Вяземский, П. А., кн., 1792—1878. Писатель, поэт и критик. Гравировал Афанасьев, К. Я.

9. Карамзин, Н. М. 1766—1826. Историк и писатель. Гравировал Уткин, Н. И. с рисунка Варнека, А. Г. (1782—1843).

10. Давыдов, Денис. 1784—1839. Поэт и писатель. Гравюра пунктиром.

11. Батюшков, К. Н. 1787—1855. Поэт. Гравировал Ческий, И. В. (1777—1848) с оригинала Кипренского, О. А. (1783—1836).

12. Жуковский, В. А. 1783—1852. Поэт-романтик. Гравировал Флоров, А. А. с рисунка Соколова, П. Ф. (1787—1848).

13. Пушкин и Онегин на набережной Невы, против крепости. Гравюра пунктиром и иглой. Гейтман, Е. (1798—1862) с рисунка Нотбека, А. В. (1812—1866).

14. Пушкин, А. С. 1799—1837. Гравировал пунктиром и карандашной манерой Гейтман, Е. с рисунка Чирикова (?), С. Г. (1776—1862).

15. Баратынский, Е. А. 1800—1844. Поэт. Гравировал Скотников, Е. О. (1788—1843) с оригинала Брюллова, К. П. (1799—1852).

16. Озеров, В. А. 1770—1816. Драматический писатель. Гравировал Петров, А. с рисунка Эстеррейха, иностранного рисовальщика, работавшего в России в первой четверти XIX в.

17. Крылов перед Павловским дворцом. Гравировал Ческий, И. В. с оригинала Иванова, И. А. (1780—1842).

18. Крылов, И. А. 1768—1844. Баснописец. Гравировал Фридриц (род. 1803) с оригинала Оленина, А. П.

19. Жуковский у окна, любуется видом Женевского озера и Альп. Гравировал Уткин, Н. И. с рисунка Рейтерн, Г. Х. (1791—1865).

20. Козлов, И. И. 1779—1840. Поэт. Гравировал с собственного рисунка Афанасьев, К. Я. (1793—1857).

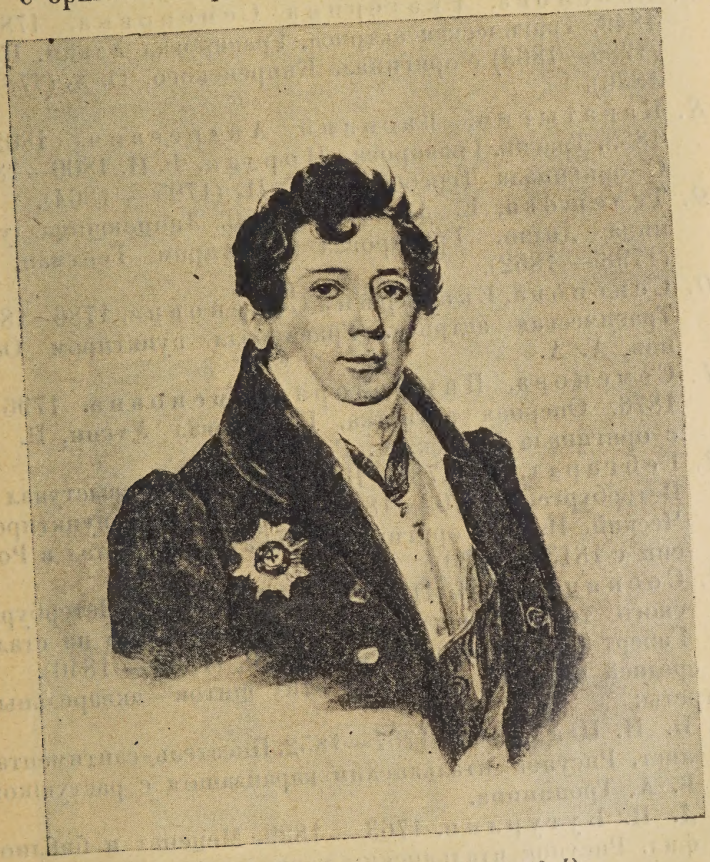
На щите у окна, № 278, портреты музыкантов и артистов:

1. Буальдие, Ф. А. 1775—1834. Французский оперный композитор, служивший в Петербурге директором императорской капеллы с 1803—1810 г.

2. Виельгорский, М. Ю., гр., 1788—1856. Виолончелист и композитор. Гравировал пунктиром и карандашной

манерой Райт (1792 — 1849) с оригинала Крюгера (1797 — 1857).

3. Фильд, 1783 — 1837. Пианист, род. в Англии, концертировал в России с перерывами с 1804 г. до смерти. Гравировал карандашной манерой Янов, Г. Г. (ум. 1840) с оригинала Ерхен.



А. И. Тургенев (Витрина 279 № 4).

4. Марс. 1799—1847. Знаменитая французская актриса, гастролировавшая в России в первой четверти XIX в. Гравировали пунктиром с подготовкой крепкой водкой Штэбер и Эйсснер с оригинала французского художника-революционера Давида (1748 — 1826).

5. Бортнянский, Д. С. 1751—1825. Композитор духовной музыки. Гравюра пунктиром.
6. Каталани. 1779 — 1849. Знаменитая итальянская певица; выступала в России с 1823 — 1826. Гравировал на стали Мецерод с оригинала Зингри (1782 — 1824).
7. Семенова, Екатерина Семеновна. 1786 — 1849. Трагическая актриса. Гравировал Уткин, Н. И. (1780—1863) с оригинала Кипренского, О. А. (1783 — 1836).
8. Каратыгин, Василий Андреевич. 1802 — 1853. Трагик. Гравировал Иордан, Ф. И. 1800—1883. С оригинала Теребенева, М. И. (1795 — 1864).
9. Телешова, Е. А. 1805 — 1850. Танцовщица, ученица Дидло. Гравировал пунктиром Гейтман, Е. (1798 — 1862).
10. Семенова, Екатерина Семеновна. 1786—1849. Трагическая актриса. Гравировал пунктиром Осипов, А. А.
11. Семенова, Нимфодора Семеновна. 1796 — 1876. Оперная артистка. Гравировал Уткин, Н. И. с оригинала Варнек, А. Г.
12. Гебгардт, р. 1781. Немецкий актер, выступал в Петербурге с 1810 — 1820 г. Гравировал пунктиром Ческий, И. В. с оригинала Ромбауера (работал в России с 1813 — 1820).
13. Сосницкий, И. И. 1794 — 1872. Актер Петербургского театра, трагик и комик. Гравировал на стали Гоберт с оригинала Алексеева, Ф. (1800 — 1840).

В средней витрине, № 279, у этих щитов — акварельные портреты:

1. П. И. Шаликов. 1767—1852. Писатель-сантименталист. Рисунок итальянским карандашом с растушкой В. А. Тропинина.
2. Д. П. Бутурлин. 1763 — 1829. Меценат и библиофил. Рисунок итальянским карандашом неизвестного русского художника 1810-х годов.
3. Карл Леберехт. 1755 — 1827. Немецкий медальер и гравер на камнях, работал в России. Эскиз к портрету итальянским карандашом В. А. Тропинина.
4. А. И. Тургенев. 1785 — 1846. Общественный деятель, председатель Библейского Общества. Акварель П. Ф. Соколова.

5. А. А. Погорельский (Перовский). 1787 — 1836. Писатель. Акварель А. Рокштуль — сына.

6. А. Е. Егоров. 1776 — 1851. Академик исторической живописи. Рисунок свинцовым карандашом.

Угол зала XIX в., посвященный масонам.

7. А. И. Хмельницкий. 1783 — 1845. Водевилист, переводчик Мольера, административный деятель. Акварель П. Ф. Соколова. 1827.

В витринах № № 280, 281, по сторонам предыдущей, портреты силуэтом и миниатюрою; мода на них в начале XIX века еще держится, но понемногу начинает уступать место более крупному акварельному портрету, который в середине XIX века пользуется наибольшим распространением, с тем, чтобы уступить дагерротипу и, наконец, фотографии. Как и в первом зале, подбор изображений сделан не столько с целью дать портреты известных лиц, сколько для того, чтобы иллюстрировать костюмы, прически того времени и, наконец, самую технику изображения.

На обороте этой ширмы весь угол зала посвящен иллюстрации быта русских масонских лож как XVIII, так и XIX века [1]).

На стене:

282. Масонский ковер 2-степени Иоанновского массонства.
283. Гагарин, И. С. 1754 — 1810. Масон, член «Дружеского ученого общества» в Москве, открытого розенкрейцерами. Работа Сальватора Тончи.
284. Лабзин, А. Ф. 1766 — 1825. Поэт, писатель мистических и масонских книг и журнала. Сионский вестник. Учредитель и руководитель розенкрейцерской ложи «Умирающий Сфинкс» в Петербурге. В 1818 г. назначен Вице-президентом Академии Художеств. Окончил жизнь в ссылке в Симбирске. Копия с Боровиковского.
285. Масонский ковер 4-й степени, т. н. шотландского масонства.
286. Новиков, Н. И. 1744 — 1818. Писатель-публицист. Издавал «Московские Ведомости» и другие журналы, сатирические и нравственно-религиозные, масонские, мистические, научные учебные книги. Член Московского розенкрейцерского кружка. Организовал помощь голодающим в 1787 г. В 1792 г. был заключен в Шлиссельбургскую крепость. Копия с Левицкого.
287. Жигарев, В. А. Купец-масон. Работа Антона Клаудо.
288. Павел I. 1754 — 1801. Великий магистр Мальтийского ордена. С Боровиковского.
289. Масонская аллегория.

---

[1]) Хронологическое исключение для предметов XVIII века в этой зале допущено с целью не разрозпивать цельного впечатления.

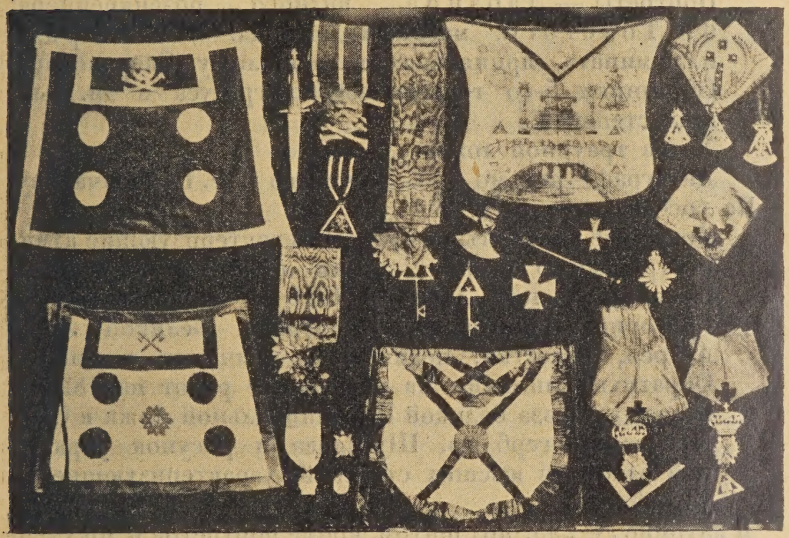
В висячих витринах №№ 290, 291 той же стены предметы обрядового характера разных масонских лож, работавших в России, разных степеней посвящения:

Символическое (Иоанновское) масонство первых 3-х степеней.

Запоны 3-й мастерской степени (белый с голубыми розетками) и Великого Мастера.

Украшения степеней и знаки должностных лиц.

Слева и в середине украшения и запоны шведской системы масонства.



Предметы масонского обихода (Витрина 291).

Справа вверху украшения и запон 7-й степени французской системы.

Справа внизу знаки должностных лиц, т. н. шотландских лож.

Напротив стены находится ширма из трех щитов с тремя витринами. Здесь расположен графический и документальный материал из жизни масонов. Начиная от окна, на щите № 292 расположены шесть гравюр, изданных в Англии и Франции (из них пять раскрашенных).

1. Ритор вводит кандидата.

2. Кандидат приносит присягу. 4 изображают прием в 3-ю степень (мастера).
3. Ритор вводит принимаемого.
4. Принимаемого кладут на ковер.
5. Он лежит на ковре, покрытый «окровавленной» тканью.
6. Его поднимают с ковра.
7, 8. Масонские дипломы на степень мастера 1791 и 1820 гг.

В витрине № 293, под ними, портреты деятелей массонства и документы, среди последних особенно интересны: гимны ложи «Соединенных друзей» и переписка лож в 1821 году. Кроме них, в витрине находятся:

Портреты — Лабзина, видного розенкрейцера; Ф. Толстого, масона-художника: Фесслера — иллюмината, принявшего в свою ложу Сперанского.

Обрядники 5-го теоретического градуса и др. высших степеней.

Устав траурной ложи.

Автограф—письмо С. С. Ланского к Ф. П. Ключарову.

На соседнем щите № 294:

Печатные документы и бланки, характеризующие административную сторону жизни лож: Бланки Великой Провинциальной Ложи в СПБ с автографом гр. Григория Чернышева, Циркуляры Великой Ложи Астреи, повестки, подписка о молчании и анкета.

Обратить внимание на расписание работ на 1821 г. в ложах Союза Великой Провинциальной Ложи в СПБ.

Масонский герб гр. Шувалова и рисунок украшений одной из высших степеней, характеризующие их устройство.

В витрине № 295, под щитом, кроме портретов и документов, помещены образцы обличительной литературы, направленной против масонства. Интересен, как пример недоброжелательного отношения к масонам, документ подписки, взятой от служащих Публичной Библиотеки о непринадлежности их к масонству. Кроме того, в витрине находятся:

Портреты И. П. Елагина, гроссмейстера лож английской системы в России конца XVIII в.; гр. Р. А. Воронцова, видного политического деятеля; кн. А. Б. Куракина, основателя Шведской системы в России.

Книги и рукописи масонские и обличительные.

Последний щит, № 296, дает образцы символической графики, печатавшейся за границей, в России же часто в виду

трудности получения заграничных изданий чертежи и рисунки копировались от руки:

Два розенкрейцерских чертежа печатных немецкой работы и русская копия с одного из них, исполненная и раскрашенная акварелью от руки.

Масонская аллегорическая картина «храм природы и благодати»

Смерть О. А. Поздеева, видного московского розенкрейцера конца XVIII и начала XIX в., рисунок акварелью (одним тоном) неизвестного автора.

Витрина № 297, под ним, по своему содержанию лишь косвенно относится к масонству и характеризует главным образом просветительную деятельность Н. И. Новикова (1744 — 1818):

Миниатюры: Н. И. Новиков, его друг С. И. Гамалея и гр. З. Г. Чернышев, московский главнокомандующий, покровитель масонов.

Портреты Новикова и Гамалея, находившиеся в усадьбе Новикова, селе Авдотьино.

Рукопись, переписанная Новиковым после освобождения его из крепости.

Акварельный портрет Павла I, в одежде гроссмейстера мальтийского ордена (Новиков пострадал главным образом за сношения с Павлом).

Миниатюрный портрет Павла I.

Книги, принадлежавшие Новикову, с его автографами.

Книги, характеризующие его издательскую деятельность.

Слева опись книг Университетской книжной лавки, переданных Новикову, и опись инвентаря типографии Московского Университета, переданного Новиковым его приемнику.

Наконец, в небольшой витрине № 298, стоящей напротив, в углублении стены, собраны отдельные предметы из обихода лож и частной жизни масонов:

12 знаков лож, оттиски печатей лож, предметы ритуала: 2 стеклянных кубка с резными символами, мраморный гробик, кинжал. Предметы, отражающие влияния масонства: икона, с изображением ключа разума и 2-х столпов, перстень и перстень-печать, 3 печати, 4 табакерки из финифти, золота и дерева, фарфоровая трубка, дверная бронзовая ручка, пресс из бронзы и малахита.

Над витриной на стене находятся:

Так называемый «Ментo мори» (Помни о смерти) — череп и две скрещенные кости на черном деревянном треугольнике.

Пять масонских мечей: один из Директориальной ложи «Владимира к порядку»; 2 из неизвестных лож, работавших в высших степенях; два меча рядовых братьев-масонов.

От масонского угла зала, пересекая его к противоположной стороне, можно ознакомиться с витринами, стоящими среди зала и заключающими в себе предметы домашнего обихода состоятельных слоев городского общества. Витрина с костюмами уже была описана выше. За нею следует такая же витрина № 299, с фарфоровой и стеклянной посудой.

Сверху витрины: три медных самовара.

Первая сверху полка: фарфоровые статуэтки мелких русских заводов, подставка для цветов и подсвечники с бисером.

Вторая полка: посуда чайная, фарфоровая и медная.

Третья полка: посуда для напитков фарфоровая — кружки в виде голов мужских и женских. Фигура фарфоровая завода Храпунова, изображающая монаха, несущего в снопе девушку. Фигура эта, исполненная заводом в 1817 г., затем была указом 1822 запрещена Александром I к продаже. Запрещение это имело противоположное действие: большой спрос на фигурку вызвал многочисленные копии и подражания различных заводов. Стеклянная посуда, штофы разноцветного стекла; медные чарки и кубки.

На дне витрины: посуда столовая, фарфоровая — тарелки (одна из них именная купеческого сына Чижова) и перечницы фигурные; фаянсовая — миска и тарелки, солонка серебряная в виде аиста.

Рядом на особом столе, № 300, расставлена часть предметов, составляющих так называемый «сюрту-де-табль»: украшение парадного обеденного стола. На зеркальной подставке, оправленной в бронзу, расставляются разных форм вазы из граненого хрусталя с бронзой, канделябры, фигуры; в вазах помещаются цветы, фрукты, конфекты. Выставленное сюрту-де-табль (неполное, за недостатком места) работы известного французского мастера художественной бронзы П. Ф. Томира (1751 — 1843), работы которого были в большой моде в начале XIX века во Фран-

ции и оттуда во многих экземплярах были привезены в Россию.

Далее, в витрине № 301, предметы домашнего обихода из фарфора, стекла и металла.

Сверху витрины: серебряные миска и бульотка, фарфоровая ваза императорского завода.

Первая сверху полка: чайный сервиз завода Гарднер с карикатурами художника Теребенева на сюжеты войны 1812 года и «тэт-а-тэт» (т.-е. сервиз для двоих) французского завода.

Общий вид зала XIX века.

Вторая полка: чайный сервиз французского завода, расписан женскими фигурами в костюмах «ампир», „дежене“ (т.-е. прибор для завтрака) и супница, зав. А. Попова.

Третья полка: стекло для холодных напитков, ставец парижской работы, серебряный с позолотой, на 8-ми львиных лапах. В нем 4 хрустальные четырегранные сосуда для вина и 24 золоченые гладкие граненые стаканчика. Принадлежал московскому губернатору гр. Ростопчину.

На дне витрины: Столовая посуда завода Мейссен и императорского завода.

В конце зала около занавески, в шкафчике красного дерева, № 302 расположены главным образом фарфоровые статуэтки, бывшие в большом ходу в продолжение почти всего XIX века. Среди них встречаются и этнологические изображения народов России, и уличные типы, и отголоски различных современных событий. Не предназначаемые обычно для каких-либо практических целей, они просто служили украшением письменного стола, туалета, этажерок и горок в гостиной, иногда участвовали в украшении обеденного стола. В шкафике расставлены:

На верхней полке: статуэтки фарфоровые завода Гарднер и статуэтка из кости, изображающая М. В. Ломоносова.

Вторая полка: статуэтки фарфоровых заводов: Гарднер и императорского, среди последних две фигурки по рисункам художника гр. Ф. Толстого: Девушка с коромыслом и Разносчик.

Третья полка: статуэтки фарфоровые завода Гарднер, среди них фигурки: Выездной лакей, Сбитенщик, Кучер и Еврей с часами, исполненные по рисункам книги «Волшебный фонарь» работы художника Венецианова. Щеголь и Щеголиха, зав. Сафронова.

На дне витрины: 4 кубка серебряных и кружка серебряная золоченая с отъемной крышкой, в кружку впаяны серебряные медали Наполеона I, ручка в виде сатира. По венцу вырезана надпись: «за смерть дьявола». На крышке четыре химеры, между ними резаны надписи: «Бегство из России», «Бегство из Франции», «Бегство из Египта», «Бегство из Испании». Налево от нее стоит кубок серебряный с отъемной крышкой. На стенках накладные орнаменты и медальон, окруженный доспехами. В медальоне резана надпись: «въ память генералъ-маіору Пушкареву». Кругом по кубку: «Доброму начальнику, верному участнику въ Славе, опасностяхъ и трудахъ достославной для Россіи и Спасительноій для Европы войны 1812, 1813 и 1814-й Годахъ. Усердное приношеніе отъ благодарныхъ ему подчиненныхъ Штабъ и Оберъ Офицеровъ Псковскаго Кирасирскаго Полка». На ручке крышки вензель из букв «Ф» и «П». Рядом, крайний налево, стоит кубок серебряный золоченый с отъемной крышкой; по кубку резана надпись: «генералъ маіору Голенищеву-Кутузову 1803 года».

Мебель, расставленная в разных местах зала, характеризует различные типы обстановки средних и состоятельных классов, главным образом, Москвы и провинции, так

Уголок зала XIX века.

называемого стиля «Ампир». В это время чаще всего для мебели применялись: красное дерево и корельская береза, полированные, с многочисленными украшениями из литой

и прочеканенной бронзы. Бронза применялась и для часов, канделябров, ламп и многоразличных мелких украшений комнатной обстановки. Как мебель, так и бронза привозились большею частью из-за границы, иногда мебель изготовлялась по заграничным образцам и русскими мастерами.

Осмотр витрин и мебели заканчивается у последней стены зала. Здесь, направо от занавеси, ограждающей проход в запасные залы Музея, расположена группа изображений, касающихся двора Александра I:

303. Сперанский, М. М. 1772—1839. Ближайший сотрудник Александра I. Составил план Государственных Учреждений и Гражданского Уложения. Работа Лампи младшего.
304. Тюфякин, П. И. 1769—1845. Директор императорских театров при Александре I. Работа Липуйля.
305. Мария Федоровна. 1759—1828. Жена Павла I, мать Александра I. Копия с Дау.
306. Васильев, А. И. 1742—1807. Министр Финансов при Александре I. Копия с Боровиковского.
307. Александр I. 1777—1825. С портрета Боровиковского.
308. Строганов, А. П. Участвовал в войне 1812 года. Работа Монье.
309. Елизавета Алексеевна. 1779—1826. Жена Александра I. Рожденная принцесса Баденская. С пастели Ю. Лебрен.
310. Растопчин, Ф. В. 1773—1826. Тайный советник и Президент Коллегии Иностранных Дел при Павле. При Александре I—Губернатор Москвы. Известный издатель афиш и народных картинок, направленных против французов (1812 г.). Работы О. Кипренского.
311. Александр I. 1777—1825. Работа Тропинина.
312. Кушелев-Безбородко, А. Г. 1800—1855. Член Государственного Совета.

В висячей витрине № 313, на этой стене, расположены портреты многочисленной семьи Александра I:

1. Анна Павловна. 1795—1865. Младшая сестра Александра I. В замужестве королева Нидерландская. Гравировал пунктиром Меку (р. 1774) с оригинала Беннер (1776—1818).
2. Мария Павловна. 1786—1859. Третья сестра Александра I. В замужестве великая герцогиня Саксен-

Веймарская. Цветная гравюра пунктиром Мюллер (1783 — 1816) с оригинала Ягемана (1780 — 1820).

3. Михаил Павлович. 1798 — 1849. Младший брат Александра I. Гравировал пунктиром Меку с оригинала Беннер.

4. Екатерина Павловна. 1788 — 1819. Четвертая и любимая сестра Александра I, в первом браке за герцогом Ольденбургским, во втором за королем Вюртембергским. Гравировал пунктиром Годби, английский гравер начала XIX в.

5. Николай Павлович. 1796 — 1855. Впоследствии император Николай I, вступил на престол 1825 г. Гравюра пунктиром.

6. Елена Павловна. 1784 — 1803. Вторая сестра Александра I, в замужестве принцесса Мекленбург-Шверинская. Гравюра пунктиром.

7. Константин Павлович. 1779 — 1831. Брат Александра I, наместник в Польше. Гравюра пунктиром и иглой, раскрашенная акварелью. С собственного рисунка Генне (1759 — 1828).

8. Александра Федоровна. 1798 — 1860. Супруга Николая I, дочь прусского короля. Гравировал пунктиром Флейшман (1791 — 1834) с оригинала Кюгельген (1772 — 1820).

9. Елизавета Алексеевна. 1779 — 1826. Супруга Александра I, рожденная принцесса Баденская. Гравюра резцом, раскрашенная акварелью с оригинала французского художника Изабе (1767 — 1855).

10. Елена Павловна. 1806 — 1873. Супруга Михаила Павловича, рожденная принцесса Вюртембергская. Гравировал пунктиром Ческий, И. В. (1777 — 1848).

11. Лович, княжна. 1799 — 1831. Вторая супруга Константина Павловича, рожденная графиня Грудзинская, Жанетта Антоновна. Гравюра с оригинала Сливицкого.

12. Константин Павлович в своей любимой позе у камина, в Лазенках — загородном дворце под Варшавой. Акварель работы Киль, Л. И. (ум. 1851).

13. Александр Вюртембергский. Брат императрицы Марии Федоровны. На русской службе с 1799 до смерти 1833 г. Рисунок карандашом.

14. Анна Федоровна. 1781 — 1860. Первая супруга Константина Павловича, урожденная принцесса Кобур-

ская. Гравюра черной манерой с собственного рисунка Зинтцених (1752 — 1812).

15. Ливен, Шарлотта Карловна. 1743 — 1828. Воспитательница сестер Александра I. Гравировал пунктиром и карандашной манерой Райт (1792 — 1849) с оригинала Дау (1781 — 1829).

Под витриной поставлен диван корельской березы с бронзой, на котором лежал во время своей болезни в Таганроге Александр I.

Продолжение осмотра направляется налево к углу зала у окна, посвященному войне 1812 — 1814 года. На стене:

314. Портрет Лысенко, участника войны 1812 г.

315. Кожина, Василиса. Партизанка 1812 г. Была награждена 500 рублями и медалью 1812 г.

316. Курин, Герасим. Партизан. Крестьянин Богородского уезда. За взятие в плен 3 французов и захват обоза возведен в гражданство, награжден 5000 рублями, орденом Георгия и медалью. Работы Смирнова в 1813 г.

317. Давыдов, Денис. 1784 — 1839. Партизан и поэт. Кроме войны 12 года, участвовал в войне с Персией и Польшей.

318. Князь Витгенштейн, П. Х. 1769 — 1843. В 1812 г. командовал 1-м корпусом в армии Барклая. В 1813 г. командовал русско-прусской армией.

319. Платова, А. М. 1791 — 1866. Дочь атамана Платова, М. И. По мужу Грекова. Отец обещал отдать в замужество ее и 50 тысяч золотом тому, кто доставит живого или мертвого Наполеона.

320. Шепелев, Д. Д. Генерал-лейтенант в 1812 г.

321. Кульнев, Я. П. Генерал-майор. Убит в 1812 г.

322. Платов, М. И. 1756—1818. Атаман Донского Войска.

323. 4 эпизода из бегства французов из России в 1812 г.

Напротив ширма из трех щитов, № № 324, 325, 326, с изображениями на ту же тему (начиная от окна):

1. Вид разрушенной части Кремля от Воскресенского моста.

1) Угольная у арсенала башня (Собакина).

2) Часть разрушенного арсенала.

3) Никольская башня, с сохранившимся образом.

4) Часть дома, где помещался магистрат. — Рисунок сепией А. Бакарева? (1762 — 1817).

2. Дворцы Пашкова, Меньшикова, Апраксина и др. Акватинта, крашеная от руки, работы Кларк, английский художник и гравер (1772 — 1863). С оригинала Джемс.
3. Грановитая палата после разгрома Кремля. Офорт Ледже? с оригинала Джемс.
4. Торжество, происходившее при заложении Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах в 1817 г. Гравюра пунктиром Афанасьева, А., крепостного Бекетова.
5. Платов, М. И. Генерал. Эскизный набросок карандашом и тушью к портрету, работа Тропинина, В. А. (1780 — 1857).
6. Ратник Московского ополчения 1812 г. Гравюра резцом.
7. «Устою в вере и верности» — изображение партизана 1812 г. Гравировал пунктиром Осипов, А. А.? (род. 1770), крепостной Филипповского по рисунку Ф. Кюнеля (род. 1766).
8. «Генеральный план столичного города Москвы, с назначением сгоревших домов под тушью, а ныне существующих под пунктиром».
9. Венский конгресс 1815 г. Гравюра пунктиром И. Годфруа (1771 — 1839) по оригиналу Изабе (1767—1855).
10. Парад пехоты перед Зимним дворцом в 1815 г. Александр I и Константин Павлович верхами перед фронтом. Гравюра очерком, крашеная от руки.

Карикатуры из эпохи 1812 — 1814 гг. (Поход Наполеона в Россию и пребывание русских войск в Париже):

11. «Французы, голодные крысы, в команде у старостихи Василисы»—одна из бесчисленных народных картинок 1812 г. Гравюра очерком, крашеная от руки.
12. Смотр французским войскам на обратном их походе через Смоленск. Гравюра очерком, крашеная от руки, Ив. Ив. Теребенева (1780 — 1815) (?).
13. Русская одежда эпохи 1814 г. Гравировал Гаттин? (род. 1773).
14. Первые шаги казачьего офицера во дворце. Гравюра очерком, крашеная от руки, работы Г. Гаттин

15. Казаки в Париже на прогулке в Пале-Рояле. Акварель Опитца (род. 1775), работал в России.

16. Казак приветствует молодую парижанку. Акватинта, крашеная от руки, работы Дебюкур, французского гравера, создателя акватинты, особой гравюрной техники (1755?—1832), по оригиналу Верне 1758—1836).

17. Казаки в Париже жарят в парке под деревом мясо на вертеле. Акварель Опитца.

В витринах №№ 327, 328, 329, под щитами, мелкие вещи: документы и изображения, связанные с отдельными лицами и некоторыми событиями 1812 года.

В крайней витрине № 327 собраны материалы, иллюстрирующие деятельность Ф. В. Растопчина в Москве в 1812 году:

Портрет Растопчина, Ф. В. 1765—1826. Карандашом, работы Витберга, А. Л. (1787—1855), с собственноручной подписью Растопчина на обороте:

Вот Мой,
Пришлите свой.
У Нас Разчота нетъ.
Портретъ за портретъ,
А им та Услуга,
Что будутъ Другъ У Друга.

23 фев. 1814. Москва. *Графъ Федоръ Растопчинъ.*

Портрет-миниатюра его же. Писан маслом на медной пластинке.

Карикатура на Ростопчина с надписью (в переводе): «Я сжег Москву, меня сжигает чорт».

Автограф Ростопчина.

Патриотические афиши.

Французы во время их пребывания в Москве (правая часть витрины).

Охранные грамоты и об'явления.

В витрине № 328 изображения участников войны 1812—14 гг. на различных предметах — миниатюрах, табакерках, рельефах, чайной чашке:

Кн. Голенищев-Кутузов, М. И. 1745—1813. Генерал-фельдмаршал. Главнокомандующий русскими армиями.

Гр. Ростопчин, Ф. В. 1765—1826. Главнокомандующий Москвы 1812 г.

Александр I. 1777—1825.

Лица Тройственного Союза (Александр I, Франц II, Вильгельм III).

Барон Розен, Г. В. 1782—1841. Генерал.

Платов, М. И. 1751—1818. Генерал от инфантерии.

Васильчиков, Д. В. 1778—1859. Генерал-майор (миниатюра слоновой кости и портрет, писанный маслом с подписью художника Ж. Дау) (1781—1829).

Кн. Остен-Сакен, Ф. В. 1752—1837. Губернатор Парижа.

Гр. Бенигсен, Л. Л. 1745—1826. Генерал.

Кульнев, Я. П. 1763—1812. Убит в сражении при Клястицах 20 июля 1812 года. Рядом с его изображением (миниатюра) георгиевский крест, сломанный им по преданию в предсмертной агонии.

Оленин, Е. И. Генерал-майор.

Гр. Коновницын, П. П. 1766—1822. Военный министр.

Неизвестный военный 1812 г. (табакерка) с надписью: «Императорского Величества (Фли)гель-Адьюта: Капита: 2-го Ра(нга)».

В этой же витрине (в нижних углах): две листовки — сообщения: о взятии Парижа и о взятии Бонапарта.

В крайней у окна витрине № 329:

Отражение 12-го года в литературе и быту:

Изображение Наполеона — две табакерки и пояснительная литография в красках к одной из них с аллегорическим портретом Наполеона.

Две бритвы, по преданию, отбитые у французов при переходе через Березину.

Табакерка из пальмового дерева с изображением аллегорической битвы трех императоров.

Табакерка из папье-маше с изображением плана в красках битвы при Лейпциге 18 и 19 октября 1813 г.

Воспоминания о 1812 г. А. Я. Булгакова. Рукопись с изображением Наполеона.

Сопроводительная бумага при пожаловании медали 1814 г.

Бумаги села Кускова 1812 г. — описание вещей, какие остались после пребывания французов, списки крестьян, находившихся в должности до и после прихода французов и др. Рукопись.

Пять книг 1812—14 гг., относящиеся к войне 1812 г. «Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества». М. 1813.
Ноты — «Маршъ для фортепіано на погребеніе Капитана и Кавалера Михайлова, убитаго при взятіи непріятельской батареи при городе Мангейме, 20 Декабря 1813 года. Усерднейшее приношеніе отъ брата его Роднаго въ Пользу подчиненныхъ покойному Воиновъ II Егерьскаго Полка 8 роты нижнихъ чиновъ. В С.-Петербурге у Пеца». На обложке автограф: Василій Михайловъ.

Наконец, последняя часть осмотра должна быть посвящена ознакомлению с материалами по декабристам, расположенному на обороте ширмы 12 года. Здесь в трех витринах и на трех щитах собраны изображения лиц, участвовавших в заговоре, их родственников, документы, касающиеся восстания, суда и ссылки декабристов, изображения мест ссылки. Среди материалов, имеющих сплошь характер уник (единственных или очень редких экземпляров), можно отметить чрезвычайно редкий портрет Константина Павловича «императора» и документы, адресованные ему с тем же титулом.

На щитах № № 330, 331, 332, начиная от окна:

1. Муравьева, А. Г., урожденная Чернышева. Жена декабриста. Рисунок карандашом и сангиной с акварелью Маньяни. 1816 г.

2. Вадковская, Е. И., мать декабристов. Рисунок карандашом и сангиной Маньяни.

3. Захар Григорьевич Чернышев. 1796—1862. Декабрист. Акварель работы Дорохова, художника-любителя.

4. Муравьева Е. Ф., мать декабристов. Литография.

5. Жуайэ. Воспитатель Чернышева, масон. Акварель.

6. Мисс Эванс. Воспитательница Чернышевых. Рисунок карандашем и сангиной Маньяни. 1817 г.

7. И. И. Пущин? 1789 — 1859. Декабрист. Рисунок карандашом О. Кипренского 1815 г.

8. Ф. Ф. Вадковский, декабрист. Рисунок карандашом и сангиной работы Маньяни.

9. Захар Григорьевич Чернышев, в юности.

10. И. Ф. Вадковский, брат декабриста, офицера Семеновского полка. Рисунок карандашом и сангиной Маньяни. 1815 г.

11. Вид Сенатской площади 14 декабря. Акварель художника К. И. Кольман? (1786 — 1847) с датой, но без подписи художника.

На щите № 332 некоторые рисунки более позднего времени привлечены к выставке ради пополнения небогатого графического материала о декабристах:

Декабрист Сергей Григорьевич Волконский. 1788—1865. Вид Ялуторовска, а над ним портреты: Якушкина, И. Д. 1793 — 1857, Муравьева-Апостола, М. И. 1793 — 1886, Пущина, Н. И. 1789 — 1859, Оболенского, Е. П. 1796 — 1865 и автографы их и других.

Вид Читинского острога.

Камера декабриста в Петропавловской крепости.

Церковь с могилами Муравьевой, А. Т. в Петровском заводе.

Виды Петровского завода.

В витрине № 333 (у окна) сгруппированы материалы, касающиеся лично отдельных декабристов:

Автографы: С. Г. Волконского, Н. И. Тургенева, Н. И. Кривцова, П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, И. Д. Якушкина, С. И. Муравьева-Апостола, И. И. Пущина, М. Ф. Орлова, А. З. Розена, М. Н. Волконской.

Аттестат, выданный Московским Университетом В. М. Голицыну 1824 г. Портрет декабриста М. А. Фон-Визина. Сочинения В. К. Кюхельбекера, К. Ф. Рылеева. Экземпляр «Полярной звезды», издававшейся Рылеевым и Бестужевым. Портрет Ф. Глинки. 1786—1880.

В соседней витрине, № 334, собраны материалы, касающиеся отречения Константина Павловича и момента восстания 14 декабря:

Отречение великого князя Константина Павловича от престола, 14 января 1822 г. Копия.

Манифест Александра I об отречении от престола Константина Павловича от 11 августа 1823 г., опубликованный после смерти Александра I.

Дело о кончине Александра I и принятии присяги великих князей Константину Павловичу. 1825 г.

Манифест Николая Павловича о смерти Александра I, 14 декабря 1825 г.

Портрет великого князя Константина Павловича, как императора. 1779 — 1831. Гравюра.

Подорожная от 19 декабря 1825 г., выданная «по Указу Императора Константина Павловича».

Указ Сената по поводу смерти Александра I.

Манифест Николая I о декабрьском восстании.

Об'явление Петербургских Ведомостей о декабрьском восстании в № от 15 декабря 1825 г.

В последней, витрине № 335, сосредоточены документы, касающиеся следствия, суда и наказания лиц, участвовавших в восстании 14 декабря.

Выписка из протокола Верховного Уголовного Суда, от 11 июля 1826 г. и приговора к смертной казни декабристов Пестеля, Рылеева и др.

Манифест об учреждении суда над декабристами, опубликованный в СПБ ведомостях 4 июня 1825 г.

Роспись государственным преступникам.

Записная книжка священника П. Н. Мысловского с 1814— 29 гг., в которой, между прочим, находятся его воспоминания о декабристах.

Донесение следственной комиссии.

Указ от 13 июля 1826 г. о совершении казни над декабристами.

Артельная книга с распорядком жизни декабристов в Петровском заводе с их автографами, 1831—35 гг.

В простенках между окнами висят портреты:

336. З. Г. Чернышев. 1796—1862. Декабрист. Работа худ. Смирновского 1821 г.

337. М. А. Фонвизин. Декабрист, член «Союза благоденствия». Автор Мемуаров «Записки Ф.».

В организации выставки принимали участие: Директора Государственного Исторического Музея Н. М. Щекотов, затем Л. И. Пономарев.

Комиссия по разработке идеи выставки, под председательством Ю. В. Готье, в составе: Н. М. Щекотова, А. В. Орешникова, Н. Б. Бакланова, И. М. Тарабрина, И. Н. Розанова, при секретаре А. П. Мюллер.

Комиссия по вопросам экспозиции, под председательством Н. Б. Бакланова, в составе: Н. М. Щекотова, А. П. Мюллер, Ю. В. Готье, Г. Л. Малицкого, А. В. Орешникова, Е. Ф. Корш, М. В. Бабенчикова, при секретаре М. И. Александровском.

В экспедиции на Урал летом 1925 г. для пополнения выставочного материала, под руководством Н. Б. Бакланова, принимали участие Г. А. Новицкий и А. Н. Топорнин.

В отборе материала и осуществлении выставки, под руководством особой тройки из Ю. В. Готье, Н. Б. Бакланова и Г. А. Новицкого, принимали участие сотрудники отделов: XVIII века: С. П. Григорова; XIX века: Завед. Отделом Е. Ф. Корш, сотр. Е. Н. Басова; Крестьянского быта: Завед. Отд. В. С. Воронов, сотрудн. С. К. Просвиркина; Архитектуры: А. Г. Введенская, М. И. Александровский; Тканей: Завед. Отд. В. К. Клейн, сотр. Л. И. Воронова; Домашнего обихода: Завед. Отд. А. А. Фомин, сотр. А. Б. Салтыков, Е. К. Муромцева, С. В. Прохоров, Н. М. Осин, И. А. Баранов, Л. И. Якунина, С. В. Фомина, Л. Н. Гутовская; Государственного быта: Завед. Отд. А. В. Орешников, сотр. Л. В. Кафка, А. М. Бардыгин; Бытовой иконографии: А. П. Мюллер, М. В. Бабенчиков, А. Л. Вейнберг, М. И. Дубовская, А. С. Сухотина, практикантки — Э. Н. Ацаркина, Е. И. Грейнерт; Отдела рукописей: Завед. Отд. М. Н. Сперанский, сотр. М. В. Щепкина и К. М. Асафов; Отдела архива: Завед. Отд. И. М. Тарабрин, сотр. О. И. Попова, М. Ф. Богданова; Отдела истории книги: Завед. Отд. И. Н. Розанов, сотр. К. А. Марцишевская; Зав. Отделением Библиотеки Н. В. Лобанова-Гиляровская. Технические сотрудники Музея: И. И. Сплошнов, Е. М. Комнаткин, Я. И. Лабзов. Репродукции в путеводителе по фотографиям П. А. Детинова.

Цена 1 р. 30 к.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000030208 21